

ОБРАЗЫ И
САКРАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
ДРЕВНИХ ЭПОХ

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

Свердловский Областной краеведческий музей

Научно-производственный центр по охране и использованию
памятников истории и культуры Свердловской области

Уральский государственный университет
Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория

ОБРАЗЫ И САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДРЕВНИХ ЭПОХ

ББК 63.49+63.5-4
УДК 930+39 В43

Образы и сакральное пространство древних эпох – Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. – 124 с.

Научный редактор:

кандидат исторических наук Н.М. Чаиркина

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.М. Белавин

кандидат исторических наук В.М. Морозов

Ответственные за выпуск:

В.Ф. Кернер, С.Н. Панина

Выход сборника приурочен к 70-летию В.Д. Викторовой.

Он посвящен проблемам духовной культуры ранних обществ Урала и Западной Сибири от эпохи палеолита до позднего железного века. В статьях представлена динамика образов лося, медведя, антропоморфных изображений в древней мифологии. Читатель познакомится с некоторыми культовыми памятниками края.

Сборник адресован археологам, этнографам, искусствоведам, краеведам, а также всем, кому интересен духовный мир населения древних эпох.

- © УрО РАН, Институт истории и археологии
- © Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области
- © Уральский государственный университет, Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
- © Свердловский областной краеведческий музей
- © Оформление. Издательство «Аква-Пресс»

ISBN 5-94544-004-3

ПРИНЦИП ПРЕДМЕТНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Археологи – люди практичные. Добывая тяжким физическим трудом свои источники, они редко вспоминают теоретические принципы, если только не впитали их вместе с профессиональной азбукой раскопок и разведок от наставников, которые сделали их жизненными принципами. В 1970-е годы в советской археологии наблюдалось возрождение интереса к методологическим проблемам: шли дискуссии на конференциях, страницах журналов и сборников, проводились семинары, издавались монографии. Одним из активных и широко известных теоретиков того периода была В.Д. Викторова. Дебаты со временем поутихли, семинары прекратились, а Валентина Дмитриевна продолжает читать спецкурс студентам и работать по тем нестареющим, актуальным и ныне принципам, которые когда-то вывела для археологии.

Вот только два понятия из ее семинаров: «принцип предметно-практической деятельности» и «образ жизни». За всеми раскопанными нами остатками кострищ, битой посудой, орудиями труда стоит человек, который все это сделал. Нужно увидеть его, понять технологию его действий, проследить процесс формообразования. Казалось, что сделать это почти невозможно, особенно для ранних периодов истории, но современные исследования трасологов показывают перспективность такого направления (А.К. Филиппов, Е.Ю. Гиря, П.Е. Нехорошев, П.В. Волков).

Как жил человек, чьи останки или вещи мы изучаем? Каким был его образ жизни? Могут ли археологические артефакты и в какой мере ответить на эти вопросы? Мы, получив от Валентины Дмитриевны теоретическую «прививку», думаем об этом. Мы хотим знать больше, чем давал нам памятник раньше, мы стремимся использовать новые методики, привлечь разных специалистов, исследовать торфяники и вечную мерзлоту, чтобы заглянуть в ту давно-давно бывшую жизнь. Это стало само собой разумеющимся, и мы не отдаем отчета, откуда это появилось в нас.

Сама Валентина Дмитриевна работает деятельно, предметно и практически. Она активна во всем: в семейной, производственной (полевой, теоретической, интеллектуальной, педагогической, организационной), общественной сферах жизни. Она из породы людей, притягивающих к себе положительным зарядом, как магнит. Ее главное правило жизни (если хотите – девиз): «Все проходит, лишь бы была любимая работа». Как часто в трудные минуты жизни, которые случаются у каждого, Валентина Дмитриевна одной фразой приводит нас «в чувство»: «Только работа может вывести из кризиса. Работай, и все уляжется на свои места». Мы пробовали – получалось. А сейчас и живем, согласно этому девизу.

Похоже, подобная жизненная установка привлекает и современную молодежь, которая из года в год сопровождает Валентину Дмитриевну в ее археологических экспедициях или старательно конспектирует ее лекции в Уральском госуниверситете. Для многих она оказала и оказывает реша-

ющее воздействие на выбор жизненного пути: под ее руководством ряд учеников «грызет гранит» увлекательной и сложной науки археологии. Ее высокий профессиональный уровень позволяет ей быть наставником не только среди молодых, но и зрелых людей. Валентина Дмитриевна никогда не откажет в совете, не пожалеет затратить драгоценное для нее время на человека, жаждущего истины. У нее прекрасный отряд, несмотря на сложные условия работы в окрестностях города. Она окружена студентами, аспирантами, соискателями и выросшими при ее участии внуками. Сейчас Валентина Дмитриевна работает над темой, раскрывая не просто образ жизни древнего человека, а его образ мыслей и чувств. Она – человек, фонтанирующий идеями. Занимаясь духовной культурой народов древности, она делает это так заразительно, что увлекает за собой других. Ни одна конференция по проблематике духовной жизни древних обществ не обходится без ее участия, где она своими докладами, замечаниями и суждениями привлекает единомышленников, а многим попросту «открывает глаза». Научные издания с ее статьями расходятся моментально, а ее монография «Научный поиск в археологии» уже превратилась в раритет.

Валентина Дмитриевна работает в Институте истории и археологии со дня его основания, как работала с момента появления «зародыша» Института – Отдела истории при Институте экономики УрО РАН. Ее главный «полевой» труд в эти годы – поселение Палатки 1, которое, наряду с детьми и внуками, тоже ее любимое детище. Некоторым людям подобное исследование одного поселения кажется слишком долгим и медлительным. Но ведь в археологии, как и в любом другом серьезном и ответственном деле, важно не количество, а качество. Во-первых, памятник действительно достоин тщательного и долгого изучения – это многослойный и сложный археологический комплекс. Он по-своему уникален. На небольшом пространстве берега древнего проточного озера на протяжении тысяч лет (от эпохи мезолита до позднего железного века) имелись, по-видимому, прекрасные условия для разнообразной жизнедеятельности людей. Здесь они жили, занимаясь охотой и рыболовством, а позднее – выплавкой металлов. Здесь они хоронили своих родных. Здесь они проводили свои магические ритуалы, направленные на улучшение и продолжение жизни. Об этом свидетельствуют культурные слои, содержащие остатки жилищ, производственных и жертвенных площадок, орудия из камня и металлов, предметы искусства и культа, обломки глиняной посуды – главной путеводной нити сменяющихся эпох. Уникален памятник и близостью к городу, и доступностью дороги к нему. На его основе Валентина Дмитриевна мечтает создать Музей под открытым небом. Она создала концепцию Музея, определила его площадь, ведется работа по музеефикации других археологических комплексов, расположенных на берегу того же озера в непосредственной близости друг от друга. Их исследуют археологи, уже давно считающие себя учениками и единомышленниками Валентины Дмитриевны. Этот комплекс включает древние поселки и городища, камнеобрабатывающие и металлургические мастерские, культовые центры (ряд писаниц). Здесь же – каменоломня, ямы для пережигания извести и древесины – истоки Верх-Исетского завода и, следовательно, города Екатеринбурга. Мы уже не говорим о памятниках природы – растениях, занесенных в Красную книгу, реликтовой кедровой рощи, деревьях – современниках Ивана Грозного, чудом сохранившейся многообразной фауны, залежах минералов и горных пород, часть из которых составляют известные по всему миру Евгение-Максимилиановские копи. Борьба за Музей – сложная, затянувшаяся, приводящая то к успеху, то к провалу – не сломила Валентину Дмитриевну. Музей – одно из важных дел ее жизни. Мы желаем ей внимания и понимания людей, от которых оно напрямую зависит.

Жизненный путь Валентины Дмитриевны, как и у всех состоявшихся людей, усыпан терниями. Но, несмотря на это, она не утратила жадности к жизни и тяги к знанию, доброты, которую излучает на окружающих, энергии, которую тратит, не скупясь.

Мы от всего сердца поздравляем Валентину Дмитриевну с ее замечательным юбилеем и желаем здоровья и долгих лет активной творческой жизни на радость себе и нам.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ...

Человек сам выбирает свой жизненный путь. Но очень важно, чтобы на этом пути встретились люди, озаряющие его. Именно они снимают сомнения в правильности выбора. Я считаю, что в этом отношении мне очень везло всю жизнь.

До сих пор я рассказываю студентам об А.И. Виноградове, который раздал нам, студентам-первокурсникам истфака, статьи из журнала «Вопросы древней истории» и сказал: «Выпишите, сколько раз автор использовал слова «возможно», «вероятно», «можно предположить», «можно высказать гипотезу» и т.д.». И мы сами сделали вывод о том, что в науке нет истин в последней инстанции, надо рассматривать альтернативные варианты, проверять и перепроверять их достоверность. А дальше – уроки Н.А. Бортника по трепетному отношению к историческому источнику, позднее – уроки В.В. Адамова по смелому отстаиванию своих новых идей, яркие лекции Л.Н. Когана.

Две тропинки моих студенческих поисков первоначально очень далеко отстояли друг от друга. Одна началась в философском кружке Л.Н. Когана, где в голову неоднократно закрадывалась тревога – возможно ли научиться так свободно и, порой, так непонятно оперировать философскими терминами?

На вторую тропу я вышла после посещения археологического кружка К.В. Сальникова. Здесь восторг вызвали доклады студентов, в том числе, В. Викторова о результатах собственных археологических разведок. Запахло романтикой открытий!

И начались метания: летом – участие в раскопках и разведка новых памятников в степях Башкирии. Зимой – на третьем и четвертом курсах – курсовые работы по взглядам В.В. Стасова на искусство. А на пятом курсе, после работы в фондах ГИМа, – дипломная работа по памятникам срубной культуры Южного Урала.

Рекомендация в аспирантуру оказалась излишней, потому что вышел указ о приеме в аспирантуру только после двух лет работы по специальности. Пять лет работы в ШРМ и рождение двух детей не ослабили тяги к науке. Еду в поле, а дети – один пешком, а другая – в коляске – на раскоп.

В 1960 г. в сборнике «Из истории Урала» вышла первая статья, которой предшествовало мое выступление на конференции, где присутствовал О.Н. Бадер. Казалось бы, с интересами Отто Николаевича совершенно не связаны проблемы срубной культуры Южного Урала. Но это был Учитель с большой буквы, и он в очень теплых словах благословил мое выступление в археологическую науку.

Разведки начались в новой ландшафтной зоне – лесном Зауралье. После первого полевого сезона в коридоре Свердловского областного краеведческого музея я встретила с В.Н. Чернецовым. Не знаю, как правильнее определить отношения, сложившиеся с этими удивительными людьми – В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской. Дружеские? Благожелательные? Сердечные? Наверное, все, вместе взятое. Валерий Николаевич очень обрадовался, что началось сплошное разведочное исследование памятников лесного Зауралья, предсказал интересные находки, и впоследствии каждый раз при встрече интересовался результатами.

Мне никогда не забыть сцену в зале Института археологии во время моей защиты кандидатской диссертации. Валерий Николаевич в это время лежал в больнице и специально приехал, чтобы защитить меня и мою работу. Хотя он не слышал выступления оппонентов, но все равно защищал очень вдохновенно. Был 1970 г., и это была его последняя защитная речь.

А пока возвращаюсь снова к 1960-му году. Я должна была поступать в аспирантуру к К.В. Саль-

никову. Но, когда начала сдавать экзамены, он переехал в Уфу, и я оказалась «кукушкиным яйцом» для В.Ф. Генинга.

Все ученики Владимира Федоровича знают, что его лекции были блестящими – глубокими по содержанию и артистическими по форме. Как ученый, он всегда находился в поиске. Работать рядом с ним было очень интересно, но трудно. В.Ф. Генинг был суров и требователен по отношению к своим аспирантам. Сколько я намучилась со своими статьями, когда Владимир Федорович по 2-3 раза возвращал их на доработку – писать надо четко и ясно.

И теперь, когда меня спрашивают – чья я ученица, отвечаю – К.В. Сальникова, В.Н. Чернецова, В.Ф. Генинга.

К.В. Сальникова, потому что в раскопках на Урняке, Салихово, Береговке и Боборыкино я «заболела» полем. Работая рядом с ним, поняла, что основа интуиции – знания и культура. В.Н. Чернецова, потому что приняла от него в наследство памятники Лесного Зауралья, а также принцип – видеть в любом человеке, работающем рядом на ниве археологии, будь то студент-первокурсник или школьный учитель, своего сподвижника, собрата по открытиям. В.Ф. Генинга, потому что он укрепил во мне стремление к поиску в археологии как в теории, так и на практике – в полевых и камеральных исследованиях.

Аспирантура была очной. Более основательно погружаясь в специальность, я начала понимать, сколько в археологии нерешенных теоретических вопросов. Археология – самостоятельная или вспомогательная наука? Какая наука изучает мир вещей? На основании каких критериев следует выделять археологические культуры: археологических, социально-экономических или этнических? А если этнических, то каковы критерии выделения древних этносов? И тогда же, при подготовке кандидатских экзаменов по специальности и философии, убедилась в значимости археологии в решении таких проблем, как происхождение человека и его специфических черт – трудовой деятельности, сознания и общественных отношений.

Поэтому, когда стало ясно, что после окончания аспирантуры не будет работы по специальности, я снова вышла на тропу «философия».

Открывая эту страницу своей жизни – 18 лет работы на кафедре философии УПИ, убеждаюсь, что это был, пожалуй, самый верный путь для формирования моих представлений о сути археологической теории.

Дружеская атмосфера на кафедре позволяла посещать лекции любого преподавателя и учиться. Для меня чрезвычайно важной оказалась та особенность, за которую неоднократно ругали сверху нашего зава Г.В. Мокроносова: разноплановость научных интересов сотрудников кафедры. Поняв, что у современной археологии нет теоретических оснований, я жадно впитывала идеи всех выступлений и дискуссий: о диалектике личности и общественных отношений, по объекту и предмету фундаментальных наук, по образу жизни и др.

Не скажу, что сразу все было понятно. Приходилось еще и еще раз обращаться к работам, по которым шли споры. И, самое главное, через призму новых идей пытаться осмыслить ситуацию в археологической науке. За такую нелегкую жизнь я благодарна всем философам кафедры.

И моя научная жизнь потекла по двум, постепенно сходящимся колеям. Летом – работа в поле. А зимой каждый раз по-новому готовлю и читаю лекции студентам, потому что просто не могу иначе. Изучаю 3, 23, 42, 46, 47 тома К. Маркса и Ф. Энгельса, штудирую работы Э.В. Бесчервных, Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, Э.Г. Юдина и др., выявляя суть деятельностного и системного подходов и возможности их «работы» в понимании природы вешного мира.

Мои поиски шли в русле теоретических дискуссий в археологических кругах. Спор о природе археологической культуры, возникший в 60-х гг., постепенно перешел в осмысление факта проблемной ситуации в археологической науке (Ю.Н. Захарук) и необходимости построения ее теории (В.Ф. Генинг, А.Я. Шер, И.С. Каменецкий, В.М. Массон).

Все дальнейшее мое движение в науке – попытка понять природу археологических вещественных источников путем развертки генерализующей идеи – принципа предметно-практической деятельности.

Каждое поколение стоит на плечах своих предшественников. Обращаясь к истории развития археологической науки в стране, выяснила, что «философию археологии» на основе идей эволюционизма разрабатывал еще в начале 20-х гг. В.А. Городцов. А принцип предметно-практической деятельности в трудах начала 30-х гг. очень плодотворно, в том числе, по отношению к археологической науке, использовали Ф.В. Кипарисов и К.Р. Мегрелидзе.

Вот когда мнегодились разнообразные дискуссии и неформальные обсуждения статей и книг М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича, работы Н.С. Злобина, Г.А. Давыдовой, М.С. Кагана, А.Н. Леонтьева и др.

Пригодилась и общественная парткомовская работа. Ведь приходилось основательно готовиться перед каждым посещением философских семинаров преподавателей технических кафедр, где

обсуждали вопросы объекта и предмета своих наук, диалектику эмпирического и теоретического в познании, логику научного поиска и пр.

Но как лучше всего проверить правильность своих мыслей и развить их? Универсальный способ – проговорить их перед заинтересованными людьми. И проговорить неоднократно. Такой аудиторией были студенты истфака, специализирующиеся по археологии. Многие археологи, работающие в Археологической лаборатории УрГУ и в Отделе археологии и этнографии нашего института, были невольными сотворцами моей монографии «Научный поиск в археологии». Потому что нет ничего более вдохновляющего для лектора и исследователя, чем понимающие глаза студентов. И я им очень благодарна.

Может возникнуть вопрос, зачем я в техническом вузе занялась еще и системой нравственно-эстетического воспитания? Для ответа придется снова вернуться на первый курс истфака. Небольшая группа студентов-первокурсников, пришедшая из школы, решила заняться художественным самообразованием. Мы сочли, что весьма обделены и поэтому невежественны в отношении культуры. Задумали читать и обсуждать художественную литературу, готовили вечер классической музыки, доклады о жизни и деятельности художников. Начинание было задушено в корне старшими сокурсниками, которые обвинили нас в групповщине и отрыве от курса. В стороне от духовных богатств осталось не только наше, но и последующее поколение.

Мне кажется, что я ответила на вопрос о причине моей работы в СНЭВе вплоть до моего ухода из института. Но добились ли мы тогда, чтобы огромные пласты духовного наследия прошлых поколений вызвали глубокий интерес у студентов технического вуза? И да, и нет.

Да, потому что были студенты, которые с удовольствием вошли в мир духовного обогащения. К сожалению, я сейчас уже не помню ни имени, ни фамилии того студента, чья пластинка с записями мотетов И.С. Баха хранится у меня как результат обмена из его складывающейся фонотеки с моей.

Нет, потому что многие студенты остались равнодушными к духовному наследию, и мне их жаль.

Препринт «Направленность исторической реконструкции как методологическая проблема» в соавторстве с профессором В.Е. Кемеровым и монография «Научный поиск в археологии» написаны и вышли в свет уже после моего ухода с кафедры философии в археологию – сначала в Отдел истории Института экономики, а позднее – в Отдел археологии ИИиА УрО РАН. Правда, защита докторской диссертации по монографии не состоялась. Я опоздала с ней на 10-15 лет. Но, по моему глубокому убеждению, идея значимости принципа предметно-практической деятельности для понимания природы вещного мира отнюдь не устарела. И я продолжаю в этом убеждать студентов на спецкурсе по теории и методологии археологического исследования.

Новый коллектив, и опять очень дружественные и отзывчивые коллеги. Хорошие люди рядом и любимая работа – что может быть лучше? Особенно в условиях безвременья и неустойчивости судьбы каждого человека в нашей стране.

У меня появились большие возможности продолжить дальше сведение тропинок археологии и философии. Только теперь целью поиска становится выявление природы знака и знаковых систем. По своей предыдущей работе я поняла, что убедить археологов в значимости идей можно лишь тогда, когда они увидят «работу» этих идей в приложимости к конкретным археологическим фактам. А уральская археология располагает уникальными памятниками духовной культуры ранних обществ. Но есть ли возможности их достоверной расшифровки?

И снова я погружаюсь в море литературы: Е.М. Мелетинский, В.И. Топоров, Ю.М. Лотман, К. Леви-Строс, М. Элиаде. А потом глубже – снова М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, Л. Леви-Брюль, О.М. Фрейдберг, и еще глубже – К. Юм, М. Мосс, К. Малиновский, Э. Дюркгейм.

И сразу возникли вопросы. Есть ли теоретическая основа у семиотики? Какова природа архетипов К. Юнга, коллективного сознания Э. Дюркгейма? На чем основана мифологическая модель мира М. Элиаде?

И постепенно выстраивается представление о том, что семиотика в применении к первобытной мифологии – это совокупность эмпирических закономерностей, основанных, преимущественно, на мифологических текстах периода разложения первобытного общества или раннеземледельческих культур. И не корректно экстраполировать эту модель на периоды раннеродового и позднеродового общества.

А генерализующая идея семиотики маячит где-то рядом. Теория информации? Но она разработана, преимущественно, к естественным и техническим дисциплинам. А, может быть, это уже забытый современными философами всеобщий принцип отражения, включающий теорию информации?

Разобраться необходимо, потому что плюрализм концепций имеет две стороны. С одной стороны, хорошо оттачиваешь свою точку зрения или вырабатываешь ее во множестве диалогов. С другой стороны, для молодого исследователя-археолога выбор очень сложен. Когда основные силы уходят на то, чтобы справиться с проблемами своей науки, ему трудно, да, иногда и некогда вдуматься в суть много-

численных концепций. А термин «архетип» благозвучен для археолога. Так почему бы его не использовать, если занимаешься духовными ценностями конкретной археологической культуры? А что понимал под этим термином К. Юнг, уже не важно.

Вот и приходится мне расширять спецкурс по теории и методологии археологического исследования, проясняя позиции различных авторов не только на понимание природы вещи, но и природы знака.

Более того, для анализа артефактов духовного мира оказывается необходимой не только обобщенная теоретическая концепция, но и применение метода, инвариантного природе знака. Могут возразить (и возражают!), зачем особый метод, когда вещь – единство утилитарного и знакового, и существует типологический метод анализа вещей. Стоит ли изобретать велосипед?

Фокус состоит в том, что он давно изобретен. Это – метод иконографического описания и типологии художественных образов у искусствоведов, когда рассматривается абрис образа, его поза, пропорции, детали, моделировка деталей. Не только описание по этому методу, но и иконографическая типология успешно применялась к уральской металлической пластике еще в работах А.А. Спицына и, в особенности, Д.Н. Анучина в конце XIX – начале XX вв.

Метод иконографической типологии продуктивно используется при анализе палеолитических росписей в пещерах и наскальных изображений более поздних периодов. В последние десятилетия к нему обратились исследователи памятников Урала и Западной Сибири при рассмотрении каменной (О.П. Ченченкова) и металлической пластики (Л.В. Чинова, Л.А. Чиндина, Е.Ф. Королькова, Я.А. Яковлев, Н.В. Федорова). И результаты налицо: принципиально новые выводы о пространственно-временном распределении предметов, выполненных в определенной иконографии, в конечном итоге, дающей представление о художественном стиле.

И снова свои идеи я разрабатываю в спецкурсах и ищу в глазах студентов ответы: интересно? будут «работать» в курсовых и дипломных работах? В ряде публикаций, предвещающих монографию по духовной культуре ранних обществ Урала, проверяю свои идеи при реконструкции фрагментов мифологических картин мира эпох неолита, энеолита, раннего железного века.

Третья тропа определилась более 10 лет назад. Она связана с идеей создания Археологического музея под открытым небом с центром на острове Каменные палатки, где можно восстановить объекты всей древней истории горно-лесной полосы Зауралья от эпохи мезолита до XVIII в. «Розовую мечту» С.Н. Паниной и мою подхватили В.Ф. Кернер и Н.А. Алексашенко. Она приняла более масштабный вид, когда в состав нашей инициативной группы вошел профессор Э.Ф. Емлин: Археологический музей и геологический заказник должны быть в составе Историко-ландшафтного парка «Истоки Исети». При поддержке академика Ю.Н. Вершинина и директора нашего Института академика В.В. Алексеева идее был придан официальный ход. И начались наши мытарства по коридорам власти. Сейчас, когда на помощь пришло еще и Министерство природных ресурсов, согласование идет уже по четвертому кругу.

А между тем, мы уже 25-й год копаем на острове Каменные палатки, и каждый год приносит новые открытия. Давно написано научное обоснование необходимости как парка «Истоки Исети», так и музея. Пять лет (вместо намеченного 0,5 года) действовала выставка «Истоки Исети: Человек. Река. Камень». По материалам раскопок на острове Каменные палатки создан видеофильм. Надеемся, что вскоре выйдет научно-художественная книга «Истоки Исети». Но нет самого главного – решения Правительства о создании парка.

А жаль! Как бы радовались школьники, увидев на острове внешний облик святилищ эпох неолита и раннего железного века, работающие мастерские по производству каменных орудий и сосудов, богато украшенных древними орнаментами, дымящиеся горны по выплавке меди и варке железа. Как было бы интересно не только детям, но и взрослым очутиться в полужемлянке VI тыс. до н. э. на противоположном берегу палеозера Романовского или увидеть фортификации Большегорского городища населения Иткульского металлургического очага раннего железного века.

Очень хочется, чтобы оживила древняя история края!

Да, 70 лет жизни, 50 лет в поле, немало написано и сказано... Но как еще много надо сделать!

В.Д. Викторова

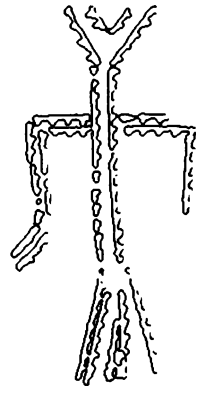
Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

В.В. Колмакова

Уральский политехнический институт, г. Екатеринбург

А.Ю. Федорова

Арт Медия, г. Екатеринбург

И РАЗНЫЕ НАРОДЫ ПОБЫВАЛИ ЗДЕСЬ...

Под этим названием объединены две небольшие статьи, потому что на одном и том же острове в III тыс. до н. э. обитало местное финно-угорское население с мифологической картиной мира, складывающейся тысячелетиями, а в начале II тыс. до н. э. из районов Южного Урала появились мигранты индо-иранской языковой группы с совершенно иными духовными ценностями.

Когда исследователи обращаются к определенным этно-языковым характеристикам, особенно для археологических культур III-II тыс. до н. э., требуются доказательства. Попробуем их привести.

Каменные палатки – южный остров Романовского палеоозера, входившего в систему озер верховьев р. Исети. Северо-западную площадку острова (памятник Палатки 1) древнее население освоило в мезолитическое время. В последующие эпохи население различных археологических культур не менее 12 раз оставило здесь следы своего пребывания в виде оснований жилищ, мест производства каменных и металлических орудий, древней каменоломни, культовых мест, погребений. Эти факты удалось установить в результате 25 лет исследований на памятнике. И не раз за это время возникали удивительные загадки.

КУДА СМОТРЕЛ ГЛАЗ ЛОСИХИ

Одна из загадок возникла, когда на первой террасе западной гряды, у подножия которой расположен памятник Палатки 1, был обнаружен валун, напоминающий голову лося/лосихи. Боковая, торцовая и нижняя грани камня длиной 2,4 м, высотой до 1,1 м плоские, другие – боковая и торцовая – рельефные. В нижней части морды «зверя» виден выступ длиной 0,45 м, который смотрится как «серьга». Выступ переходит в выемку длиной 0,45 м. Выпуклина – глаз размером 23 x 12 см – выступает на 4 см. Он расположен на расстоянии 1,6 м от носа на высоте 0,75 м от основания валуна. Нижняя, боковая и, частично, верхняя часть округлого естественного выступа глаза были подчеркнуты/подработаны узким желобком (рис. 1)¹. В 0,5 м от прямой грани следа от снятия фигуры и параллельно ее верхнему очертанию заметна щель длиной 1,5 м. Возможно, это – результат разметки первоначально предполагаемого разлома.

Валун был намеренно отчленен от скального массива и передвинут на 45° относительно своего первоначального местонахождения. Рядом сохранился след его снятия: в нижней части в виде треугольной выемки и почти прямоугольной – в боковой. Этот негатив, как и стороны валуна, существенно отличается своей сглаженной поверхностью от «свежих» следов в каменоломне XVIII в., расположенной на центральной гряде острова.

Подработка глаза желобком вполне понятна: южной части камня хотели придать большее сходство с головой лося. Удивляет отчленение и перемещение валуна весом в несколько тонн. Это же огромный труд!

Если исходить из логики расположения объектов от эпохи неолита до позднего железного века на северо-западной площадке, то валун не надо было ни отчленять, ни двигать. Глаз «обозревал» практически всю площадку. После поворота камня глаз «стал смотреть» на периферийную юго-восточную часть площадки. Здесь на расстоянии 14 м от валуна было расположено жилище эпохи бронзы коптяковской археологической культуры. Еще дальше – на расстоянии 22 м – находились три постройки аятской культуры энеолитического времени.

Следы технологии отчленения валуна аналогичны следам на каменоломне эпохи бронзы, диагонально пересекающей памятник. Казалось бы, что валун следует отнести к этому времени. Но для мифологии населения, пришедшего с Южного Урала, образ лося не характерен. В духовных же ценностях населения лесной полосы Евразии этот персонаж стал центральным, начиная с эпохи мезолита. Он продолжал бытовать и в мифо-ритуальной практике неолитической эпохи. В энеолитическое время мифы с образом

¹ Все рисунки к статье выполнены О. Спиридоновой.

лося/лосихи появились на скалах горно-лесной полосы Зауралья. Территория расположения писаниц с сюжетами, включающими этот образ, совпадает с границами распространения аятской культуры.

Поселения аятской культуры в верховьях р. Исети исследовались неоднократно: на острове Макуша (Берс, 1961; Чаиркина, 1997, с. 27-29), на юго-западной площадке острова Каменные палатки (Панина, 1988). Исследование поселка аятской культуры с остатками жилищ и мастерскими по производству каменных орудий на памятнике Палатки 1 дало обычный для этой культуры материал.

Выходящим из ряда обычных оказалось наполовину раскопанное в последние годы сооружение, расположенное в юго-восточной части поселка. Оно построено на месте двух более ранних жилищ аятской культуры и частично перекрывало их очертания, поскольку было углублено ниже уровня пола обоих. К сожалению, восточная и юго-восточная части постройки оказались разрушенными глубокими бороздами лесопосадок. Сохранилась западная стенка сооружения длиной 4,7 м, часть северной с фрагментом выхода и часть южной длиной 4,5 м. По наличию ямок вдоль стен и по центральной оси можно судить о том, что постройка имела каркасно-столбовую конструкцию с прямоугольным основанием. В ее южной части расчищен очаг в виде пятна прокала овальной в плане формы размером 60 x 30 см. Мощность прокала – 7-10 см. Очаг и канавка вокруг него шириной от 15 до 40 см были слегка углублены от уровня очень твердого пола.

Чем же это сооружение отличается от всех ранее изученных жилищ аятской культуры? По крайней мере, в трех отношениях.

Первая особенность – в полу, наряду со спрессованными кусочками глины, дресвы, кварца и чешуек черного плитчатого сланца, наблюдались вкрапления охры. Кусок охры обнаружен в одной из ямок. Этим же минералом на 6-12 см была заполнена канавка шириной 20 см, расположенная параллельно выходу в его восточной части. Такое скопление охры в аятских жилищах до сих пор не встречалось.

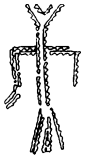
Вторая особенность постройки связана с находкой на ее дне рядом с очагом фигурного изображения, выполненного из черного кремнистого плитчатого сланца. Оно изготовлено в манере, присущей кремневой пластике Зауралья: изображение головы зверя, обработанное краевой ретушью (Литвиненко, Сериков, 1998, рис. 2). Правда, фигуру трудно отнести к мелкой пластике, так как ее длина составляет 8,3 см. Плоской крупной ретушью узкой пластине придана форма головы лося/лосихи. По всей вероятности, изделие предполагалось использовать, прикрепляя к чему-либо, потому что плоской крупной ретушью приострена и нижняя часть шеи зверя (рис. 2). Аналог крепления изображений лосиных голов перпендикулярно шесту известен на «жезлах» онежских петроглифов (Столяр, 1983, рис. 1). На Северной писанице верховьев р. Исети рога-тая фигура держит в руке посох с отростком, направленным в сторону (Широков, Чаиркин, Пронин, 1990, рис. 1). В отростке можно предположить прикрепленную к посоху головку лося или какого-то иного зверя.

Третья особенность связана с находками на дне жилища сосудов. Наряду с развалами двух, характерных для аятской культуры, необычными оказались два других сосуда. В северном углу постройки обнаружены крупные фрагменты верхней половины сосуда с орнаментом, нанесенным двумя способами – гребенчатым штампом и отступающей палочкой, отпечатки которой оставляют след в виде псевдошнура. Гребенчатым штампом нанесен поясok из косых линий по внутренней стороне венчика, такой же поясok окаймляет верхнюю часть орнамента из косых полос псевдошнура. Пять отпечатков гребенчатого штампа составляют привески к углам заштрихованных треугольников, выполненных отступающей палочкой. Но суть дела не в различной технике нанесения орнамента. Н.М. Чаиркина уже описала подобные сосуды, в технике нанесения которых переплетаются традиции липчинской и раннеаятской культур (1997, с. 27-29). Особенность данного сосуда – в наличии намеренно нанесенного овального отверстия размером 4 x 5 см, расположенного между двумя треугольниками (рис. 3). Его назначение пока остается загадкой, аналоги неизвестны.

У второго раздавленного сосуда, вкопанного в глину восточнее очага, сохранились почти все фрагменты. Возможна полная реконструкция его орнаментальной композиции. В состав глиняного теста сосуда включены кусочки охры. В верхней фризе изображены фигуры больших водоплавающих птиц. Между ними стоят три антропоморфные фигуры с рогами и хвостами. Во второй орнаментальной зоне между крупными заштрихованными зигзагами помещены фигурки меньших по размеру водоплавающих птиц. Ниже расположена зона малых зигзагов, затем – цепочка ромбов. Дно опоясывают два ряда треугольников (рис. 4, 5).

Композиция из вписанных друг в друга углов/треугольников на фоне волнистых линий известна на неолитических сосудах горно-лесной полосы Урала и расшифрована как миф о земле, поднимающейся из вод мирового океана (Ковалева, 2002, с. 6). Образ горы в виде заштрихованных треугольников характерен и для сюжетов на неолитических сосудах населения боборыкинской культуры, пришедшего из горных районов Переднего Востока (Викторова, 2002, с. 86). Образ треугольника-горы традиционно сохранился и вошел в мифологические представления энеолитического населения горно-лесной полосы Урала (Викторова, Чаиркина, Широков, 1997, рис. 1).

Изображение череды плывущих водоплавающих птиц, выполненных гребенчатым штампом, имеются на нео-энеолитических сосудах лесной полосы Евразии от Финляндии до восточных склонов

Урала. В горно-лесной зоне Урала подобные изображения встречаются на керамике шувачишской культуры (начало III тыс. до н.э.). Следует подчеркнуть спокойную позу плывущих птиц – прямоугольные туловища расположены по горизонтальной прямой. Сосуд с поселеня Палатки 1 выпадает из этой серии, прежде всего, из-за иной позы птиц. Туловища как больших, так и малых фигур, наклонены на 30-35° к горизонтальной плоскости. Соответственно, вниз направлены их шея и головы. Это – поза ныряющих птиц.

Фигура в позе выныривающей из воды водоплавающей птицы с прямоугольным туловищем обнаружена на Коптеловом камне (Широков, Чаиркин, Чемякин, 2000, рис. 10). Ту же позу – голова и туловище, устремленные вверх, – можно увидеть в изображениях с Раскатихинской писаницы и Навесном гребне (Викторова и др., 1997, рис. 4). В этой же публикации было отмечено, что прямоугольный абрис туловища птицевидных изображений на писаницах – канон, перешедший с сосудов, украшенных гребенчатым штампом (Викторова и др., 1997, с. 47).

Можно предположить, что ограниченные изобразительные возможности гребенчатого штампа привели не только к созданию прямоугольного абриса фигур, в том числе, копытных, но и к трансформации волнистых линий, изображающих водное пространство, в горизонтальные зигзаги.

Теперь можно предложить следующую структуру мифа на сосуде: большие водоплавающие птицы верхнего фриза – выше линии вод, малые водоплавающие птицы – ныряющие в воду, под малой линией вод – знак земли – ромб, еще ниже – форма земли в виде двух линий гор.

Несмотря на большой временной разрыв – 5 тыс. лет – есть определенные основания (Викторова, 1999, с. 29-30) для сопоставления мифа на сосуде с мансийским вариантом угорского мифа о сотворении Земли (Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990, с. 258).

«Живут старуха и старик тундрового холма... По двум сторонам дома сплошная вода, земли совсем нет... Однажды с неба слышится какой-то шум. Старик выглядывает из окна: сверху, с неба летит железная гагара, ныряет в воду, чтобы найти землю. Ходила-ходила, вынырнула – никакой земли не нашла. Вдохнула, вдохнула, опять нырнула в воду. Ходила-ходила, вынырнула – опять пусто, нету земли. Немного вдохнула, третий раз нырнула, а когда вынырнула, так вдохнула, что горло лопнуло, а в клюве у нее была крошечка земли. Взлетела и удалилась в сторону неба.

Старуха и старик легли спать. На следующий день, когда они встали, с неба снова слышится какой-то шум. Старик смотрит в окно: с неба вниз летит гагара, ныряет в воду. Ходила, ходила, когда вынырнула, ничего у нее нет, пусто. Немножко вдохнула, вдохнула, снова нырнула в воду. Снова ходила, ходила. Когда вынырнула, тоже ничего нет. Немножко вдохнула, третий раз нырнула. Когда вынырнула, так вдохнула, что макушка лопнула. В ее клюве большой кусок земли. Клюв обтерла об угол тундрового холма, потом улетела в сторону неба... День ото дня земля росла. На третий день воды вовсе нет. Все стало землей».

В комментариях к этому тексту Н.В. Лукина отмечает, что миф о сотворении земли передан здесь в наиболее архаичном варианте, и приводит следующие аргументы. Первый: представление о верховном духе еще не сложилось, птицы достают землю по собственной инициативе. Второй: в зачине мифа фигурируют старуха и старик – «люди первоначальной земли» или «первопредки». Перечисление этих персонажей во всех случаях начинается со старухи, в чем Л.В. Лукина видит намек на то, что в древнее время женщины играли более важную роль в обществе (Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 530).

Следует добавить третье свидетельство архаичности мифа – его этиологический характер. В случае с первой гагарой в мифе дается объяснение, почему гагары стали краснозобыми. В случае со второй – объясняется, почему у гагары (поганки) весной на голове появляется украшение из рыжих и черных перьев.

Итак, в мансийском мифе тоже два персонажа – две гагары. В первой части повествования трижды действует железная гагара. Эпитет «железный», «железная» в угорском фольклоре означает сакральный/сильный/большой. В мифе на сосуде этому определению соответствуют фигуры больших водоплавающих птиц. Возможно, это были изображения гагары. Древние рыбаки и охотники хорошо знали повадки и возможности водоплавающих птиц – лишь немногие из них, и, в первую очередь, гагары могут нырять до дна глубоких водоемов.

У второй, более удачливо ныряющей гагары, в угорском мифе нет эпитета. Можно предположить, что этому персонажу в мифе на сосуде соответствует изображение малых ныряющих в воду гагар.

В мифологических образах на сосуде любопытно отметить две детали, которые отсутствуют в угорских текстах. Тройному нырянию гагар соответствует знак земли в виде цепочки ромбов и две гряды гор на дне сосуда. Можно предположить, что гагары ныряли не за абстрактной землей, а за землей в образе гор.

Вторая деталь, тоже выпадающая из угорского фольклора, – наличие трех антропоморфных фигур. Отметим их иконографические особенности. En face двойными линиями отпечатков гребенчатого штампа нанесены отходящие от шеи рога, широкие прямоугольные плечи, опущенные вниз руки с разведенными в стороны ладонями; у одной из фигур от ладони вбок отходит отросток, ноги расставлены, между ними расположен той же длины хвост. На уральской древней посуде подобные персонажи еще не встречались.

Аналоги этим персонажам можно найти на зауральских писаницах. При их сравнении в качестве ведущего критерия определена форма головы, которая у разных исследователей имеет название «двурогой», «вилкообразной», «раздвоенной», «рогатой». Изображения с головой подобной формы известны: со второй писаницы на оз. Большой Аллак (Чернецов, 1971, рис. 34 – 1), 1-го Бородинского камня, Писаных камней на реках Тагил и Ирбит (Чернецов, 1971, рис. 51 – 2,4,5). Рогатые персонажи прорисованы также в 7 и 12 группах Шайтанской писаницы с р. Реж (Широков, Чаиркин, 1990, рис. 8, 15), на писанице с р. Ай (Широков, 1990, рис. 9), на Северной писанице верховьев р. Исети (Широков, Чаиркин, Пронин, 1990, рис. 2).

В остальных деталях рогатые антропоморфные изображения индивидуальны, хотя в каждом случае повторяются отдельные черты иконографии образов с сосуда. У персонажей с Ирбитского камня, скалы Большой Аллак и из 12 группы Шайтанского камня – прямоугольные плечи и руки опущены вниз, у одной из фигур от руки вбок отходит отросток/жезл. Как уже было замечено выше, посох/жезл хорошо просматривается в руке фигуры Северной писаницы. Хвост присущ ряду рогатых персонажей: из 7 группы Шайтанской писаницы, с 1 Бородинской скалы, Тагильского Писаного камня, мужской, по В.Я. Толмачеву, фигурке с Камня у оз. Большой Аллак.

Сопоставляя позы фигур, следует отметить, что персонажи на сосуда статичны: руки опущены вниз, ноги не согнуты в коленях. В наскальных изображениях, как правило, фигуры переданы в движении. Они, за исключением айской и шайтанской из 12 ой группы, в разных вариантах сочетаются с животными, птицами, ловушками. Можно предположить, что в наскальных изображениях каждый рогатый персонаж – действующее лицо различных мифов. Создается впечатление, что в мифе на сосуда рогатые фигуры не столько действующие, сколько присутствующие при мифическом событии, как старуха и старик в угорском фольклоре.

Важно отметить, что рогатые изображения на скалах, в отличие от антропоморфных фигур с круглыми головами, пока известны лишь на одной из нескольких писаниц с территории бассейнов различных притоков рек горной полосы Зауралья: рр. Тагил, Реж, Ирбит, Ай, верховьев Исети. В этом факте можно увидеть одно из подтверждений версии В.Н. Чернецова (1971, с. 80) о том, что прорисовка на скалах условно-антропоморфных образов могла соответствовать территориям распространения генеалогических тотемных групп.

Существуют две интерпретации подобных фигур. В.Н. Чернецов (1971, с. 92), сравнивая их с более поздними гравировками на металлических дисках, полагал, что в обоих случаях представлены предки в ритуальной пляске. В.Т. Петрин и В.Н. Широков (1987, с. 53) усмотрели в сценах с зоо-антропоморфными фигурами пляску шаманов. Сравняя рогатые изображения с фигурами на неолитической посуде Прибалтики (конец V – начало IV тыс. до н. э.), ученые констатировали факт появления в это время шаманизма (Петрин, Широков, 1987, с. 56).

Действительно, две фигуры на керамике из поселения Лубянской долины иконографически близки как к изображениям на сосуда с поселения Палатки 1, так и к персонажам с рогами зауральских писаниц. У одной из них рога переходят в шею, широкие прямоугольные плечи, ладони опущенных вниз рук, расставлены в стороны, ноги согнуты в коленях (Лозе, 1983, рис. 3 – 3). У другой фигуры, выполненной в позе адорации, между расставленными ногами изображен хвост (Лозе, 1983, рис. 3 – 2). От зауральских фигур их отличает лишь накольчатая техника нанесения изображений и непропорционально короткие нижние конечности.

Традиция изображения рогатых антропоморфных фигур наблюдается и в других, более поздних (вплоть до III тыс. до н. э.) памятниках лесной полосы Европы. Это костяная антропоморфная фигурка с раздвоенной головой из Южного Приладожья (Ошибкина, 1992, рис. 75 – 1). Правда, автор считает, что симметричные выступы могли обозначать головной убор (Ошибкина, 1992, с. 65). Важно указание исследователя на то, что похожие изображения с раздвоенной головой есть в петроглифах Норвегии (Ошибкина, 1992, с. 67). В культуре населения западной части Русской равнины конца IV-III тыс. до н. э. известен сосуд со стоянки Коломцы. На нем между чередой плывущих птиц помещена рогатая антропоморфная фигура (Зимина, 1992, рис. 154).

Образ, встречающийся на памятниках лесной полосы Европы в течение ряда тысячелетий спорадически, на восточном склоне Урала прочно вошел в мифологические тексты. Каково же его значение – предок или шаман?

Вопрос в определенной мере позволяет разрешить случайная находка диска-навершия, обнаруженного на горе южнее г. Нижнего Тагила (Сериков, 2002, рис. 1). На одной из плоских сторон диска нанесены две антропоморфные фигуры, в которых автор увидел изображения шаманов (Сериков, 2002, с. 33). При ряде отличий изображений голов – одна с 4-я рогами, у другой – выше рогов нанесена ромбическая фигурка, у персонажей есть общие черты с образами на сосуда. Во-первых, прямоугольные плечи и опущенные вниз руки, во-вторых, наличие посоха/жезла с отростками вбок у одной из фигур. Необходимо отметить две детали, важные для интерпретации рогатых антропоморфных изображений – трехпалость рук и волнистую или зигзаговую, по автору, форму хвоста.

Думается, возможно и иное, близкое к версии В.Н. Чернецова, понимание значения рогатых фигур в мифологии древнеуральского населения. Трехпалость рук – свидетельство того, что изображены духи, и, продолжая развивать точку зрения В.Н. Чернецова, возможно, что это – духи предков/первопредков в их древнем зоо-антропоморфном облике.

Возможно, был прав В.Я. Толмачев, усмотревший в фигуре с хвостом мужскую особь. Но опять-таки изображения на диске дают основание и для иного осмысления хвоста/фаллоса. В персонаже с рогами могли сочетаться различные черты: копытного/лося, антропоморфного существа с могучими плечами и рептилии/змеи. Последний образ хорошо прослеживается в мифологии населения горно-лесной полосы Урала, начиная с эпохи неолита. Он встречен в композициях на сосудах боборыкинской культуры и играет существенную роль в мифологических текстах на сосудах аятской, липчинской и волвончинской культур эпохи энеолита.

Постройка в юго-восточной части памятника Палатки 1 с многочисленными следами охры, где у очага найдена часть посоха/железа в виде каменного изображения головы лося, а на полу вкопан сосуд, на котором расшифровывается финно-угорский миф о создании Земли, была сакральным центром. Именно этим можно объяснить то, почему многотонная гранитная голова лося была повернута так, что его глаз был обращен в сторону постройки.

«МЕНГИРЫ» ИЛИ МЕНГИРЫ?

Древние каменоломни в уральском регионе не были известны. Да их никто и не искал. Хотя надо было давно задуматься, откуда в равнинном Притоболье, например, на памятниках по берегам Андреевского озера, появилось такое большое количество шлифовальных плит, зернотерок и пестов.

Каменоломню на памятнике Палатки 1 обнаружили на второй год раскопок (1979) не совсем обычным путем. Среди студентов-историков, проходивших археологическую практику на острове, оказался юноша, привыкший к аккуратности в любой работе. Разбирая завал камней, он начал складывать их один к одному, в итоге получилась стенка из блоков ромбовидной формы одинакового размера – 25-30 x 20-25 x 40 см. Участница раскопок, студентка Архитектурного института, увидев эту «стенку», заявила, что блоки подобной формы более оптимальны при строительстве, нежели прямоугольные, так как стенка держится без всякого раствора.

В последующие годы при внимательном изучении каменного ложа длиной около 27 м (рис. 6), пересекающего памятник по диагонали, были обнаружены не снятые блоки и негативы от снятых. Трасолог Н.А. Алексахенко зафиксировала многочисленные следы разметок монолитов, неглубокие пропилы для добычи небольших, среднего размера и крупных блоков, а также следы от пропилов для изготовления узких (10-15 см) плит. Стало понятным и большое количество каменных пил, обнаруженных на памятнике.

Статус каменоломни оспаривался как археологами, так и геологами. Один из аргументов последних – «полна чудес могучая природа!». Но опять-таки один из геологов не только признал наличие древней каменоломни, но и подсказал, как могли на ней работать. В отличие от каменоломни XVIII в., расположенной на центральной гряде острова, где отчленили блоки прямоугольной формы, древние мастера делали пропилы соответственно структуре камня – параллельно краям матрацевидных гранитных отдельностей. Осенью в неглубокие пропиленные щели забивали деревянные клинья. А дальше «работали» вода и лед. Весной можно было снимать «урожай» – готовые блоки ромбовидной формы или узкие плиты.

Логика скептиков-археологов была таковой – докажите, что блоки и плиты применялись где-то на памятнике.

Одно из доказательств – узкие плиты использовались в качестве шлифовальных для внутренних нужд населения, начиная с эпохи неолита. Они найдены в составе мастерских по производству каменных орудий как на неолитическом поселении Исетское Правобережное 1, расположенном на противоположном берегу палеозера Романовского, так и в составе мастерских эпохи энеолита на всех раскопанных поселениях верховьев р. Исети. В эпоху бронзы подобные плиты применяли для изготовления зернотерок. Вполне вероятно, что плиты-заготовки «экспортировали» и в другие районы, где не было выходов гранита, вплоть до Притоболья.

Есть доказательства применения блоков различных размеров. Блоки среднего размера перекрывали могильную яму эпохи бронзы (Викторова, 2001, рис. 2 – 1). Блоки небольшого размера (20 x 10 x 5-3 см) в сочетании с бесформенными плитками, уложенными в два «этажа», составляли подковообразную фигуру, в центре которой лежали бронзовые изделия. Возможно, это был кенотаф, характерный для сейминско-турбинского феномена (Викторова, 2001, рис. 2 – 2).

Нашли свое применение и крупные блоки. Когда в 1984 г. на северо-западной границе каменоломни был обнаружен стоячий камень-блок, его условно называли «менгиром». Камень был установлен на материковой гранитной площадке. О его намеренной постановке свидетельствуют специально подложенные под

камень с севера и востока мелкие камешки. Высота «менгира» № 1 – 60 см. Верхняя плоскость имела форму параллелограмма со сторонами 25 и 40 см. Ее центр пересекали по диагонали линии, образующие два ромба со сторонами 12 см. Блок был ориентирован узкими гранями в направлении восток-запад с небольшим отклонением. Как ни странно, но при преобладающих в крае северо-западных ветрах, наиболее хорошо сохранились северная и западная плоскости камня. На верхней грани видны следы выветривания, на южной и восточной плоскостях – выбоины от разрушения (рис. 7 – I).

К блоку на уровне основания (оно было приподнято за счет подложенных камней) с запада примыкала овальной формы линза темно-коричневой супеси с большим содержанием угля. Ее размер 1 x 0,3 м. В линзе обнаружены отщепы, фрагменты керамики аятской и коптяковской культур.

Блок № 2 обнаружен на южной границе каменоломни. Его верхняя часть была видна и до раскопок южных участков. Но камень был наклонен к западу и очень сильно подвергнут выветриванию, поэтому в нем трудно было заподозрить стоящий блок. Лишь в ходе исследований стало понятно, что он в свое время, возможно, был поставлен вертикально в неглубокую скальную выемку, а потом, намеренно или случайно, сдвинут от расщелины к западу, и завалился набок. В расщелине остались лишь два небольших камня, которые, возможно, были подложены для его равновесия. Даже наклонившись, блок сохранил свою ориентировку по узким граням в направлении восток-запад. Его высота – 90 см. Форму верхней сильно обветренной плоскости лишь условно можно определить как параллелограмм. Ширина хорошо сохранившейся узкой восточной грани составляет 30 см, северной и южной плоскостей – 45 см (рис. 7 – II). Рядом с блоком на уровне его основания других объектов не обнаружено, а находки представлены отщепами и фрагментами керамики аятского типа.

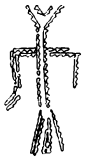
Блок № 3, в отличие от первых двух, находится на юго-восточном отроге каменоломни, значительно ниже рядом расположенного выхода скал со следами разметки и снятия блоков. Камень сохранился лучше первых двух и имел иную ориентировку по продольной оси – с севера-запада на юго-восток, совпадающую с линией естественных разломов скальных выходов. Поэтому блок первоначально был принят за останец, сохранившийся после снятия камней вокруг него. После их расчистки стало ясно, что блок снизу отчленен от скалы и с запада прислонен к невысокому выходу гранита. Его высота – 65 см. Размер верхней почти прямоугольной плоскости 38 x 48 см, основания – 50 x 55 см. На верхней плоскости сохранились следы снятия блоков среднего и небольшого размера (рис. 8 – I). На уровне основания блока были найдены отщепы и скребок.

Блоки № 4 и 5 сохранились плохо, но нет сомнения в том, что камни были намеренно поставлены в восточной части памятника у основания западной гранитной гряды. Высота блока № 4 – 57 см, форма его верхней плоскости близка к параллелограмму. Ширина торцовых граней 25 см, продольных – 40-45 см. Основание округлое, но подложенных камней не было. Камень стоял вертикально, потому что юго-западной стороной опирался на край глиняной площадки. По длинной оси блок ориентирован ЗСЗ-ВЮВ (рис. 8 – III). Высота блока № 5 – 47 см. Его верхняя округлая часть трапецевидной формы слегка наклонена. Узкие боковые плоскости шириной 30 см, две другие боковые грани – 45-47 см (рис. 8 = II). На одной из них видна выемка от части, отломанной в древности. Нижняя плоскость блока – горизонтальная, поэтому он твердо стоял на глиняном основании.

Возможно, стоящих камней в этом месте было больше, или их время от времени меняли. В 40 см восточнее камня № 4 на боковой широкой грани лежал блок в форме почти правильного параллелограмма размером 70 x 37 см. При расчистке оказалось, что вся его нижняя часть превратилась в дресву. Такая же ситуация наблюдалась и во втором случае. В 20-30 см западнее блока № 5, также на широкой боковой грани, лежал камень. В наиболее сохранившейся части его размер был 63 x 35 см.

Блоки № 4 и 5 стояли по обе стороны от начала канавки, вытянутой по линии ЗСЗ-ВЮВ. Как уже было отмечено, в этом же направлении по длинной оси был ориентирован камень № 4, а также хорошо сохранившаяся юго-западная стенка блока № 5. Канавка длиной 2,6 м, конусообразная в профиле, на глубину до 60 см была заполнена черной супесью с углистыми включениями. В верхних горизонтах на глубину до 20 см ширина канавки варьировала от 30 см в юго-восточной части до 60-80 см в северо-западной. На этом же уровне юго-западная прямая стенка канавки окаймлена полосой коричневой супеси с линзами прокала. По обе стороны от объекта светло-коричневая супесь была рыхлая от примеси золы. На уровне 20 см от дна ширина канавки на всем ее протяжении одинакова – 30 см. На границе с ней в прокаленном слое расчищена ямка, заполненная угольками, возможно, от сгоревшего столба. На глиняной площадке возле блока № 5 и в канавке находок не обнаружено. За ее пределами в верхних горизонтах коричневой супеси найдены фрагменты керамики коптяковского и иткульского типа, ниже – неорнаментированная круглодонная чашка, кусок талька, фрагменты сосудов аятского и коптяковского типов.

На участке возле глиняной площадки с блоком № 4 найдены отщепы, фрагменты аятского сосуда и один обломок от сосуда эпохи бронзы. В 1,5 м южнее расчищено детское погребение с сосудом коптяков-

ского типа (Викторова, 2001, рис. 6 – 2). Выше могильного пятна найдены части сосуда этой же культуры с изображением череды плывущих «уточек» на шейке (Викторова, 2001, рис. 6 – 8).

Возникает несколько вопросов. Стоячие блоки на памятнике – «менгиры» или менгиры? Каким могло быть их назначение? К какому времени относится создание каменоломни и установление крупных блоков в вертикальном положении?

Мы называли стоящие блоки «менгирами», пока подобные камни не были открыты в степях Южного Зауралья (Петров, 2002). Речь пойдет об одиночных менгирах. Важно отметить, что они были из гранито-гнейсовой породы. Половина камней имела прямоугольную форму. Менгиры стояли вертикально, чему способствовали подложенные под них камни. Они возвышались над поверхностью на высоту около 1 м (Петров, 2002, с. 206-208).

Различие мегалитов двух регионов заключалось в том, что степные камни выше и вкапывались в землю. Но самое главное – у них иная функция. По мнению автора, менгиры устанавливались на границе между степью и человеческим жильем, у дорог, ведущих к долговременным поселениям, и служили их стражами (Петров, 2002, с. 211).

Блоки № 1 и 2 с острова Каменные палатки тоже были «пограничными», но они обозначали границы каменоломни. Менгир № 1 фиксировал ее северо-западный конец/начало, № 2 – южный конец. Вторая общая черта этих блоков заключается в их ориентации узкими гранями в направлении восток-запад. При этом, если блок № 2 фиксировал лишь границу рабочей зоны, то менгир № 1, по-видимому, являлся центром ритуальных действий. С высокой площадки, на которой стоял этот камень, открывался хороший обзор на всю каменоломню. Ориентировка менгира восток-запад позволяет предположить, что обряды могли производиться утром перед началом работ на каменоломне, а, возможно, и вечером, после ее окончания. Об использовании в ритуальных действиях огня свидетельствует линза коричневой супеси, насыщенная угольками, зафиксированная у подножия менгира с западной стороны. О ритуальном назначении комплекса можно судить еще и по тому факту, что после свершения всех работ на каменоломне, сакрализованное пространство площадки возле менгира было завалено крупными валунами и мелкими камнями так, что на поверхности осталась лишь его верхняя плоскость. Со временем она была перекрыта дерновым слоем.

Блок № 3 отличается местонахождением в каменоломне – значительно ниже ее южного отрога – и иной ориентировкой граней. Как уже было отмечено, она совпадает с линиями естественных разломов гранитных плит. Можно увидеть в этом камне заготовку менгира, который, по какой-то причине, не был использован по назначению.

Блоки № 4 и 5, вероятно, входили в состав культового комплекса с канавкой, столбом на ее краю и глиняными площадками. Повод для огненных ритуалов, проводимых рядом с канавкой, пока остается неясным.

К какому же времени можно отнести каменоломню? Есть несколько свидетельств ее древности.

Первое – в ряде мест на дне каменоломни обнаружены остатки металлургических мастерских раннего железного века с основаниями горнов, следами построек, находками медных шлаков, изделий и керамики иткульского типа (Бельтикова, Викторова, Панина, 1993, с. 139-141). Второе – в щелях каменоломни найдены кремневые отщепы, фрагменты керамики эпох неолита и энеолита, небольшое число обломков от сосудов коптяковской культуры. Таким образом, в эпоху бронзы работа на каменоломне была завершена, все щели были забиты артефактами предшествующих времен. Селище аятской культуры в этой части памятника было разрушено, остатки жилищ сохранились лишь к югу и востоку от каменоломни. На первый взгляд, каменоломня могла действовать позже бытования поселения аятской культуры эпохи энеолита, но раньше появления мастерских раннего железного века. В этом случае возникает одно противоречие. В эпоху бронзы шлифовальные плиты уже, в основном, вышли из употребления, в то время как в составе каменоломни – в ее центре и южном отроге – найдены заготовленные/отчлененные, но не снятые плиты. Можно предположить, что начало работы по распиловке гранитных отдельностей для изготовления шлифовальных плит уходит в эпохи неолита-энеолита. Только веками накопленный опыт работы по граниту мог дать основание для появления такого феномена как отчленение многотонного камня с изображением головы лося.

Основное ложе каменоломни возникло в результате снятия каменных блоков различных размеров и приходится на эпоху бронзы. находка фрагментов керамики коптяковской культуры у основания камня № 1 и у канавки с камнями № 4 и 5 могут в определенной мере маркировать начало этой работы.

Время появления одиночных менгиров в степном Зауралье Ф.Н. Петров (2002, с. 209, 211) определяет эпохой поздней бронзы и связывает их с алакульским или срубно-алакульским индоевропейским населением. Думается, что появление менгиров в лесном Зауралье также принадлежит традициям населения индо-иранской языковой группы, пришедшего в верховья р. Исети с Южного Урала.

Рис. 1. Гранитный валун с изображением головы лосихи

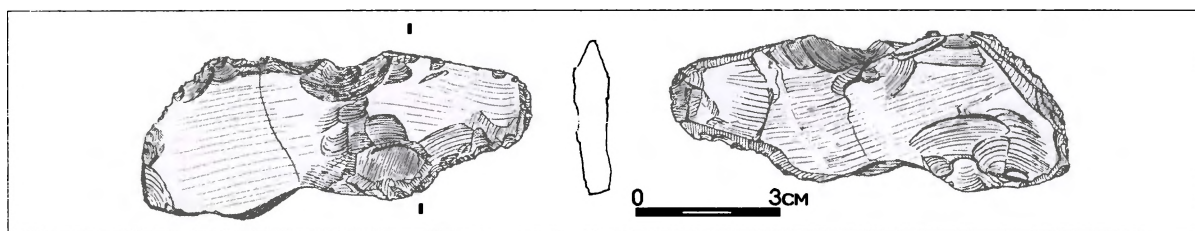

Рис. 2. Изображение головы лосихи из черного плитчатого сланца

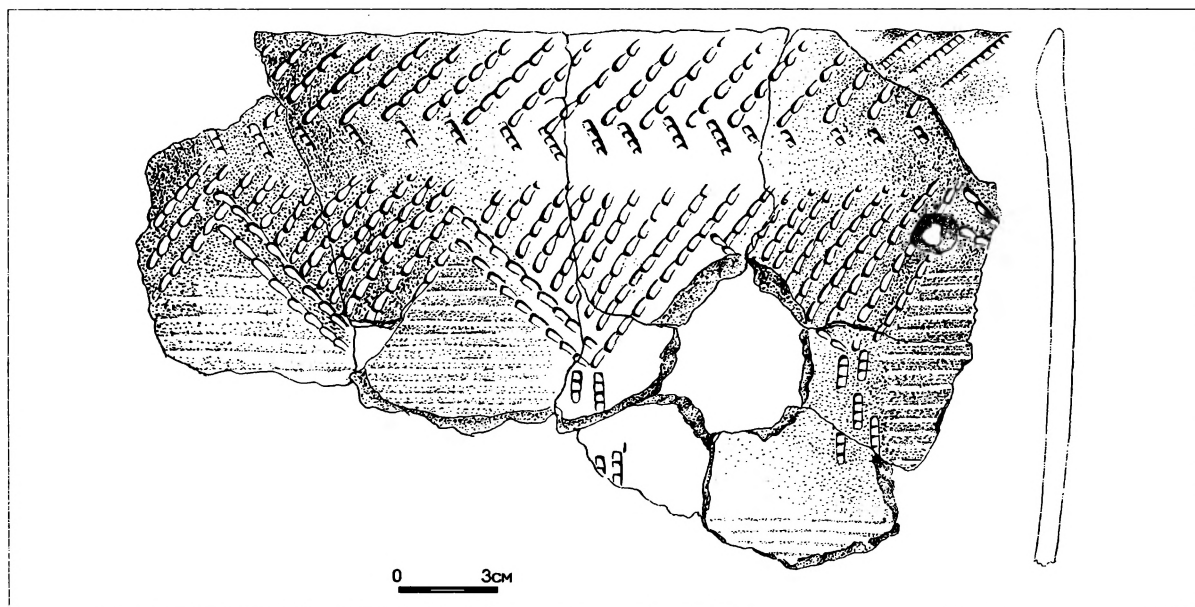

Рис. 3. Фрагменты сосуда с овальным отверстием

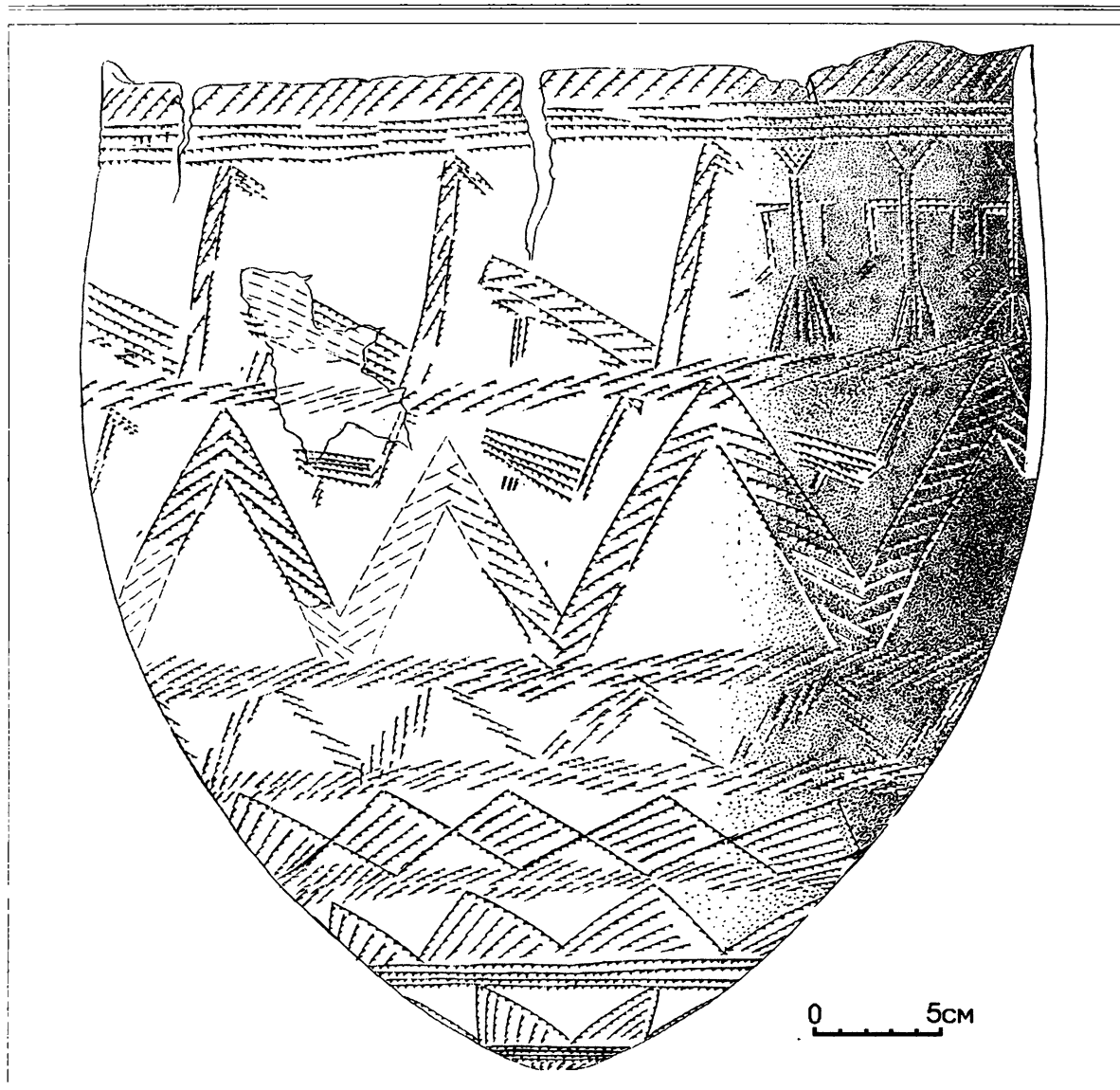

Рис. 4. Сосуд с изображением водоплавающих птиц и антропоморфных рогатых фигур

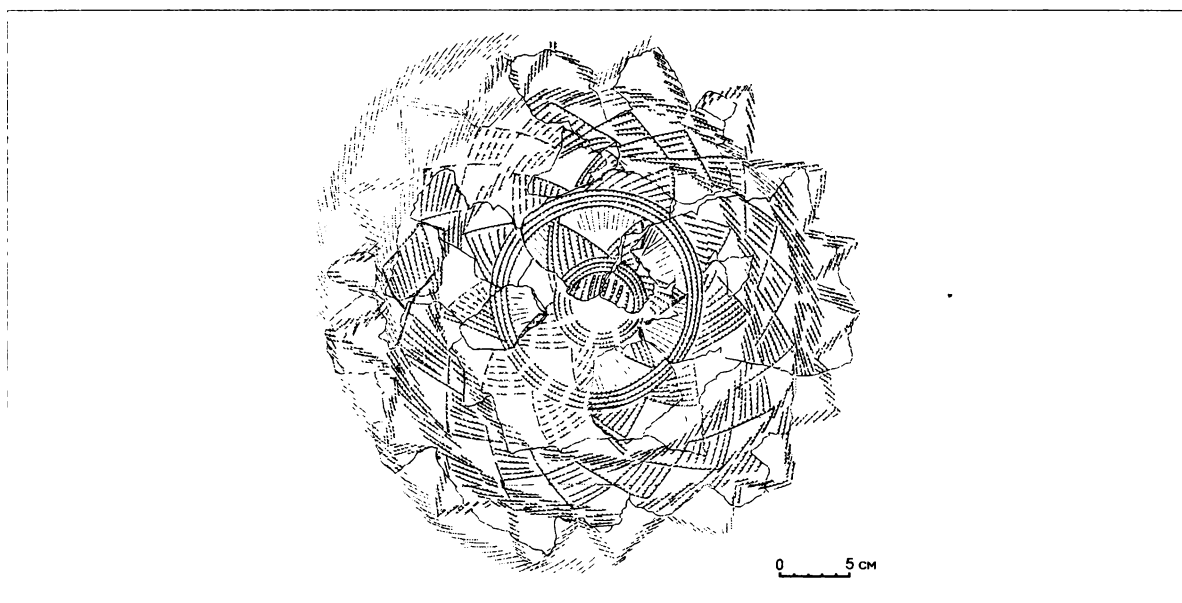

Рис. 5. Дно сосуда с изображением водоплавающих птиц

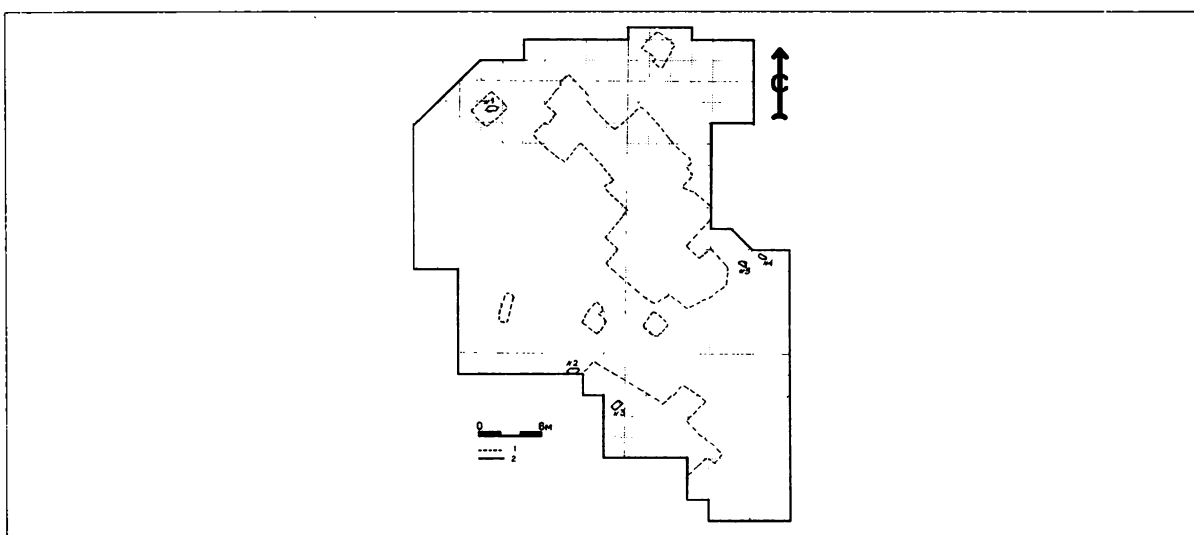

Рис. 6. План расположения каменоломни и менгиров:
1 – границы каменоломни и менгиров;
2 – границы раскопа

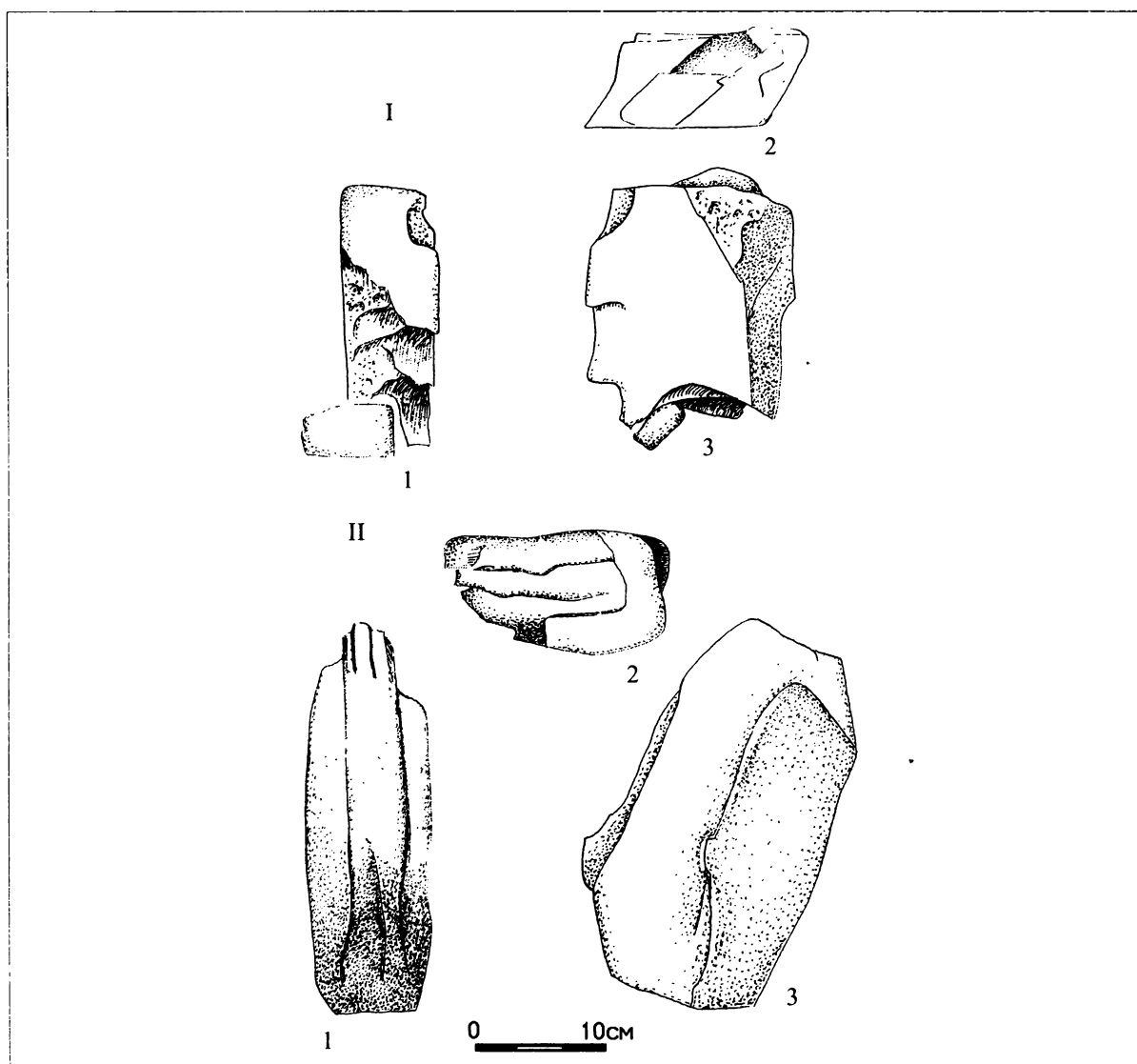

Рис. 7. Менгирь: I – блок № 1. Плоскости: 1 – восточная; 2 – верхняя; 3 – северная.
II – блок № 2. Плоскости: 1 – восточная; 2 – верхняя; 3 – северная

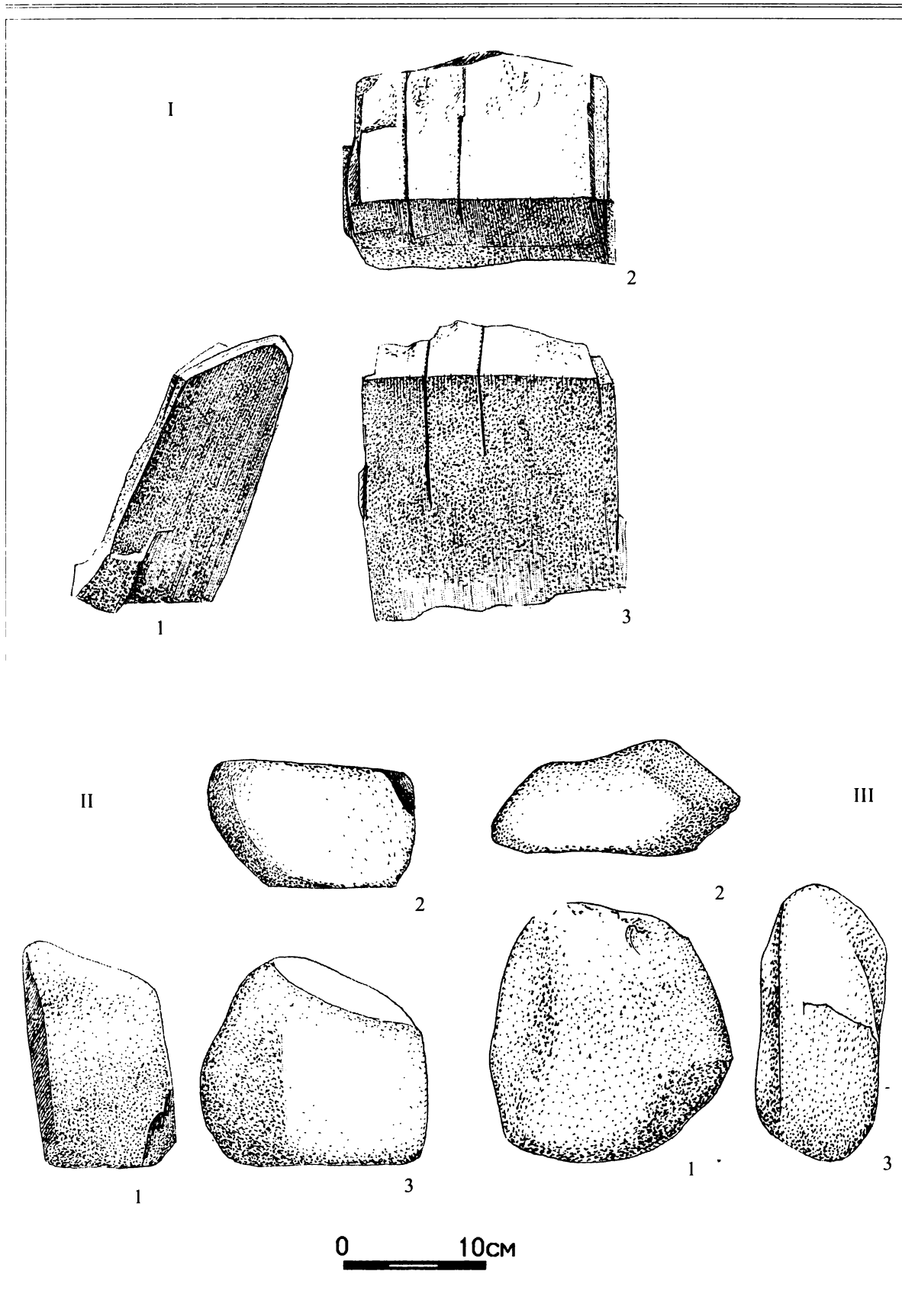
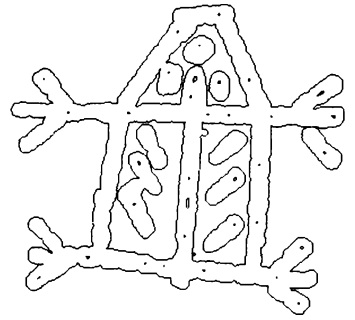

Рис. 8. Менгиры. I – блок № 3. Плоскости: 1 – северо-восточная; 2 – верхняя; 3 – северо-западная. II – блок № 5. Плоскости: 1 – южная-юго-западная; 2 – верхняя; 3 – восточная-юго-восточная. III – блок № 4. Плоскости: 1 – южная-юго-западная; 2 – верхняя; 3 – восточная-юго-восточная

ЛИТЕРАТУРА

- Берс Е.М. 1961. Археологические памятники на острове Макуша // Вопросы истории Урала. Вып. 39. Ч. 1. Свердловск.
- Бельтикова Г.В., Викторова В.Д., Панина С.Н. 1993. Металлургические комплексы на острове Каменные палатки // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. № 22. Екатеринбург.
- Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. 1997. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург.
- Викторова В.Д. 1999. Обращаясь к теоретическому наследию В.Ф. Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург.
- Викторова В.Д. 2001. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург.
- Викторова В.Д. 2002. Мифы на сосудах // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск.
- Зими́на М.П. 1992. Искусство в неолите-энеолите. Запад русской равнины // Искусство каменного века. М.
- Ковалева В.Т. 2002. Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. 1998. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // ВАУ. Вып. 23. Екатеринбург.
- Лозе И.А. 1983. Антропоморфные изображения со стоянки Звидзиенаскросс (Лубянская равнина) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.
- Мифы, предания и сказки хантов и манси. 1990. М.
- Ошибкина С.В. 1992. Искусство в неолите-энеолите Север Восточной Европы // Искусство каменного века. М.
- Панина С.Н. 1988. Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. № 19. Свердловск.
- Петрин В.Т., Широков В.Н. 1987. Об одном антропоморфном сюжете с Шайтанской писаницы (Средний Урал) // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск.
- Петров Ф.Н. 2002. Мегалитические памятники степного Зауралья // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Сериков Ю.Б. 2002. Каменное навершие с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 5. Кемерово.
- Столяр А.Д. 1983. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.
- Чаиркина Н.М. 1997. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита (проблемы энеолита Среднего Зауралья) // Уральский исторический вестник. Вып. № 4. Екатеринбург.
- Чернецов В.Н. 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып В4-12. М.
- Широков В.Н. 1990. Писаницы р. Ай // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Екатеринбург.
- Широков В.Н., Чаиркин С.Е. 1990. Шайтанская писаница // Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале. Екатеринбург.
- Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Пронин В.Н. 1990. Северская писаница // Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале. Екатеринбург.
- Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Чемякин Ю.П. 2000. Уральские писаницы. Река Нейва. Екатеринбург.

ИЗОБРАЖЕНИЯ МЕДВЕДЕЙ НА КУЛАЙСКИХ СОСУДАХ С БАРСОВОЙ ГОРЫ

Образ медведя присутствует в изобразительном творчестве первобытного человека практически с самого начала, со времени, когда оно появилось. Существуют реконструкции медведя из пещеры Монтеспан, по которым на камень, силуэтом напоминающий это животное, набрасывалась его шкура (Аугуста, Буриан, 1971, рис. 48; Столяр, 1985, с. 185-196). Хорошо известны профильные изображения фигуры зверя в палеолитических пещерах Франции и Испании (пещеры Труа Фрер, Шове, Сантимаминье), глиняная фигурка стоящего медведя из Дольни Вестонице (Моравия) и др. В неолитических памятниках Восточной Европы найдены кремневые скульптурки медведей. Среди них есть оригинальные экземпляры, трактуемые как человек-медведь или изображения медвежьей шкуры (Крайнов, 1992, с. 88, 90, рис. 116 – 2-3; Зимица, 1992, с. 119, рис. 162 – 3-4, 163). Изображения медведя в кремневой скульптуре есть и на Дальнем Востоке (Кирьяк, 1998). В урало-сибирском регионе профильные изображения медведя эпохи неолита – раннего бронзового века обнаружены на скалах Южной Сибири (Черемисин, 2000), Томских писаницах (Окладников, Мартынов, 1972). Известны они и на уральских писаницах, однако исследователи датируют их более поздним временем (Широков, 2000, с. 18). В пластике эпох неолита и бронзы широко представлены головы зверя, миниатюрные профильные скульптурки, выполненные в кости и камне (Молодин и др., 2000). Уникально каменное изображение вертикально стоящего медведя из Самусьского могильника. Для эпохи позднего бронзового века известны профильные фигурки из металла, как вырезанные из фольги (Троицкая, Дураков, 1995, с. 26-28), так и литые, превосходящие кулайские (Васильев, 1983, с. 190). Оригинальны глиняные фигурки с памятников ирменской культуры, трактуемые новосибирскими археологами как синкретический образ «человека-медведя» (Молодин и др., 2000, с. 29-33). Для нас они интересны тем, что силуэт фигуры анфас напоминает распластанную шкуру.

В раннем железном веке среди изображений медведя, в первую очередь, выполненных в бронзе, появляются новые иконографические типы. Их анализу и типологии посвящен ряд работ сибирских археологов (Троицкая, Дураков, 1995; 1995 а; Ширин, 1997) и специальная статья Н.В. Федоровой (2000; см. также Fedorova, 1993). К эпохе раннего железа относятся и изображения медведей, нанесенные на глиняные сосуды, найденные на кулайских памятниках Барсовой горы (правобережье р. Оби в окрестностях г. Сургута, Ханты-Мансийский автономный округ). Один из сосудов неоднократно воспроизводился в фотографиях (Чемякин, 1993 а, с. 5; Древний город..., 1994, с. 50; Зыков и др., 1994, с. 73, рис. 8, с. 127; Чемякин, Шатунов, 2001, с. 10; Борзунов и др., 2002, вкладьш), но до сих пор не получил должного освещения в научной литературе. Фрагмент другого сосуда был обнаружен во время обработки старых коллекций с Барсовой горы (раскопки М.В. Елькиной, 1974 г.).

Большой толстостенный сосуд был найден в 1981 г. при аварийных раскопках селища Барсова гора III/10, расположенного на ровном участке в глубине леса, в 650 м от берега, на высоте 32 м от уровня воды в протоке Утоплой. Всего на памятнике вскрыто 1910 кв. м. Полностью или частично были исследованы остатки 15 жилищ и 5 хозяйственных построек, еще 2 объекта, на которых были заложены траншеи, не удалось датировать (к лету 1982 г., когда предполагалось раскопать эти объекты полностью, они были уже уничтожены строительством). Выяснилось, что поселок состоял, по меньшей мере, из двух селищ: белоярской (Барсова гора III/10а) и кулайской (Барсова гора III/10б) культур. К белоярскому времени принадлежали 8 объектов, среди них — хозяйственная постройка. С кулайским временем связаны остатки 8 жилищ, из них 5 имели углубленные котлованы, занимавшие большую часть построек. В одном из кулайских жилищ найдено культовое литье в виде изображения двух животных (кунных?) в геральдической позе (Чемякин, 2002, с. 225, рис. 5 – 4), в другом, исследованном траншеей — уникальный сосуд, на котором гребенчатым штампом нанесены фигурки медведей в распластанной позе.

Сосуд имеет горшковидную форму с уплощенно-округлым дном и короткой шейкой, образованной за счет ее расширения к венчику (рис. 1 – 4). Он хорошо сохранился: в траншее найдены крупные, легко подбирающиеся между собой фрагменты. Не удалось найти только четверть стенки. Но мы не исключаем, что черепки от нее просто не попали в траншею шириной 3 м, проложенную через центр объекта. Диаметр сосуда по венчику составлял 15 см, наибольший по тулову – 18,5 см, высота – 14 см. Толщина стенок горшка – 10-13 мм, а ширина уплощенного венчика достигала 18 мм. С внешней стороны на стенках заметны следы расчесывания зубчатым орудием (гребенчатым штампом), внутренняя сторона была заглажена мягким предметом. Лишь в одном месте изнутри остались относительно глубокие штрихи. В глиняном тесте фиксируются зерна шамота, на стенках – многочисленные маленькие каверны, вероятно, от выгорания органических примесей.

Сосуд орнаментирован в традиционной для железного века манере. Украшена лишь его верхняя половина, узоры состоят из горизонтальных поясков разнонаклонных оттисков гребенчатого штампа. Плоский венчик покрыт оттисками штампа с наклоном влево. Сразу под венчиком нанесена полоса наклоненных вправо оттисков 6-зубого штампа. Под ней проходит не совсем ровная горизонтальная полоса, нанесенная прокатанным гребенчатым штампом. С ней соприкасаются две вертикальные шестиугольные фигуры, состоящие из квадрата и поставленной на него равнобедренной трапеции. От углов квадрата горизонтально в стороны отходят четыре трехпалые лапы. Фигура напоминает распластанную шкуру зверя, где квадрат – это спина, а трапеция – голова. Квадрат разделен на две части вертикальной полосой, обозначающей хребет. В обеих половинах тремя короткими наклонно расположенными оттисками обозначена шерсть. От основания головы отходит короткий вертикальный отрезок (своего рода продолжение хребта). По обе стороны от него двумя штрихами (оттисками угла штампа) показаны глаза, таким же штрихом по центру, над вертикальным отрезком – нос (?) животного. Между фигурами нанесены три горизонтальных ряда коротких с наклоном вправо оттисков, сделанных углом штампа. Судя по расстоянию между сохранившимися фигурами, на сосуде, возможно, были три изображения медведя, но фрагмент стенки с предполагаемой третьей фигурой не был обнаружен.

Обломок другого сосуда найден на городище Барсов городок III/6, расположенном в 260 м к юго-востоку от селища III/10. Памятник находится в глубине леса на удалении 500 м от берега, на высоте 32 м от уровня воды в протоке. Городище имело подквадратную форму, размер 27 x 27 м (площадь 660 кв. м). Оно было окружено валом и внешним рвом; с двух противоположных сторон оборонительной системы находились проходы. Почти всю внутреннюю площадь занимали две жилищные впадины. В 1974 г. топогруппой физфака УрГУ под руководством Ю.П. Чемякина был снят первый план городища. Тогда же М.В. Елькина раскопала практически полностью жилую площадку и часть оборонительной системы памятника (площадь раскопа 525 кв. м). Выяснилось, что городище сгорело. Сохранились обугленные остатки деревянных конструкций построек. Жилища имели чуть углубленные подпрямоугольной в плане формы котлованы размерами 10 x 7,8 и 10 x 6,5 м. Короткие коридорообразные выходы находились с торцовых сторон построек, обращенных на незастроенную площадку перед одним из проходов на городище. Вдоль стен котлованов, видимо, располагались узкие нары. Углы котлованов с противоположных выходов сторон были закруглены; рядом с этими стенами выявлены мощные прокалы. В центре построек находились очаги. Стены жилищ снаружи присыпались песком. Находки с городища представлены круглодонной керамикой, украшенной гребенчатым штампом и штампами в виде уточки и птички, целыми и в обломках тиглями, каменными и бронзовыми изделиями. В числе последних — наконечник стрелы со скрытой втулкой (кулайского типа), зооморфное и орнитоморфное культовое литье (Чемякин, 2002, с. 223, 226, 227, рис. 5 – 1, 6; 6 – 5), одна из фигурок которого представляет собой профильное изображение медведя (рис. 2 – 8). Керамика с городища частично опубликована (см.: Елькина, 1977, рис. 7 – 1-5, 7).

Сосуд с рисунками медведей был небольшим, выдавленным из одного куска глины (рис. 1 – 1). Сохранилась часть стенки от верха до дна. Судя по ней, сосуд имел близкую к горшковидной форму с едва намеченной вертикальной шейкой и уплощенным дном. Возможно, у него было многоугольное устье, поэтому определить его диаметр сложно. Наиболее вероятно, что диаметр по венчику составлял 4,5 см, а наибольший по тулову — 5 см. Высота сосудика 3,2 см. Толщина неровных стенок от 4 мм вверху до 5,5-9 мм в нижней части, ширина венчика около 3,5 мм. Сам венчик уплощенный, но на небольшом участке, прилегающем к сколу, приостренный. Не исключено, что в нескольких местах он был сплюснен, либо слегка отогнут пальцами, от чего на внешней стороне образовались небольшие вмятинки. С обеих сторон на стенках нет штрихов от заглаживания, но изнутри поверхность неровная, «бугристая» за счет выступания зерен шамота. В глиняном тесте визуальнo фиксируются примеси шамота и песка.

Сосуд украшен резной техникой и наколами острием палочки. На венчике есть оттиски гребенчатого штампа и ногтевые (?) вдавления, поставленные с наклоном влево. На стенке сохранились

одна целая и фрагмент другой фигуры медведя, выполненные резной техникой (конец острой палочки был чуть расщеплен, отчего местами линии слегка раздваивались). Иконографически фигуры чрезвычайно близки изображениям медведя на сосуде с селища Барсова гора III/10. Целая фигура состояла из равнобедренной трапеции (приближающейся к квадрату) и поставленного на него треугольника. Вторая фигура, судя по фрагменту, могла состоять из квадрата и треугольника (или трапеции). От углов трапеции горизонтально в стороны отходят 4 лапы. Пальцы на них нанесены небрежно, число их от 3 до 4. Вертикальной линией целая фигура разделена пополам, в обеих частях двумя линиями показана шерсть зверя (на фрагменте фигуры сохранились три черточки). От носа животного вниз отходит короткая вертикальная линия, по обе стороны от которой наколами нанесены глаза. Между фигурами заметны два коротких накола острием палочки, ряд подобных же наколов подчеркивает композицию. На стенке есть еще несколько штрихов, однако трудно сказать, были ли они нанесены преднамеренно или образовались случайно.

Оба сосуда, на мой взгляд, являлись культовыми, что подчеркивалось их оригинальной формой. Обломок сосуда, близкого найденному на селище III/10, происходит с городища III/6 (рис. 2 – 2). К сожалению, он очень маленький, и неизвестно, было на нем нанесено что-нибудь еще, кроме рядов оттисков гребенчатого штампа. Можно отметить, что фрагмент еще одного необычно толстого для кулайской культуры сосуда был найден в яме на городище-святилище Барсов городок I/9. Интересной особенностью этих сосудов является отсутствие на них разделительного пояса из ряда ямок или жемчужин, что не характерно для керамики железного века таежного Приобья. Может быть, это неслучайно, хотя трактовать этот факт сейчас не представляется возможным. Среди специалистов иногда возникает сомнение, что фигуры на вышеописанных горшках изображают медведей или их распластанные шкуры. На мой взгляд, в пользу такой интерпретации свидетельствует силуэт зверя (широкое туловище с массивной головой) и короткие лапы. Известны более поздние изображения медведя, напоминающие его шкуру, выполненные в бронзе. Самыми выразительными среди них являются две фигурки из Подбыкинского костища (рис. 1 – 2-3), датированные VI-VII (Смирнов, 1952, с. 178, табл. XL – 6, 7) или VII-VIII вв. (Голдина, 1985, с. 111-112, табл. LI – 12, 13). Более ранних находок с подобной иконографией я не знаю. (Правда, одну из этих фигурок — рис. 1 – 2, как и рисунок на сосуде с городища, можно трактовать и как изображение лягушки). В орнаментах ханты и манси есть символы, обозначающие медведя и имеющие некоторое сходство со стоящим на задних лапах зверем или его распластанной шкурой (Молданова, 1992, рис. 12 – 2, 3, 6, 7; Федорова Н.Н., 1992, рис. 1 – 13; Сязи, 2000, рис. 44 – 1, 3; Шешкин, Шабалина, 2001, с. 92-94). Это же отмечает и Т.А. Молданова: «В истоках сложившейся иконографии заложена распластанная шкура животного, наиболее наглядно это видно в простейших вариантах изображения» (1999, с. 173, 177, рис. 21 – 1-15; 1993, с. 52, рис. 1-3, 5-7).

Судя по основному керамическому материалу, и селище Барсова гора III/10, и городище Барсов городок III/6 относятся к раннему этапу кулайской культуры в ее сургутском варианте, хотя и не к его началу. В пользу этого свидетельствуют плоские венчики у большинства сосудов (рис. 2, 3), характерные для посуды предшествующих белоярской и калинкинской культур. В более позднее время преобладали горшки со скошенными венчиками и хорошо выраженными карнизиками на них, а на более ранних сосудах ярче проявляются черты, восходящие к культурам белоярско-васюганского этапа раннего железного века (Чемякин, 1993). Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с городища отличается от других, найденных на Барсовой горе, чуть более широкими лопастями и также производит впечатление раннего (рис. 2 – 1). По Л.А. Чиндиной, он относится к типу 2.в, который датируется в пределах IV–II вв. до н.э. (1984, с. 35). Отсюда наиболее вероятное время существования памятников – II – начало I вв. до н.э.

Таким образом, можно отметить, что в кулайское время появляются два новых иконографических типа изображений медведей. Первый — в виде распластанной шкуры — известен на двух сосудах из раннекулайских памятников Барсовой горы. Позднее этот тип распространится и на бронзовую пластику. Второй — медведь в жертвенной позе — фиксируется на бронзовых украшениях (эполетообразных застёжках, прямоугольных бляхах), датируемых I в. до н.э. и позднее, вплоть до VII-VIII вв. Для ранних изделий характерны изображения, на которых уши медведей отлиты в вертикальной плоскости (торчащими). Вероятно, появление этих типов связано с возникновением новых медвежьих культов или с изменениями в ритуалах, что хорошо согласуется с крупными перестройками, происходившими в таежных обществах в раннем железном веке.

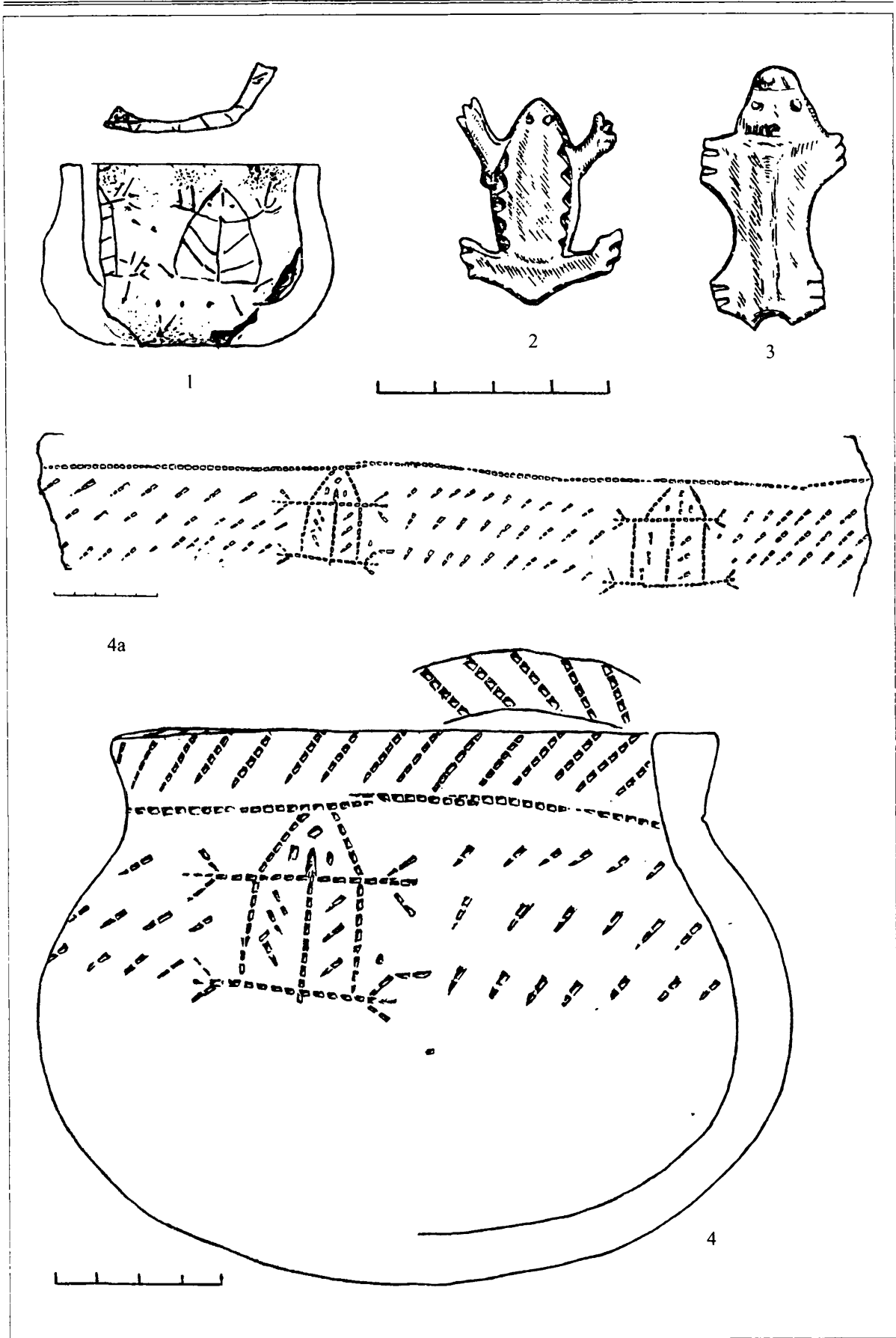

Рис. 1. Изображения медведя: 1 – городище Барсов городок III/6; 2, 3 – Подбобыкинское костыще (по Р.Д. Голдиной, 1985); 4, 4а – селище Барсова гора III/10 (1, 4 – керамика; 2, 3 – бронза)

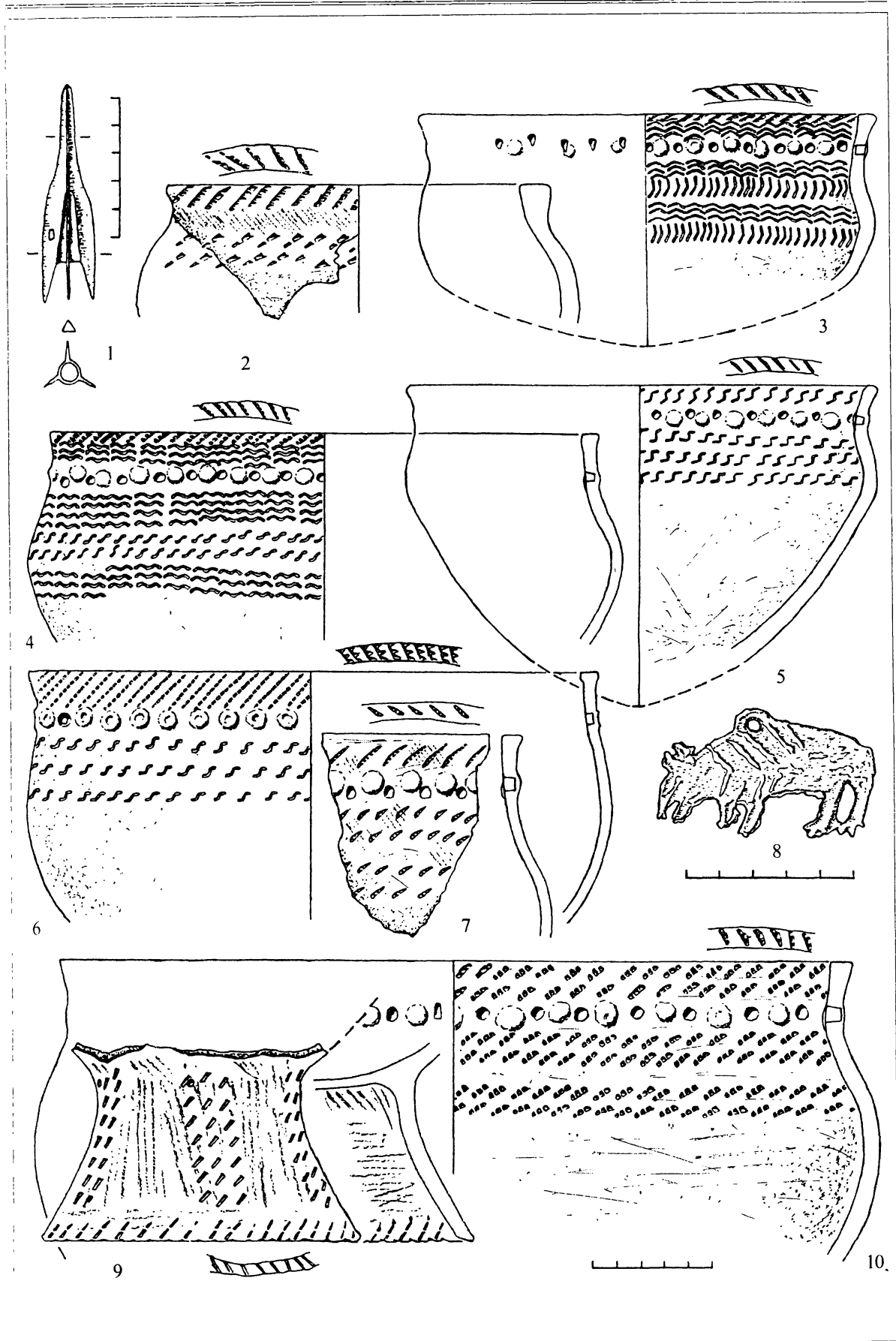

Рис. 2. Городище Барсов городок III/6: 1, 8 – бронза; 2-7, 9, 10 – керамика

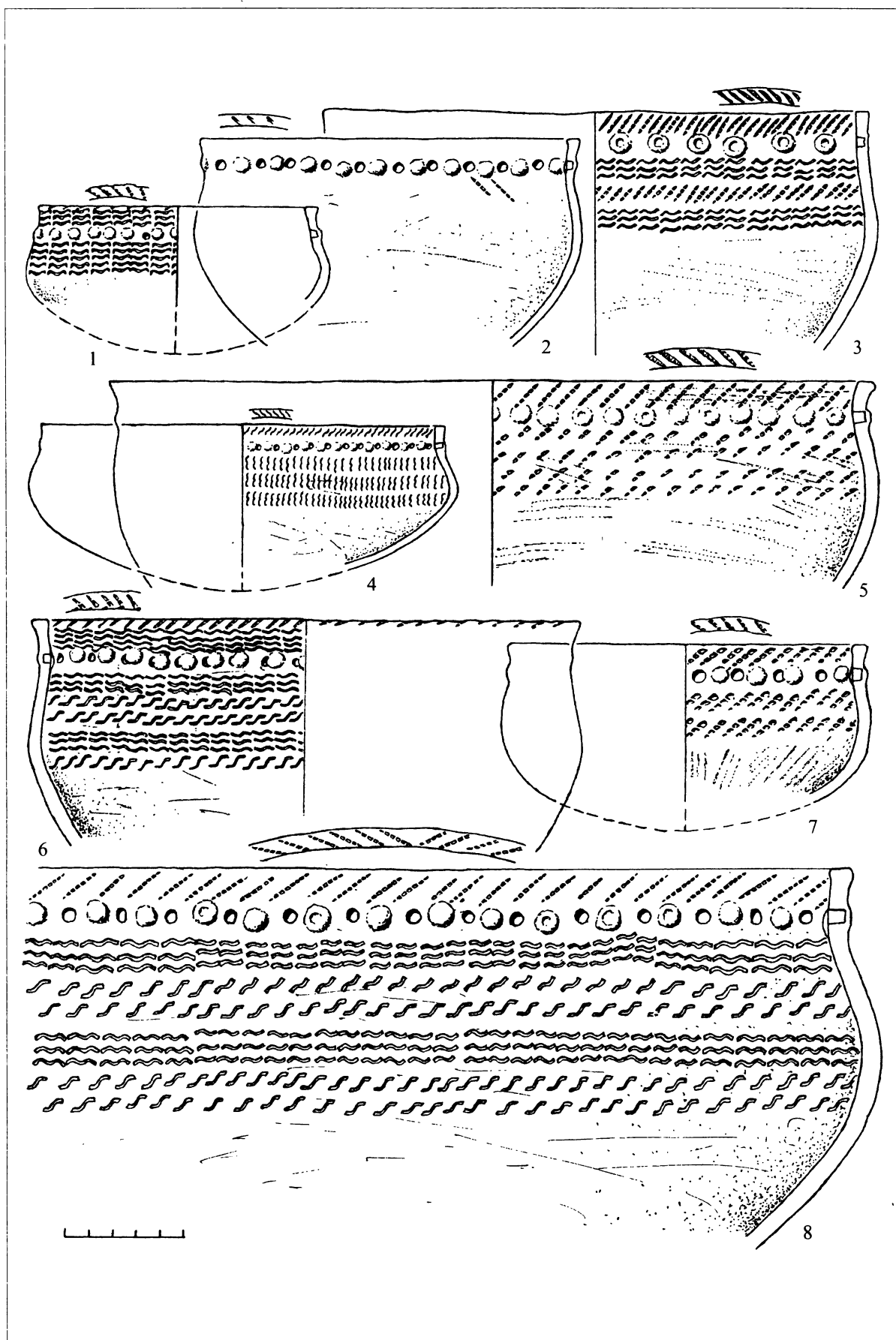

Рис. 3. Селище Барсова гора III/10: керамика

ЛИТЕРАТУРА:

- Аугуста И., Буриан З. 1971. Жизнь древнего человека. Прага.
- Борзунов В., Корочкова О., Косинская Л., Федорова Н. 2002. Археология Западной Сибири в свете новейших открытий (буклет выставки). Ханты-Мансийск.
- Васильев Е.А. 1983. Исследования в Нижнем Приобье // АО-1981. М.
- Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург.
- Елькина М.В. 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. (ВАУ. Вып. 14). Свердловск.
- Зимица М.П. 1992. Искусство в неолите-энеолите. Запад Русской равнины // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского Университета. Екатеринбург.
- Кирияк М.А. 1998. Образ медведя в мелкой каменной скульптуре Чукотки (древние памятники искусства малых форм) // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Владивосток.
- Крайнов Д.А. 1992. Искусство в неолите-энеолите. Русская равнина, Центр // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.
- Молданова Т.А. 1992. Стилизованные изображения в орнаменте хантов р. Казым // Орнамент народов Западной Сибири. Томск.
- Молданова Т. 1993. Орнамент: Изображение медведя // Югра. № 9.
- Молданова Т.А. 1999. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, морфология, генезис. Томск.
- Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. 2000. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Окладников А.П., Мартынов А.И. 1972. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.
- Смирнов А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М.
- Столяр А.Д. 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.
- Сязи А.М. 2000. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А. 1995. Профильные изображения медведей из Новосибирского Приобья // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А. 1995. Еще раз о культе медведей // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Барнаул.
- Федорова Н.В. 2000. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Федорова Н.Н. 1992. К вопросу о структуре традиционного орнамента обских угров // Орнамент народов Западной Сибири. Томск.
- Чемякин Ю.П. 1993. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П. 1993а (без указ. года). Сокровища Барсовой горы (буклет к финно-угорскому фестивалю). Сургут.
- Чемякин Ю.П. 2002. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. 2001. Барсова гора. Вчера. Сегодня. Завтра (буклет к 110-летию раскопок Ф. Мартина на Барсовой горе, 30-летию исследований Уральской археологической экспедиции, 10-летию центра «Барсова гора»). Екатеринбург.
- Черемисин Д.В. 2000. Изображения медведей в петроглифах Узунгура (Горный Алтай) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Чиндина Л.А. 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск.

-
- Шешкин П.Е., Шабалина И.Д. 2001. Мансийские орнаменты. СПб.
- Ширин Ю.В. 1997. Культ медведя в Западной Сибири (К проблеме контаминации) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.
- Широков В.Н. 2000. Медведь в наскальных изображениях Урала // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Fedorova N.V. 1993. The bear shape in the art of West Siberia (the iron age) // Specimina Sibirica. Savariae.

«ЖУРАВЛИК» С УСТЬ-ПОЛУЯ

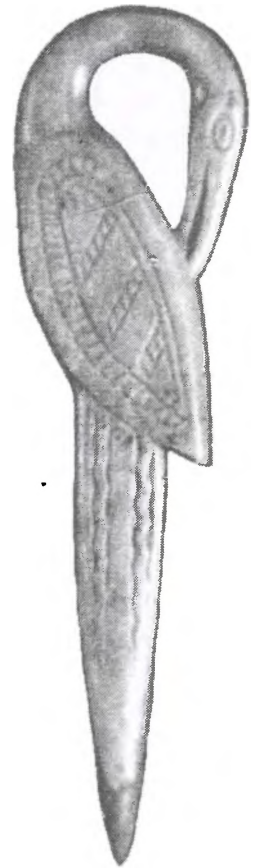
Есть археологические вещи, которые сразу становятся символом памятника, культуры. Их воздействие на наших современников так велико, что выходит за границы только профессионального интереса. Возможно, это обусловлено тем, что создателями в них вложен глубокий смысл. Древние предметы содержат информацию не только об умениях, навыках, приемах их изготовления, но и о чувствах тех, кто их делал и использовал в жизни. Для меня таким символом, знаком городища (жертвенного места) Усть-Полуя, усть-полуйской культуры, наконец, Ямальской экспедиции стало изображение журавлика.

Эта вещь совсем невелика: ее длина составляет 97 мм, ширина в разных местах – 24, 17, 10, 0,5-1 мм. Она представляет собой фигурку птицы с длинной гибкой шеей и склоненной к крылу головкой. Противоположный конец постепенно сужается, образуя острие. В области крыльев предмет немного уплощен, в остальных частях его сечение имеет округло-овальную форму. Изображение дано с обеих сторон. У птицы хорошо фиксируются глаза со зрачком, клюв, четко проработаны крылья. Стержень, оканчивающийся острием, возможно, изображает ее ноги. Вещь сделана из моржового клыка – материала твердого и имеющего свои особенности обработки. Восстановить технологию первой стадии изготовления предмета не удалось, так как следы этого процесса перекрыты последующей абразивной обработкой (?), а главное – сильным блеском в результате длительного использования. Прочный материал в сочетании с заполировкой обусловили хорошую сохранность изделия.

Эта миниатюрная вещь была найдена на городище (жертвенном месте) Усть-Полуя случайно. Ее лаконичная выразительная форма, «свежий» облик в первый момент вызвали сомнение в ее древности. Может это современная удачная имитация археологического образца? Визуальное изучение художественного образа, приемов его передачи, сравнение с другими экземплярами резной кости памятника позволило сделать вывод о принадлежности находки комплексу Усть-Полуя.

Трасологический анализ подтвердил археологическую подлинность вещи по следующим признакам. Она сделана и художественно оформлена железным ножом. Специальные косторезные инструменты не использовались. Прием обозначения глаз прорезанием (процарапыванием) кончиком ножа по овальному контуру и в точке-зрачке мы наблюдаем и на других изделиях Усть-Полуя (например, крюк из раскопок Н.В. Федоровой). Орнамент на крыле, имитирующий оперение, нанесен ножом таким же способом. Мотив «лесенка» встречен на пряжках, панцирных пластинах в коллекциях из раскопок В.С. Адрианова (МАЭ) и Н.В. Федоровой (краеведческий музей г. Салехард). Две двойные волнистые полосы, возможно, изображающие ноги птицы, выполнены в типичном для мастеров городища художественном и техническом стиле. Такой элемент декора зафиксирован на панцирных пластинах, рукоятях ложек-лопаточек, инструменте для разминания ремней.

Трасологический анализ показал интенсивное использование предмета с изображением журавлика. Вся его поверхность заполирована, на отдельных (чаще выпуклых) частях блеск становится зеркальным. На внутренней стороне изгиба шеи птицы заметны сильная заполировка и поперечные риски – следы от трения ремешка, на котором вещь носили. Нижняя, приостренная часть, особенно на расстоянии 5-15 мм от кончика, помимо яркого блеска имеет тонкие бороздки – царапинки с мягко очерченными краями. Такой облик линейных следов отражает кинематику движения острия (вращательное и возвратно-поступательное) и особенности материала, с которым инструмент соприкасался (мягкий, эластичный, как шкура). Реконструировать назначение предмета с подобными следами мож-

но как шило, проколку. Похожие следы возникают и на инструментах для развязывания узлов на кожаных ремнях. Однозначного ответа на вопрос, могли ли подобные инструменты использоваться в ритуальной практике, где был обряд протыкания шкуры, трасология не дает. В связи с этим интересно отметить, что многие острия Усть-Полуя имеют скульптурное оформление, а среди более 200 наконечников стрел из коллекции Н.В. Федоровой, просмотренных под микроскопом, имеются аналогичные следы.

Много вопросов и чувств возникает, когда смотришь на «журавлика» в микроскоп или просто держишь его в руках. Кто и как, для чего создал такое совершенство? Каким был древний резчик? Как заглянуть за грань культурного горизонта и увидеть, почувствовать то время, понять тех людей? Мы строим схемы, выделяем культуры, определяем тип хозяйства...

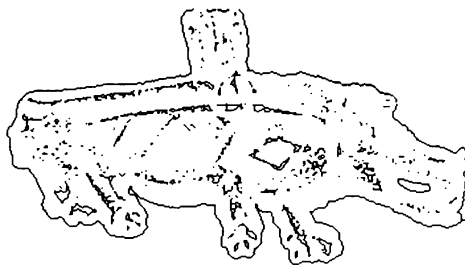
И вдруг как теплый привет из далекого прошлого – эта фигурка журавлика и белые гордые птицы – стерхи, летящие на север Сибири.

В.А. Арефьев

Муниципальное учреждение Нефтеюганского района
«Центр историко-культурного наследия»

К.Г. Карачаров

Институт истории и археологии УрО РАН

ВСАДНИК НА МЕДВЕДЕ

*«Это на этом свете медведь хозяин, а на том – слуга»
(Р.Г. Казамкин, пос. Варьёган, р. Аган, 2001 г.)*

Настоящая заметка ставит перед собой цель ознакомить широкий круг исследователей с замечательным образцом изобразительного искусства эпохи раннего железного века с территории Средней Оби. Это плоское изображение хищного животного с сидящей верхом антропоморфной фигуркой (рис. 1; 2). Предмет обнаружен в 2000 г. во время раскопок поселения Сырой Аган 6 (Арефьев, 2001).

Географическое положение места находки: центральная часть Западно-Сибирской равнины, Среднеобская низменность, левобережье р. Обь, крупный остров, расположенный между основным руслом реки и протокой Юганская Обь. Остров имеет название Городской, расположен между городами Нефтеюганск и Сургут и представляет собой останец коренной террасы, поросший сосновым лесом с примесью кедра.

Поселение Сырой Аган 6 расположено на левом берегу ручья, впадающего справа в протоку Сырой Аган, которая соединяет рукав Юганская Обь и основное русло Оби. Ручей ныне перегорожен в нескольких местах, поэтому хорошо выраженная пойма ручья затоплена. Работники нефтегазодобывающего управления «Юганскнефть» называют этот ручей «Черная речка», видимо, из-за произошедшей несколько лет назад аварии на нефтепромысле, в результате которой ручей был залит нефтью.

Памятник, как и весь археологический комплекс, обнаружен на протоке Сырой Аган в 1993 г. экспедицией предприятия АВ КОМ Свердловского областного отделения Российского фонда культуры, при экспертизе территории фермерского хозяйства «Рассвет». Председателем Комитета по охране и использованию историко-культурного наследия Администрации Нефтеюганского района Г.П. Визгаловым и начальником экспедиции К.Г. Карачаровым был осмóтрен берег расположенного неподалеку ручья. В результате были выявлены видимые на поверхности археологические объекты. Работы по обследованию и фиксации были проведены разведочной группой под руководством Л.В. Ивасько и О.В. Кардаша (Ивасько, 1994). В 1999 г. экспедицией под руководством К.Г. Карачарова была сделана тахеометрическая съемка поселения Сырой Аган 6 (Карачаров, 1999).

В 2000 г. В.А. Арефьев провел раскопки селища Сырой Аган 6. Выявлены остатки слабо углубленной (на 15-20 см) постройки четырехугольной в плане формы, которая по керамике, безусловно, относится к кулайской археологической культуре (III в. до н. э. – III в. н. э.). Примечательно, что здесь было найдено множество свидетельств металлообработки, переплавки бронзы и изготовления бронзовых изделий. Среди находок имеются тигли и их обломки, фрагмент литейной формы, капельки металла и отрубленный от отливки металл, застывший в литнике. Обилие находок, относящихся к бронзолитейному производству, позволяет предположить, что постройка могла быть специализированной мастерской.

В северном углу постройки, на глубине 20-25 см от современной поверхности, найден комплекс, состоявший из фрагментов нижней челюсти лошади 5,5 лет (определение П.А. Косинцева) и бронзовой фигурки, лежавшей лицевой стороной вверх. Конечно, очень хочется считать этот комплекс культовым и связать его с бронзолитейным производством. Однако об их связи говорит только металл, из которого изготовлена фигурка. При желании этот комплекс, пусть даже и культовый, может быть отнесен к домостроительным культам, культам личных и домашних духов и так далее...

Бронзовая фигурка представляет собой плоскую отливку в виде фигуры животного с антропоморфным изображением на спине. Ее размеры 4 x 7,4 x 0,3 см. Детали проработаны с одной (лицевой) стороны, обратная сторона – плоская.

Животное изображено в профиль, головой вправо. Больше всего оно напоминает медведя. У него массивное туловище без хвоста, голова с короткими ушами, в приоткрытой пасти – клыки. Несмотря на профильность, у животного показаны все четыре лапы, заканчивающиеся пятью паль-

цами или когтями. На туловище выпуклыми линиями обозначен позвоночник и ребра, в области груди – ромб. Еще одна выпуклая линия пересекает шею.

Антропоморфное изображение на спине зверя как бы сидит верхом. Оно представляет собой голову или личину, у которой выпуклыми линиями показаны глаза, рот и нос. Голова увенчана небольшими «рожками», возможно, мастер хотел изобразить их 4 или 5, но из-за дефекта отливки просматриваются только 3. От личины вниз отходят четыре коротких выпуклых отрезка. Не исключено, что таким образом мастер показал редуцированные конечности, что может свидетельствовать об изображении полной фигуры антропоморфного существа. В пользу этого говорит и общая тенденция в кулайском литье (по крайней мере, на Средней Оби), когда у антропоморфных фигур изображалась непомерно большая голова, а туловище и сильно упрощенные конечности – очень маленькими (Яковлев, 2001; Чемякин, 2002).

Судя по многочисленным литейным дефектам – бугристой поверхности, приливам металла, закраинам и просечкам, формовка производилась в землю (скорее всего, в смесь глинистой породы с песком). Заливка металла производилась продольно – с задней стороны туловища животного, излишки металла из литника были отрублены.

Одним из вариантов реконструкции технологии изготовления фигурки может быть следующий:

- общий контур оттискивался в земле с помощью модели (возможно, берестяной или деревянной), одновременно формировали и литник;
- вторую створку формовали, не извлекая модели из первой;
- затем извлекали модель и по сырой земле в первой створке палочкой прорабатывали детали будущей отливки;

– после просушки створки соединяли и производили заливку металла.

Следует отметить, что на фигурке сохранились куски тонких веревочек, скрученных из 2 нитей. Особенно много их на обратной стороне в районе шеи животного. Здесь расположение веревочек свидетельствует о том, что это была обмотка, виток к витку по шее и передней лапе. Наличие крупного узла, скорее всего, не связанного с обмоткой, позволяет предполагать, что фигурка была привязана к чему-то, возможно, к находившейся в комплексе челюсти лошади.

Стиль рассматриваемой фигурки хорошо вписывается в круг «культовой»¹ кулайской бронзовой пластики. Манера изображения животных в профиль, а антропоморфных существ в фас, является классической для этого культурного пласта. Характерен и «скелетный» стиль: показ позвоночника и ребер, ромба или овала на груди. Стилизация сведена к наивному упрощению, от чего изображения напоминают детский рисунок. Для фигурки с поселения Сырой Аган 6 (как и большинства изделий кулайской бронзовой пластики с территории Среднеобской низменности) характерна миниатюрность и слабая ажурность. Это отличает ее от образцов культового литья Нарымского Приобья (Саровское культовое место, Мурлинский клад) (Яковлев, 2001; Чернецов, 1953, с. 153-154). Относительная простота изображения отличает ее и от находок с территорий, близких к Уралу (Няксимволь, Лозьвинский клад, Усть-Полуй) (Чернецов, 1953, с. 137-162). Следовательно, и территориально (по месту находки), и по стилю она связана со Среднеобской низменностью и, скорее всего, является продуктом местного производства.

Композиция «человек (всадник) на звере» хотя и не часто, но встречается в изобразительном искусстве различных народов Урала и Западной Сибири, в том числе, в раннем железном веке и средневековье. Например, подобное изображение имеется в материалах гляденовского костыща (Спицин, 1906, с. 90, рис. 69). В погребениях 64 и 85 Сайгатского I могильника (X-XII вв.) были найдены две полые антропоморфные фигурки-подвески в виде животных с втулками на спине, выполненными в виде антропоморфных изображений (рис. 3) (Зыков и др., 1994, с. 95). Широко известны два близких по композиции изображения из Прикамья (Оборин, Чагин, 1988, с. 83). Пока еще невозможно однозначно связать эти изображения с существовавшим культом или мифом. В этой связи интересны представления аганских хантов, по которым в «нашем мире» медведь независим, «он хозяин», а на том свете – слуга, в том числе, смутно упоминается и «езда» на медведе. Не исключено, что изображение всадника на звере является отражением подобных представлений или связанного с ними мифологического сюжета.

¹ В пользу версии о культовом характере подобных изделий говорит отсутствие на них специальных приспособлений для крепления и подвешивания (петель, отверстий и др.), а также частые находки их в комплексах, которые сложно интерпретировать иначе, чем культовые.

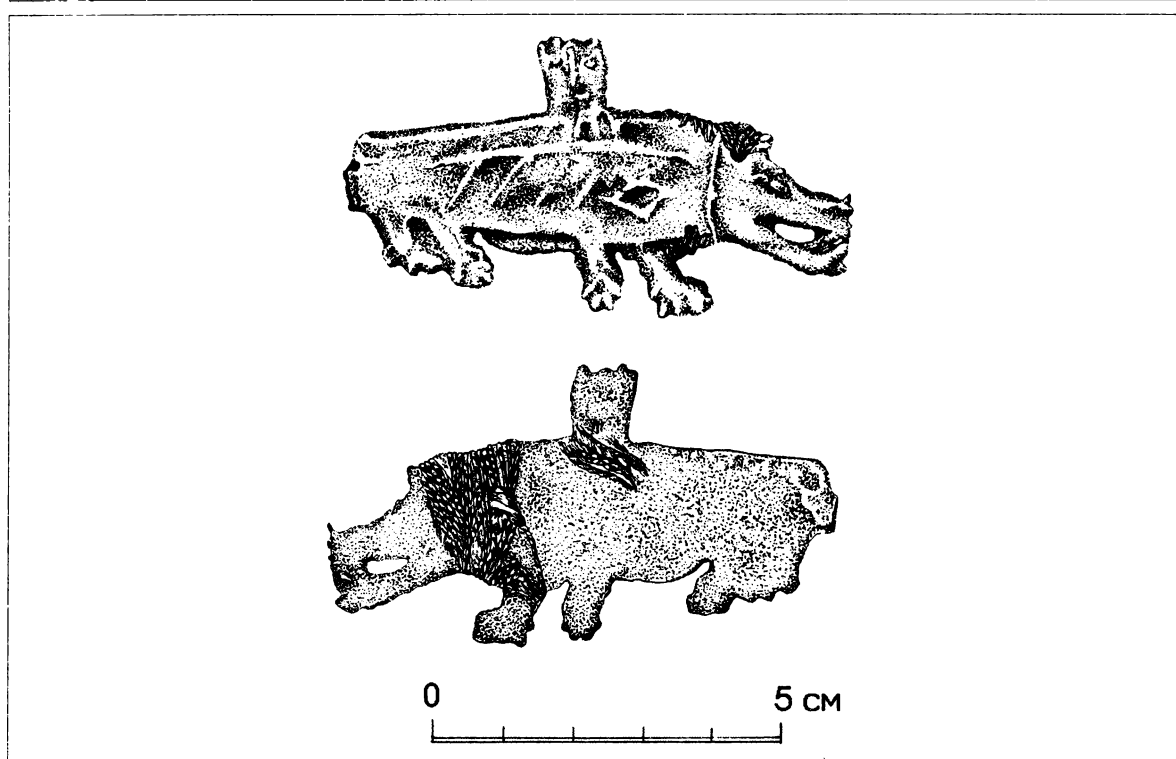

Рис. 1. Фигурка хищного животного с антропоморфным существом на спине (бронза, литье), лицевая и оборотная стороны. Поселение Сырой Аган 6

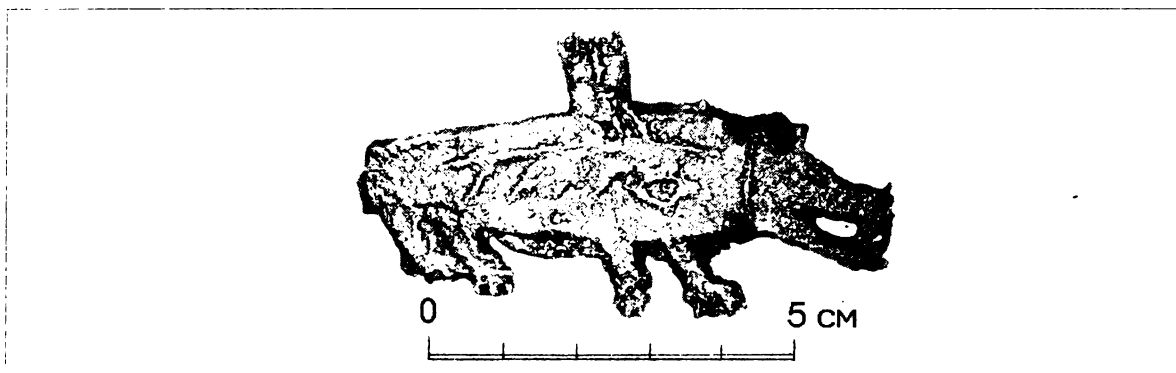

Рис. 2. Фигурка хищного животного с антропоморфным существом на спине с поселения Сырой Аган 6. Фотография лицевой стороны

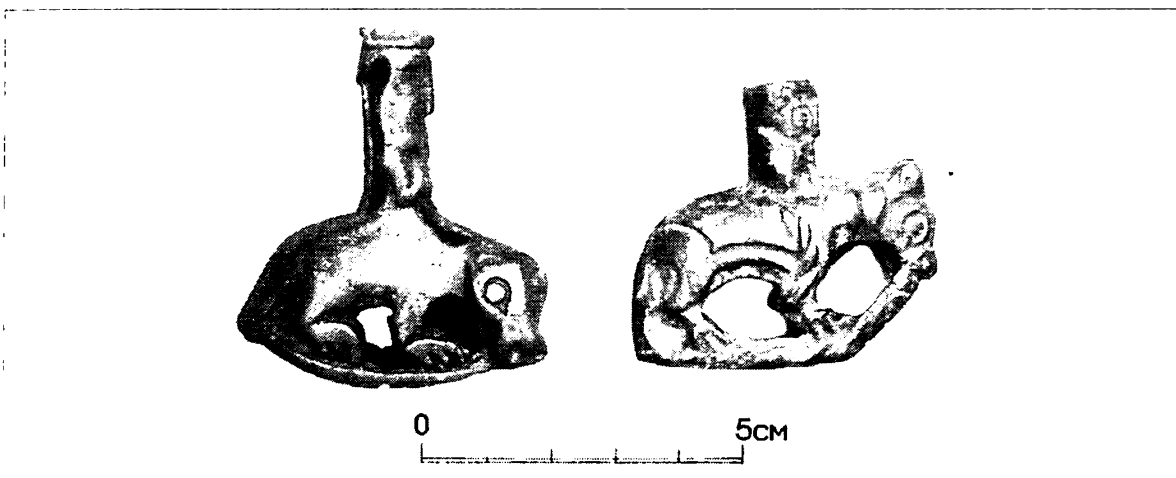

Рис. 3. Зоо-антропоморфные фигурки с Сайгатинского 1 могильника (бронза, литье). X-XII вв

ЛИТЕРАТУРА

- Арефьев В.А. 2001. Отчет о НИР: Исследование поселений Сырой Аган 6 и 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2000 году. Нефтеюганск.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург.
- Ивасько Л.В. 1994. Отчет об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне реки Юганская Обь летом 1993 г. Екатеринбург.
- Карачаров К.Г. 1999. Отчет о НИР: Исследование поселения Сырой Аган 6 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1999 году. Нефтеюганск.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Спицин А. 1906. Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. 8. Вып. 1.СПб.
- Чемякин Ю.П. 2002. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Чернецов В.Н. 1953. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА № 35. М.
- Яковлев Я. А. 2001. Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место. Томск.

«РОГАТЫЙ МЕДВЕДЬ»

Исследование предметов древнего или средневекового искусства должны базироваться на тех же обязательных краеугольных камнях, что и любые другие, а именно: изложение фактов и их анализ. Лишь потом следуют выдвижение гипотез и интерпретация результатов. И странно было бы писать об этом в научной статье, а не в пособии для студентов-первокурсников, если бы интерпретация не начиналась иногда до, а не после анализа фактов – на стадии наименования предмета. Особенно часто это происходит с предметами западносибирской художественной пластики эпохи железа. Так, фигуру пантеры в персонаже зооморфной пронизки увидел один из авторов, хищника кошачьей породы на браслете так называемого обского типа – другой. «Альтернативами» «пантере» или «кошачьему хищнику» в наименованиях зооморфных персонажей могут быть «бык», «щука», «волк». Некоторые авторы видят «матерого» медведя и «медвежонка» в почти одинаковых изображениях и даже делают из этого далеко идущие выводы.

Проблема гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд. И заключается она в выборе: или мы исследуем предметы искусства как полноценный археологический источник – тогда произвольные интерпретации по принципу «а я так вижу» могут только увести нас в любую сторону, но прочь от нормального процесса изучения этого источника; или занимаем позицию: «искусство по большому счету непознаваемо, а трактовать его может каждый, как ему угодно – все равно это ничего в археологической реконструкции не решает». Эти позиции никогда не декларируются, хотя очевидно, что изначальная произвольность подхода на стадии наименования персонажей уже закладывает основу будущих построений, например: классификаций, большинство из которых строится по «принципу персонажа». Можно себе представить, как далеко заведет исследование причин, подвигнувших уральского или западносибирского мастера-литейщика к изображению пантеры на пронизке, а на браслете – быка или хищника кошачьей породы.

Основные посылки, из которых я буду исходить в дальнейшем изложении, следующие:

1. В средневековых украшениях и принадлежностях костюма нет и не может быть изображения случайных, не значимых или чуждых для данной культуры персонажей, каждый из них несет вполне определенную идеологическую нагрузку («Одежда – социальный знак, метка, обозначающая место данного индивидуума в общественной системе» – Токарев, 1970, с. 9-10). Появление новых сюжетов или переоформление старых всегда исторически объяснимо – другое дело, что мы пока еще не все эти случаи можем объяснить – но это уже факт нашей исследовательской практики.

2. Иконография персонажей и орнаментика, их оформляющая, развиваются во времени, доходя иногда до полной неузнаваемости в конечном звене цепочки. Для того, чтобы понять (назвать, интерпретировать) эти конечные звенья, необходимо проследить весь путь развития – если, разумеется, это возможно.

Изображения головы медведя в фас или, вернее, в проекции сверху, уложенной между передними лапами (медведь в «распластанной», «жертвенной», «культовой», «ритуальной» позе) в данном контексте представляет собой почти идеальный пример:

1) Этот тип изображений медведя существует в бронзовой пластике Западной Сибири более тысячи лет – с рубежа эр до XII века н.э. 2) В течение всего этого периода иконография персонажа в общем сохраняется, меняется лишь орнаментика и отдельные детали изображения. 3) Медведь в подобной позе изображается только на украшениях и принадлежностях костюма, а именно – на поясных застёжках – крючках и пряжках, браслетах, бляшках определенного типа. Этот образ не встречается на украшениях оружия – щитках для защиты руки от тетивы, рукоятках ножей или кресал, а также среди персонажей такой массовой категории украшений, как объемные зооморфные подвески (пронизки). Исключением из правила являются несколько бронзовых ложек. 4) Именно этому типу изображения медведя особенно «повезло» на наименования: к нему относятся определения – «кошачий хищник», «бык» и «щука».

Итак, *основная цель данной работы* – попытаться, насколько это возможно в небольшом объеме статьи, проследить путь развития иконографии и орнаментики изображения медведя в позе «голова между лап» во времени. Автор не ставит перед собой задачу собрать и проанализировать полный свод находок с этим сюжетом.

Появление образа – поясные застёжки. Артефакты, а именно, поясные застёжки с подобным изображением медведя – голова в фас, лежащая между передних лап, переданная в проекции сверху, – появились в археологических комплексах и случайных находках из Западной Сибири на рубеже эр. Наиболее ранние из датированных комплексов – это клад с городища Барсов Городок 1\20 I-II вв. н. э. (Зыков и др., 1994, с. 79) и примерно одновременный ему клад с кулайского святилища Барсов Городок 1\9 (Чемякин, 2002, с. 222). В составе кладов обнаружены: эполетообразная застёжка, в центре которой шесть уложенных по кругу изображений медведей с головой на лапах (Чемякин, 2002, с. 222); поясной крючок, «переделанный в накладку» (Чемякин, 2002, с. 236) с изображениями двух медведей, расположенных друг против друга, в такой же позе; поясной крючок в виде последовательно соединённых аналогичного типа изображений медведя и головы лося (Зыков и др., 1994, с. 79). Известно ещё несколько эполетообразных застёжек с изображениями медведя из случайных находок (Чернецов, 1953). Наиболее поздняя происходит из могильника Архиерейская заимка (Могильников, 1987). Артефакты этого типа немногочисленны, основная территория их распространения – таёжная часть Западной Сибири. Контекст находок эполетообразных застёжек с головами медведей за пределами этого региона необходимо каждый раз специально анализировать (см. например, сюжет об эполетообразной застёжке с Ямала – Федорова, 2002)¹.

Время бытования поясных крючков определить довольно трудно, но есть основания полагать, что они доживают до зеленогорского времени (Сокровища Приобья, 1996, с. 52), хотя и в несколько модифицированном виде. Эполетообразные застёжки с медведями, бесспорно, имеют прототипом эполетообразные застёжки пьяноборского типа, тем более, что последние и в своем «натуральном» виде встречаются в западносибирских комплексах, например, в том же кладе с Барсова Городка 1\20 (Зыков и др., 1994). Крючки с зооморфным декором, возможно, являются традиционным типом поясной застёжки на севере Западной Сибири. Так, костяные крючки для пояса встречены в комплексах Усть-Полуя (Мошинская, 1965; раскопки Н.В. Федоровой в 1993-1995 гг.). Уже здесь можно проследить два подхода к изображению медведя: на эполетообразных застёжках лапы плотно, без промежутков, охватывают голову зверя; на крючках они образуют плавные дуги, иногда подчеркнутые двойным контуром (Зыков и др., 1994, с. 79). Важной деталью является оформление изделий в виде «витого» канта (вернее, его имитации отливкой) и выпуклых кружков-«перлов». Эти разновидности орнамента есть и на эполетообразных застёжках – там «витые» канты делят круглый щиток на несколько концентрических полей, в виде «жгутов» формируют собственно сам крючок застёжки, а крупные выпуклые кружки-«перлы» оформляют периметр щитка. На поясных зооморфных крючках «витые» канты обводят контур изделия, служат соединительным мотивом между головами персонажей, а кружки-«перлы», более мелкие, чем на эполетообразных застёжках, украшают различные детали изображений – уши, лапы и т.д. (Зыков и др., 1994, с. 79). Необходимо отметить, что в декоре зооморфных крючков иногда сочетаются два зверя – например, медведь и лось. Если с этой позиции посмотреть на «бракованную эполетообразную застёжку в виде круглой бляхи с 3 жгутами и отломанным крючком» (Чемякин, 2002, с. 235, рис. на с. 222), то можно предположить, что здесь имела место не вполне удачная попытка скопировать эполетообразную застёжку, в том числе, и крупные выпуклые «перлы» по периметру, а две «полуфигурки животных» по своей иконографии схожи с иконографией медведей на зооморфных крючках и, таким образом, вряд ли являются «отображением ящерик (лягушек) или мелких зверьков (из семейства куньих?)» (Чемякин, 2002, с. 235).

Прямоугольные бляхи. Следующими по времени появления в археологических комплексах Западной Сибири являются квадратные бляхи с одной головой медведя, уложенной между лапами, и прямоугольные бляхи с тремя головами, расположенными по вертикали или по горизонтали – на одной из торцевых сторон бляхи. Такие бляхи известны и в Приуралье, вернее, на западных склонах Урала – на рр. Шаква и Кын. Их часто именуют бляхами из Прикамья (Троицкая, 2000), что не совсем верно. На двух бляхах из Приуралья изображено шесть медвежьих голов: три по вертикали, три по горизонтали. Одна из них опубликована в альбоме В.А. Обороина, Г.Н. Чагина (1988, с. 78), другая – в монографии Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолага (1990, с. 127, табл. XXX – 27). Пять квадратных блях с одной головой медведя, лежащей между лапами, найдены на р. Кын, одна такая бляха происходит из случайной находки близ г. Лабитнанги (Оятева, 1999). В Западной Сибири бляхи с тремя медведями встречены в количестве 11 с головами медведя по вертикали и 18 по горизонтали – могильники Абатский, Юрт-Акбалык, Красный Яр, Релка, Тимирязевский, Архиерейская Заимка, Айдашинская пещера и др. (Троицкая, 2000, с. 45). Т.Н. Троицкая пишет: «Материал могильников, где найдены эти бляхи, позволяет считать датой их бытования V-VII вв. н. э.» (2000, с. 45). Кынские находки в Приуралье не датированы, прямоугольные бляхи из Верхнесаинских курганов (р. Шаква) происходят из погребений с монетами Пероза (Голдина, Водолага, 1990, с. 24, 26). Таким образом, комплексы, в которых

¹ Уже после сдачи в печать данной статьи автору стала известна монография Ю.В. Ширина, в которой, помимо всего прочего, рассматриваются 7 эполетообразных застёжек, на 5 из которых изображены медведи. Все застёжки происходят из погребальных комплексов Верхнего Приобья (Ширин, 2003, с. 69)

они найдены, не могут быть датированы ранее V в. Р.Д. Голдина и Н.В. Водолаго датируют их временем верхсаинской стадии неволинской культуры, т.е. VI в. (1990, с. 163).

Численное соотношение находок из Приуралья и Западной Сибири составляет 8 : 30, причем, я не уверена, что здесь учтены все предметы. Восемь приуральских находок сделаны на памятниках довольно ограниченного района, фактически расположенного на западных склонах Урала, таким образом, мне кажется, вопрос о прикамском происхождении прямоугольных блях может считаться снятым с обсуждения. Приводимые В.А. Обориным в качестве аргумента три бляхи с головами медведей из комплексов Гляденовского и Юго-Камского костыщ, вряд ли могут рассматриваться в качестве их прототипа. Прояснить ситуацию может решение вопроса о назначении блях. Конечно, это не подвески-медальоны, как считает Оятева (Оятева, 1999, с. 191). Для медальонов, носимых на груди, совершенно излишни четыре петли по углам блях, которые есть у всех экземпляров. Подобные петли встречены у прямоугольных бляшек с изображениями оленей и всадников из Холмогорской коллекции, у двух из них сохранились фрагменты кожаных ремешков, продернутых сквозь эти петли параллельно длинным сторонам бляшки (Зыков, Федорова, 2001, с. 110). Вероятнее всего, они крепились на одежду или парадный доспешный нагрудник. Хорошо прослеживается и линия развития: костяные доспешные пластины из комплекса Усть-Полюя (I в. до н.э.) – бронзовые прямоугольные пластины с орнаментом, аналогичные костяным, из клада с Барсова Городка (I-II вв. н.э.) – прямоугольные пластины из Холмогорского комплекса (III-IV вв. н.э.) – прямоугольные пластины с изображением трех медвежьих голов (V-VI вв. н.э.).

Орнамент на прямоугольных бляхах с медведями выглядит сложившимся: края оформлены «витым» кантом или рядами «перлов», вся композиция, независимо от вертикального или горизонтального расположения медведей, делится на вертикальные зоны. У блях с вертикальным расположением медвежьих голов центральный пояс, обведенный по периметру «витым» или «перловым» кантами, занят изображениями медведей, два крайних – свободны от орнамента. На бляхах с горизонтальным расположением медвежьих голов и лап они фиксируются на одном конце бляхи. Этот конец чаще всего отделен от остального орнаментального поля четкой горизонталью (Троицкая, 2000, с. 46, рис. 4), а само поле делится на вертикальные пояски, заполненные узором из все тех же «перлов», «витых» поясков, иногда выпуклых ромбиков или прямоугольников. Прямоугольные бляхи с медведями не встречаются позже VII в. н.э.

Кроме прямоугольных блях в период VI – VII вв. н.э. известны еще три круглые бляшки с изображением головы и лап медведя с петлями-перемычками на обороте – из могильника Барсовского V и из комплекса городища Низямы IV. Детали облика зверя довольно реалистичны, выполнены в «стиле эполептообразных застежек» – широкая голова, лапы охватывают ее почти без промежутка. Но есть несколько новых важных деталей: на барсовских бляшках фиксируются дуги, переданные гранями от головы к лапам. Второй важной деталью является изображение зубцов за головой зверя – появляется орнаментальный мотив, отделяющий голову от остального пространства бляхи. Впоследствии именно этот «отделяющий» мотив станет почти обязательным.

Пряжки с изображением медведя на щитке. В VIII – IX вв. появляются поясные пряжки с изображением медведя с головой между лап на щитке. Известны два экземпляра, оба происходят из Сайгатинского раннего комплекса Сайгатинского III могильника и Сайгатинского I святилища (Зыков и др., 1994, с. 85). На обеих пряжках медведь вполне узнаваем, со всеми деталями, которые в нашем представлении характерны для зверя: широкий лоб с двумя небольшими округлыми ушами, контур головы, сужающийся к носу. Единственная деталь, не соответствующая реальному образу, – большие миндалевидные глаза. Так же, как и у медведей на круглых бляхах, лапы плотно обхватывают голову, голова широких пропорций, орнамент отсутствует.

Расцвет этой категории принадлежностей костюма приходится на X-XII вв. Пряжки становятся разнообразными по размеру, характеру соединения щитка и рамки, наличию-отсутствию и количеству дополнительных (кроме медведя) персонажей в сюжете, орнаментике. Вероятно, не будет ошибкой предположить, что именно они несли какую-то особо важную нагрузку в знаковой системе костюма этого времени. Известны случаи, когда вышедшие (или выведенные) из употребления пряжки носились как нагрудные подвески (Семенова, 2001, с. 84). Но главные иконографические особенности изображения медведя сохраняются: голова зверя лежит между передними лапами; выдерживаются пропорции – ширина медвежьего носа равна ширине лапы и промежутка между головой и лапой; голова и лапы медведя обязательно сначала отделяются от остальной композиции, как бы замыкаясь в отдельный сюжет, а потом соединяются с остальными сюжетами-персонажами с помощью различных орнаментальных элементов. Декор пряжек настолько богат и многослоен, что о нем необходимо писать отдельную работу. В данном случае рассматривается только развитие образа «медведь с головой, уложенной между лапами», поэтому остальные элементы будут пока оставлены за скобками. Вариантов изображения главного персонажа и его сопряжения (отделения – соединения) с остальными по большому счету два. В первом варианте голова-лапы медведя отделены двумя плавно изогнутыми дугами, расходящимися из центра головы. При

этом уши могут быть изображены, а могут быть и не изображены. Не зная всей линии развития образа и ее вариантов, вполне можно посчитать «витые» жгуты-дуги на одной из пряжек изображением рогов, например, бычьих, что неоднократно и делалось. Во втором случае голова зверя отделяется только плавной линией абриса, а соединяется с остальной композицией стержневидными фигурами или треугольными элементами орнамента. При этом уши зверя могут изображаться или нет. И в этом случае на некоторых пряжках образ медведя вполне читаем, а на некоторых – стилизован до полной неузнаваемости, оставаясь, тем не менее, все тем же сюжетом или персонажем: медведь с головой, уложенной между лапами. Пожалуй, одна из самых интересных в этом плане пряжек найдена за пределами Западной Сибири – в Предуралье, в Огурдинском могильнике (Белавин, 2000, с. 165). На ее щитке композиция, на первый взгляд, составленная из головы медведя и двух профильных фигурок мелких копытных (?), на самом деле выстроена по принципу детских загадочных картинок: голова медведя образована кружочками, которыми переданы окончания ног копытных, и общим абрисом их ног. Но создается полная иллюзия головы медведя с характерными для изобразительности этого времени «раздутыми» ноздрями и круглыми большими глазами.

Браслеты. Несколько позже пряжек – около X вв. – появляются пластинчатые литые браслеты с изображением на концах пластин медвежьей головы, уложенной между передними лапами. Браслеты эти считаются настолько типичными для археологических материалов из Среднего и Нижнего Приобья, что даже получили наименование «браслетов обского типа». Так же, как и на пряжках, образ медведя может быть легко узнаваемым (Древние бронзы Оби, рис. 8) или стилизованным до такой степени, что медведь, практически, не угадывается (Древние бронзы Оби, рис. 10). Орнаментальные пояски, расположенные всегда строго по вертикали, могут начинаться от головы зверя, но могут и рассекать ее на две половины. Столь же важным, как и на пряжках, мастерам представлялось своеобразное «отделение» головы зверя от остального орнамента на браслете с помощью дугообразных элементов, уши медведя – так же, как и на пряжках, могли не изображаться. Появляется и треугольник на голове медведя между ушами. Реже, чем в декоре пряжек, но, тем не менее, встречается дополнение основного персонажа фигурками мелких травоядных или зайцев.

Бляшки с изображением – очень схематичным – медведя с головой на лапах также встречаются в наборе «IX–XII вв.». Собственно, это плоскоконические круглые бляшки с петлей-перемычкой на обороте. Иногда в этой петле сохраняется фрагмент тонкого кожаного ремешка, однажды обнаруженного в 1977 г. в составе клада с Барсовой Горы (Федорова, 1981). Вместе с этими бляшками сохранились не только ремешки, но и фрагменты кожи, к которой они были пришиты: бляшки нашивались на кожу внахлест, являясь, по-видимому, частью защитного нагрудника. На некоторых плоскоконических бляшках от центра к краям изображены по две медвежьих головы, уложенные на лапы. Изображения крайне схематичны и мало что дают для «иконографических штудий», но, с другой стороны, добавляют информацию о важности этого сюжета вообще.

ВЫВОДЫ

Изображения медведя с головой, уложенной между передними лапами («медведь в жертвенной или ритуальной позе»), известны в бронзовой пластике Западной Сибири с I–II вв. н. э. по XII в. н. э. Этот сюжет в течение тысячи лет размещается на мужских украшениях и принадлежностях костюма: поясных застежках, браслетах и бляшках с петлями-перемычками на обороте, которые, возможно, являлись частями защитного нагрудника, нигде более не встречаясь. Он, бесспорно, играл какую-то очень важную роль в знаковой системе костюма в широком смысле. Таким образом, замена медведя на какие-то другие персонажи – «бык», «щука» и т.д. – представляется маловероятной, если не невозможной. Необходимо отметить еще следующее: этот образ известен только в металлическом исполнении. Костяные изделия, в том числе и связанные с костюмом, часто, кроме орнаментальных мотивов, украшаются изображениями животных, но только не медведя с головой на лапах. Нигде не зафиксировано употребление этого сюжета на гравировках.

Приемы передачи образа с момента его возникновения отличаются строгой каноничностью: выдерживается вполне определенный рисунок и пропорции головы и лап медведя, а также манера изображения крупного носа с «раздутыми» ноздрями, больших миндалевидных глаз, при явном «невнимании» к изображению ушей, дугообразного завершения рисунка головы и лап, треугольных узоров за головой зверя. В сюжете поясных крючков, пряжек и браслетов во все периоды их существования допускается сочетание образа медведя и травоядного (травоядных). Замена образа медведя на другой зафиксирована только на пряжках и только в случае, когда вместо медведя изображается совершенно бесспорная – с точки зрения узнавания – фигура совы с распахнутыми крыльями (Древние бронзы Оби, вступительная статья).

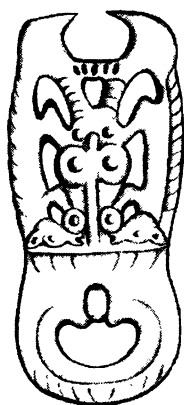

Рис. 1. Огурдинский могильник

Рис. 3. Сайгатинский I могильник

Рис. 2. Сайгатинский III могильник

Рис. 5. Сайгатинский I могильник

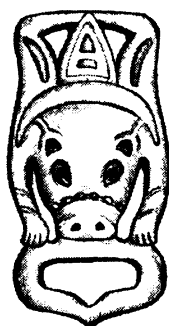

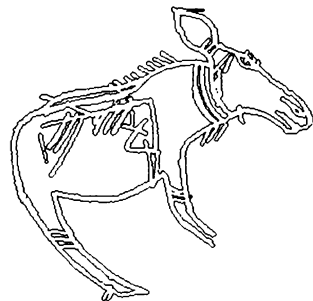
Рис. 4. Сайгатинский I могильник

Рис. 6. Сайгатинский I могильник

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин А.М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры. Иркутск.
- Древние бронзы Оби. Коллекция бронз IX-XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. Каталог. Вступительная статья Н.В. Федоровой. Автор-составитель каталога К.Г. Карачаров.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. Екатеринбург.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. 2001. Холмогорский клад. Коллекция древностей III-V вв. Екатеринбург.
- Могильников В.А. 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: Угро-финны и балты в эпоху средневековья. М.
- Мошинская В.И. 1965. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ: Д-3-8. М.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Оятева Е.И., 1999. Бляхи-медальоны с изображением головы медведя с реки Кын // АСГЭ. Вып. 34. СПб.
- Семенова В.И. 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск.
- Сокровища Приобья. 1996. Ред. Б.И. Маршак. СПб.
- Токарев С.А. 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. № 4.
- Троицкая Т.Н. 2000. Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н. э. // Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Федорова Н.В. 2002. Призраки и реальности Ямальской археологии. РА. № 2.
- Чемякин Ю.П. 2002. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы. // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Чернецов В.Н. 1953. Бронза усть-полуйского времени. МИА. № 35. М.-Л.

ЛОСИ И МЕДВЕДИ В «ЖИЛИЩЕ СОКОЛА»

С каждым годом все больше убеждаюсь в существовании археологического фарта. Мысль о взаимоотношении памятник – исследователь впервые пришла мне в голову во время подготовки дипломной работы. Тогда я никак не могла объяснить себе, почему у двух археологов, ведущих исследования на одном озере в один и тот же год, одной и той же археологической культуры, в раскопах, отстоящих друг от друга не более чем на 150-200 м, такие разные сооружения и находки.

Общеизвестно, что, проходя разведкой по одному и тому же маршруту, два исследователя могут найти разные памятники, это – как поиски грибов. Но я все же рискну предположить, что и памятник ищет своего археолога, и чем сложнее и непонятнее находки, тем подготовленнее должен быть исследователь к восприятию памятника. Мое утверждение спорное, его легко опровергнуть с точки зрения материалиста, пусть так. Но, согласитесь, коллеги, и мы относимся к открытому памятнику с особым чувством, и вечный вопрос журналиста: «Какой из ваших памятников – самый любимый?» – ставит нас в тупик. Как можно сравнивать своих таких разных детей и выбирать из них одного, любимого.

Валентина Дмитриевна Викторова, мой Учитель – фартовый исследователь.

Работая рядом с ней на протяжении многих лет, отмечаю характер ее памятников. Почти всегда это сложные, многослойные, полифункциональные комплексы. Под стать исследователю. Часто – это совсем новые виды памятников (каменоломня эпохи бронзы), иногда – спорные (петроглиф – изображение скифского меча на скале) пос. Палатки I, но всегда честно и добросовестно исследованные.

В собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея есть неопубликованные материалы из пещеры «Жилище Сокола», среди которых представлены артефакты с уникальными гравировками. Достоянные события, которому посвящен сборник.

Две бляхи с граффити – серебряная и бронзовая – поступили в фонды музея вместе с археологическими предметами и небольшой остеологической коллекцией из пещеры «Жилище Сокола» в дар от участников школьной спелеологической секции одной из екатеринбургских школ.

Пещера «Жилище Сокола» находится в известняковых скалах на левом берегу р. Каквы, в Карпинском районе, на севере Свердловской области. Пещера состоит из одного небольшого зала (рис. 1)¹.

Коллекция собрана во время обследования пещеры в зале у подножия двух известняковых глыб. Когда были найдены две бляхи, бронзовая и серебряная, лежащие под слоем щебня одна на другой, участники секции юных спелеологов принялись руками разгребать щебень и мелкие камни в радиусе 1 метра. Дополнительно из слоя были извлечены три костяные подвески, два фрагмента керамики с орнаментом, медное кольцо, медная полая пуговица, фрагмент железного наконечника стрелы, литая, круглая бляха с орнаментом из оловянистой бронзы (рис. 2, 3) и небольшая (46 единиц) коллекция костей животных.

Остеологический материал был определен палеозоологом к. б. н. П.А. Косинцевым. Видовой состав остатков типичен для пещерных святилищ Северного Урала: лось (череп мозговой – 1, череп лицевой – 3, щечные зубы – 6, лучевая – 1, берцовая – 1, фаланга III – 9), медведь (нижняя челюсть – 2, коренные зубы – 3, резцы – 14), лошадь (коренные зубы – 3, резец – 1), волк (бедро – 1), бобр (резец – 1).

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Три костяные подвески каплевидной формы с вытянутым кверху просверленным «ушком», (рис. 2 – 1). Диаметр подвесок – 1 см, отверстий – 0,1 см. Изделия пришлифованы. В двух случаях отверстия расположены несимметрично, в правом верхнем углу ушка. Аналогии костяным каплевидным подвескам в уральском материале можно найти в памятниках эпохи энеолита (погребение № 6 Аятского могильника).

¹ Благодарю коллег С.Е. Чаиркина, К.Г. Карачарова, П.А. Косинцева за консультации и предоставленные топографические материалы.

Венчик и фрагмент стенки от одного сосуда (рис. 2 – 2,3). Тесто с примесью песка и дресвы, цвет – серо-оранжевый, сосуд хорошо обожжен. Венчик прямой, край приострен, шейка короткая. По венчику округлой в сечении палочкой нанесены ямочные вдавления, расположенные в шахматном порядке, по стенке – поясок ямок. По краю венчика с наружной стороны сосуда нанесен штампом струйчатый орнамент, перемежающийся ямочными вдавлениями. Керамика датируется эпохой поздней бронзы – вагильский тип по В.Д. Викторовой. (1970, с. 254 – 270).

Железный наконечник стрелы (рис. 2 – 4), плоский двухперый с обломанным острием, насадом и одним пером, покрыт дикой патиной. Наконечники такого типа широко распространены на Урале и в Западной Сибири в хронологическом диапазоне с I – середины II тыс. (Чернецов, 1957, с. 226, табл. XLIII).

Медная пуговица, размером 2,6 x 1,6 см, с остатками золочения, полая, в форме плода крыжовника с рифленой неорнаментированной поверхностью (рис. 2 – 5). Она подвешивалась сверху за медное петлевидное ушко, нижняя часть заканчивалась напаянным кольцом из медной проволоки. По классификации А.П. Зыкова, С.Ф. Кокшарова это изделие можно отнести к типу 2б без орнамента. (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 172). Исследователи считают их «надежным хронологическим индикатором западносибирских комплексов» и датируют второй половиной XV – XVI вв. (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 177). Подобные пуговицы были распространены в Сургутском Приобье (могильники Моховая 45, Сайгатинский IV, Усть-Балык), несколько штук было найдено в селькупских могильниках Нарымского Приобья (Тискинский, Иготский) (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 173). Пуговица типа 2б найдена в Лобвинской пещере (Чаиркин, Карачаров, 1999, с. 203, рис. 208) – древнем святилище манси.

Деревянное изделие, длиной 11 см, в виде слегка изогнутой, четырехгранной в сечении, полый со сквозным отверстием трубочки (рис. 2 – 7). Один конец ее уплощен и представляет в сечении овал, другой – округлый и слегка обожжен. Дерево обработано металлическим орудием с последующей шлифовкой. По всей видимости, это часть курительной трубки (мундштук). В XVIII-XIX веках на Урале и в Западной Сибири были распространены привозные европейские (голландские?) трубки. Они состояли из двух частей – деревянного мундштука и костяной или фаянсовой чашечки для накладки табака. Фрагменты трубок (чашечки) найдены в Удмуртии на могильнике Узей-Тукля (погребение № 2), которое исследователи датируют XVIII-XIX веками (Шутова, 1992, с. 225, рис. 42, 15). Аналогичные двусоставные трубки представлены на фотографиях салымских хантов, сделанных Г.И. Лебедевым в 1911 г. во время экспедиции Тобольского музея (Салымский край, 2000, с. 287). Таким образом, бытование курительных трубок такого образца в Приуралье и Зауралье можно отнести к – XVIII – началу XX века. Мундштук из пещеры «Жилище Сокола», по-видимому, был оставлен в пещере в конце XIX – начале XX века.

Кольцо медное, плоское в сечении, с несомкнутыми концами (рис. 2 – 6), диаметром 8,5 см. Изделие покрыто полудой. Аналогичные кольца найдены в культовом комплексе с селища Остяцкий Живец IV (Карачаров, 2002, с. 31, рис. 7, 1). Парные медные кольца, с несомкнутыми или сомкнутыми концами, встречаются в памятниках Сургутского Приобья, в культовых комплексах на поселениях и могильниках (городище Барсов Городок 1/20, могильники Барсов Городок 1/6, Сайгатинский III). Они отличаются, в основном, размерами и сечением дрота. Датируются VIII – IX вв. по сопутствующим вещам и относятся к кучиминскому хронологическому этапу эпохи средневековья (Карачаров, 2002, с. 50). В культовых комплексах кольца сопровождают антропоморфные изображения (куклы), основа которых плетется из прутьев, вместо лица крепится плоская бронзовая или деревянная личина.

Версия, высказанная К.Г. Карачаровым о том, что деревянные личины могут быть моделями для отливки бронзовых, очень правдоподобна. В этом случае использование в культовых комплексах – это либо замена бронзовых личин в отсутствии металла, металлурга, плавильной печи, либо прерывание традиции с угасанием рода. Появление культовых комплексов связывают с обрядом захоронения кукол «иттерма» – вместилищем души (Карачаров, 2002, с. 47).

Бляха из оловянистой бронзы, литая, отливалась в односторонней форме. Диаметр бляхи – 3,2 см. Металлический стержень из литника (псевдолитник) – длиной 0,6 см (рис. 2 – 8). На одной из сторон бляхи нанесен рельефный орнамент. В центре композиции – конический выступ (бубон). Вокруг него – 4 концентрические окружности, вписанные одна в другую, с неравными промежутками. Между первой и второй окружностью короткие прямые отрезки, поставленные вертикально по отношению к окружностям, образуют орнамент в виде колеса со спицами. Между 4-ой окружностью и 5-ой – зигзагообразный орнамент, внешний край которого заштрихован и образует розетку в виде 10 лучевой звезды. Край бляхи оформлен кантом из двух концентрических окружностей с косой штриховкой между ними. В Западной Сибири отливки из олова и оловянистой бронзы появляются сравнительно поздно – с середины II тыс. н. э. (Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994, с. 46) и бытуют до начала XX века. Возможно, эта бляха имела утилитарное назначение и использовалась как деталь костюма. Косвенно это подтверждает наличие надрывов металла с двух сторон от псевдолит-

ника. Возможно, бляха имела отношение к женскому костюму и использовалась в качестве украшения (оберега) в составе других украшений для ложных кос или головного убора (платка). Или нашивалась на какой-нибудь предмет женского обихода (например, сумочку для рукоделия). Аналогичный орнамент известен на поздних хантыйских пряслицах (Сирелиус, 2001, с. 268, № 46, с. 278, № 109).

Бронзовая, круглая, плоская бляха с приклепанным ушком (рис. 3, 4 – 1,2), сломанным в верхней части. Края бляхи тонкие, слегка приостренные. Изделие повреждено: семь сквозных отверстий с равными краями, нанесенными, по-видимому, металлическим, острым орудием и около 20 углублений без отверстий. Удары по бляхе наносились беспорядочно, большая часть следов располагается в верхней и левой части. Сквозные отверстия нанесены с внешней стороны, тогда как большая часть следов без сквозных повреждений была нанесена с обратной стороны бляхи, на которой сохранились остатки припоя и видны следы концентрических окружностей, диаметр центрального круга составляет 1 см (рис. 4). По-видимому, вторая половина бляхи с традиционным солярным орнаментом была утеряна. Вероятно, изделие было биметаллическим. Сохранность хорошая. Внешняя сторона покрыта благородной патиной зеленого цвета. На аверсе бляхи – тонкая гравировка острым «штихелем», вероятно кончиком ножа. Композиция состоит из профильных изображений лося, двух лосих, медведя и еще одного копытного размещенного в правом верхнем углу. Рисунок был прорисован дважды: до реставрации (рис. 3 – 1) и после реставрации (рис. 3 – 2)².

После реставрации выявился «знак жизни», выгравированный на теле лосих. Уточнены детали – форма губ и ноздри верхней лосихи, ухо медведя, форма ног и рога нижнего лося, «серьга» у нижних лося и лосихи. Значительно проявился силуэт копытного, в верхнем правом углу.

Изучение гравировок на бляхе показало, что перед нами палимпсест. Рисунки нанесены на поверхность в разное время. Так, например, морда медведя частично перекрывает изображение копытного, расположенного справа (лось? олень?). Фигура медведя, в свою очередь, перекрыта передними конечностями верхней лосихи. В нижней части композиции фигура лося частично прорезает изображение лосихи, стоящей рядом с ним (рис. 3 – 1, 4 – 1,2). Очередность нанесения граффити восстанавливается следующим образом: самым ранним изображением является, по-видимому, фигура копытного, размещенного справа сверху. Затем, одновременно или последовательно, было выгравировано изображение медведя и нижней лосихи. Самыми поздними изображениями являются нижний лось слева и верхняя лосиха, которые могли быть нанесены последовательно или одновременно. Обращает на себя внимание тот факт, что фигуры медведя и лосей даны в едином стиле: мелкими штрихами обозначена шерсть на теле животных, подчеркнута серьга, на всех изображениях присутствует «знак жизни», на шее верхней лосихи и медведя – «ожерелье» из трех полос. Все перечисленные фигуры нанесены ровными линиями с одинаковой глубиной и шириной врезки, возможно, одним и тем же инструментом и одним и тем же человеком в течение короткого промежутка времени. Фигура копытного изображена более тонкими, слабо читающимися линиями, схематично, в стиле минимализма. Верхняя лосиха, в отличие от нижней пары выгравирована более тщательно и в художественном плане более выразительна: горбоносая морда с обозначенным глазом, слегка развернутое к зрителю ухо, «браслеты и ожерелье» в виде трех тонких линий на ногах и шее.

Бляхи с клепаными петлями известны в памятниках Тюменского Приоболья: курган в «Загородном саду» г. Тюмени, поселение Дуванское I (Чернецов, 1957, с. 243, табл. XLIX – 1; Морозов, 1982, с. 126, рис. 1 – 7). В.Н. Чернецов датирует бляху оронтурским этапом (VI-IX вв. н. э.).

Сюжетные аналогии в трактовке копытных можно найти в Северном Приуралье, в Эшмесской, Уньинской пещерах. Это профильное изображение копытных, «знак жизни» (души), «ожерелье» из тонких полос на шее (Багин, 1998, с. 89, рис. 2 – 1,2). Это трактовка лосиной морды с обозначенным глазом и развернутым ухом (Багин, 1998, с. 89, рис. 2 – 9).

Аналогии профильному изображению медведя есть в граффити на серебряном блюде из дер. Керчевой (Лещенко, 1976, с. 187, рис. 35).

Иконография образа едина: поза зверя, пропорции тела, изображение шерсти на загривке, наличие «ожерелья» на шее. В.Ю. Лещенко (1976, с. 179) датирует граффити на блюде VII-VIII вв. по наличию в композиции изображений «ящеров». Мотив которых, как предполагает исследователь, связан с изображением пушных зверьков – выдр, аналогичных культовому бронзовому литью ломоватовской культуры.

Граффити на бронзовом изделии из пещеры Жилище Сокола иконографически близки гравировкам на бляхах из приуральских пещер (Эшмесская, Уньинская), на блюде из деревни Керчевой и могут быть датированы VIII-IX вв.

² Реставрацию провела реставратор высшей категории Свердловского областного краеведческого музея О.П. Ченченкова.

Серебряная круглая, слегка выпуклая бляха, диаметром 5,5 см, с отверстием в верхней части (рис. 4 – 3-7). Неровно обрезанные края, позволяют предположить вторичность предмета-основы. Аверс поверхности зашлифован. Обратная сторона бляхи обработана менее тщательно: на ней – многочисленные мелкие, беспорядочные царапины. Около отверстия – следы клепки и очертания ушка. По-видимому, бляха, как и бронзовая, крепилась с помощью ушка, имевшего в нижней части прямоугольную форму.

Изделие покрыто гравировкой с обеих сторон. По его периметру, несимметрично идет окантовка из ряда полугорошин, выбитых в технике пуансона. Далее с наружной стороны изображения наслаиваются друг на друга – палимпсест. На наш взгляд, справа внизу нанесено профильное изображение животного с узкой мордой, «знаком жизни», которое, возможно, потом было подправлено или переделано. В верхней, центральной части бляхи неясный рисунок в виде идущих друг за другом зверьков с длинными пушистыми хвостами. Оба рисунка нанесены тонкими, слабочитающимися линиями. В центре бляхи нанесен антропоморфный персонаж, который своей остроконечной головой перекрывает верхний, центральный рисунок пушных, а правой ногой – круп животного, расположенного справа внизу. По типологии иконографии, предложенной В.Ю. Лещенко, антропоморф ближе всего типу 2б. Это – «безоружная фигура в фас, прямые ноги расставлены в сторону, руки опущены вниз, с островерхой головой, которая, в некоторых случаях может быть трактована, как головной убор» (Лещенко, 1976, с. 177, рис 19 – 2б), но имеет существенные отличия. Глаза переданы точками, нос и рот – короткие прямые линии, расположенные перпендикулярно друг другу. Нет подбородка, лицо плавно переходит в туловище. Руки широко разведены в стороны, на одной из них – пять пальцев, на другой – три или четыре. Ноги расставлены «на ширине плеч». В нижней части туловища 4 параллельные линии, возможно, так обозначен подол одежды с орнаментированным краем (?).

Самым поздним рисунком является профильное изображение крупной птицы с поднятым крылом, развернутым хвостом, стоящей на мощных, когтистых лапах. Изображение находится в центре бляхи, перекрывает антропоморфа. Оно нанесено самыми глубокими линиями в различной технике. Кроме непрерывных линий, дающих общий абрис птицы, для передачи оперения хвоста, хохолка на голове и перьев на ногах используется и мелкая штриховка на груди и прием «шагающего» пуансона (Чаиркин, Карачаров, 1999, с. 200). На теле птицы, ближе к хвосту выгравировано изображение круга или шара (яйцо?). Оно выполнено в технике «шагающего» пуансона.

Обратная сторона бляхи имеет многочисленные следы беспорядочно нанесенных бороздок и царапин, среди которых только изображение натянутого лука со стрелой, вне сомнения, можно отнести к граффити. Композиция составлена так, что стрела перекрывает изображение птицы, выгравированной на аверсе такими глубокими линиями, что очертания ее «читаются» на обратной стороне.

Серебряные бляхи с клепанными ушками были распространены в Приуралье, Зауралье и Западной Сибири начиная со второй половины I тыс. Композиция вполне традиционна, в центре помещен антропоморф, справа внизу – зооморфное изображение зверя (пушного?), вверху над антропоморфом – изображение животных. Реже встречается образ птицы. По определению орнитолога д. б. н. В.К. Рябичева, на бляхе изображена копалуха – самка глухаря. Об этом свидетельствует полукруглая форма хвоста, «фартук», выделенный линией, и рябые отметины на груди, обозначенные короткими, глубокими вдавлениями.

Образ птицы встречается в композициях граффити на бронзовых зеркалах, начиная с раннего железного века. Но это либо птица в геральдической позе (Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 48-49), либо в геральдической позе с антропоморфной личиной на груди (Приуралье, Канинская пещера) (Багин, 1998, с. 88, рис. 1 – 2).

Второй сюжет – парные профильные изображения птиц в спокойной позе, включенные в сложные композиции с антропоморфом известны в Сургутском Приобье на святилищах Барсов городок 1/9 и могильник Барсовский III (Казанцева, Чемякин, 1999, с. 107, рис. 1).

В металлической пластике Приуралья образ глухаря или копалухи (?) появляется в V-VIII вв. Это профильное изображение птицы в спокойной позе (Оборин, Чагин, 1988, с. 73, № 34, с. 168, № 96). В культовом литье Зауралья подвески в виде глухаря известны с X-XIII века (Ликийский могильник) и иконографически близки приуральским (Викторова, 1973, с. 157, табл. XI – 13).

Подобные литые подвески с профильным изображением птиц (в первом случае – тетерки, во втором – вид не назван) известны с Сайгатинского I святилища (Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994, с. 98, 143, № 154-155). Авторы датируют подвески X-XII вв. Возможно, вторая фигурка (№ 155) может определяться как глухарь. Орнамент, изображающий оперение птицы, близок копалухе на бляхе из пещеры Жилище Сокола. Выделен нагрудный фартук, косыми штрихами показано оперение на шее и груди. Но все эти сюжеты представляют нам спокойно сидящих птиц, тогда как поза копалухи на бляхе из пещеры Жилище Сокола иная – хвост распушен, крыло поднято. В иконографии граффити

есть подобные сюжеты. Это – Истяцкий клад (Чернецов, 1957, с. 50, табл. XX – 6). Но там изображена хищная птица с трехзубой короной на голове. На блюде из Ямгортских юрт – целая стая тетерок в аналогичной позе: с поднятым крылом и распущенным хвостом (Лещенко, 1976, с. 187, рис. 36). По составу всего клада В.Ю. Лещенко датирует рисунки на блюде из Ямгортских юрт XI-XII вв. Вероятно, серебряную бляху, можно датировать следующим образом: предмет – основу и ранние гравировки (пушные и антропоморф рубежом I – началом II тыс). Изображение копалухи, возможно, относится к более позднему этапу. Техника «шагающего» пунсона в литературе связывается с так называемой галицкой группой черневых изделий и датируется XIV – первой половиной XV в. (Карачаров, Чаиркин, 1999, с. 200-201).

Пещера «Жилище Сокола» – культовое святилище древних манси. О чем свидетельствует видовой состав остеологического материала (кости диких и домашних жертвенных животных). Дальнейшие исследования уральских археологов и палеозоологов, проведенные в пещере в 80-е 90 гг., подтвердили этот тезис (Косинцев, Чаиркин, 2000, с. 167).

Самые ранние посещения святилища относятся к эпохе энеолита. Костяные подвески, найденные в пещере, возможно, происходят из разрушенного погребения.

Следующий этап освоения пространства пещеры относится к эпохе поздней бронзы: керамика вагильского типа маркирует эпизодическое посещение святилища. Находки VIII-IX вв. (медное кольцо с несомкнутыми концами и, возможно, бронзовая бляха с граффити) свидетельствуют о сложившейся традиции посещения святилища для принесения даров или культовом захоронении душ.

Находки более позднего времени – медная пуговица XV-XVI вв., трубочный мундштук и бляха из оловянистой бронзы, датируемые XVIII – началом XX вв. – доказательство того, что посещение святилища продолжалось довольно длительное время. Наконечник стрелы с обломанным острием – культовое приношение духам-покровителям. Следы отправления этого культа (костяные, медные, бронзовые, железные наконечники стрел, монеты) фиксируются во всех пещерных святилищах Урала.

С сакральными действиями иного типа, нам думается, связаны медное кольцо и две бляхи – бронзовая и серебряная. Медное кольцо и бронзовая бляха датируются – VIII-IX вв., но не факт, что они могли находиться в одном культовом комплексе, хотя и исключить это полностью невозможно. Выше уже отмечалось, что такие кольца – парные сопровождают культовые комплексы, связанные с погребением души, включающие в себя помимо колец зооморфные подвески, бляшки и деревянные или бронзовые личины, завернутые в мех и бересту (Карачаров, 2002, с. 26-27).

Согласно «легенде» нахождения предметов, две бляхи – серебряная и бронзовая обнаружены вместе, плотно прижатые друг к другу. На этом настаивали очевидцы находки. Сохраниться в таком виде они могли только в том случае, если изначально были сложены в какой-нибудь плотно закрывающийся сверток из кожи, меха, бересты или были привязаны друг к другу. Никаких следов первоначального свертка не было обнаружено. Возможно, он истлел за время хранения предметов, хотя это странно, так как бронза, как правило, сохраняет органические остатки. Возможно, сверток или то, что скрепляло предметы, был разрушен в более позднее время – зверем или человеком.

Важно то, что две бляхи, датируемые разным временем, были найдены в одном комплексе. Следовательно, они принадлежали одному коллективу (этническому?) и связаны с культом, функционировавшим длительное время, в течение которого граффити на бляхах могли дополняться новыми рисунками.

В заключение остановимся на вопросе о происхождении сюжетов гравировок на бляхах из пещеры Жилище Сокола. Выше уже отмечалось сходство иконографии образов с граффити на бляхах и культовом литье Приуралья.

О существовании продолжительных связей древних коми и обских угров в направлении запад – восток в I – середине II тыс. исследователи писали неоднократно (Пархимович, 1991, с. 146). В.А. Оборин высказал предположение о продвижении отдельных групп приуральского населения в XI-XII вв. за Урал (Оборин, 1976, с. 20-21). Сходство сюжетов граффити – еще одно подтверждение связей и миграций приуральского населения на восток в VIII – IX вв. О более ранних контактах на рубеже I тыс. до н. э. – I-ых вв. н. э. свидетельствуют новые находки на городище Няксимволь, где в культовом литье есть прямые аналогии сюжетам материалам приуральских памятников (Панина, 2003, в печати).

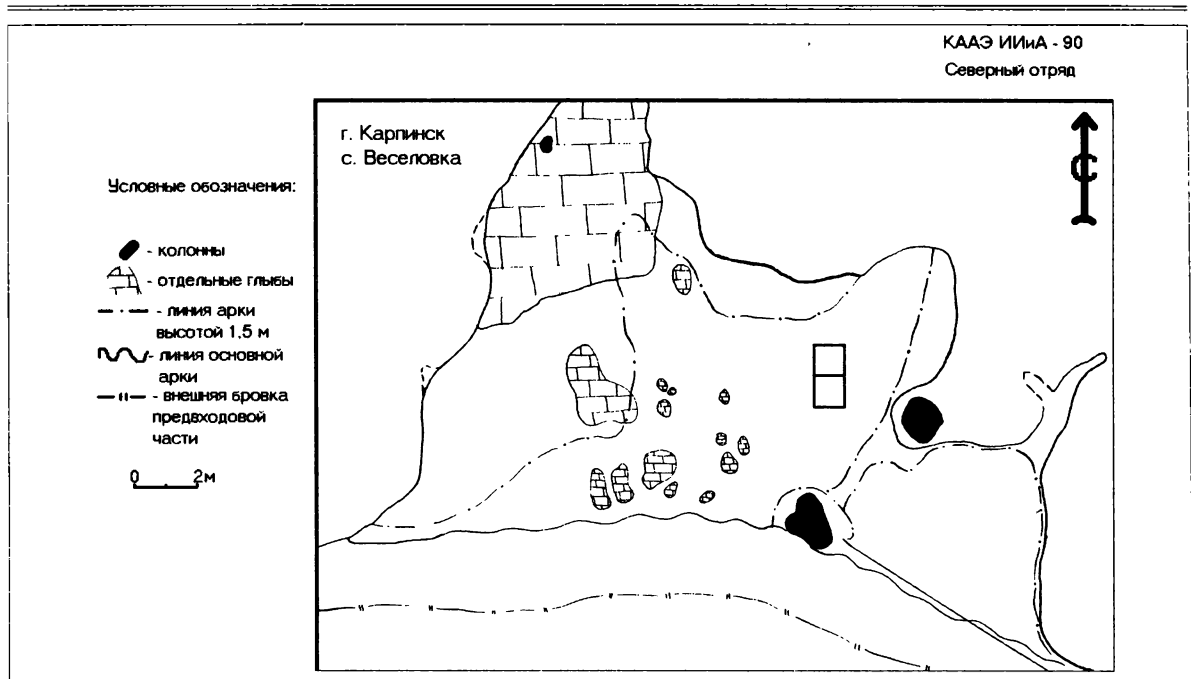

Рис. 1. План пещеры «Жилище Сокола»

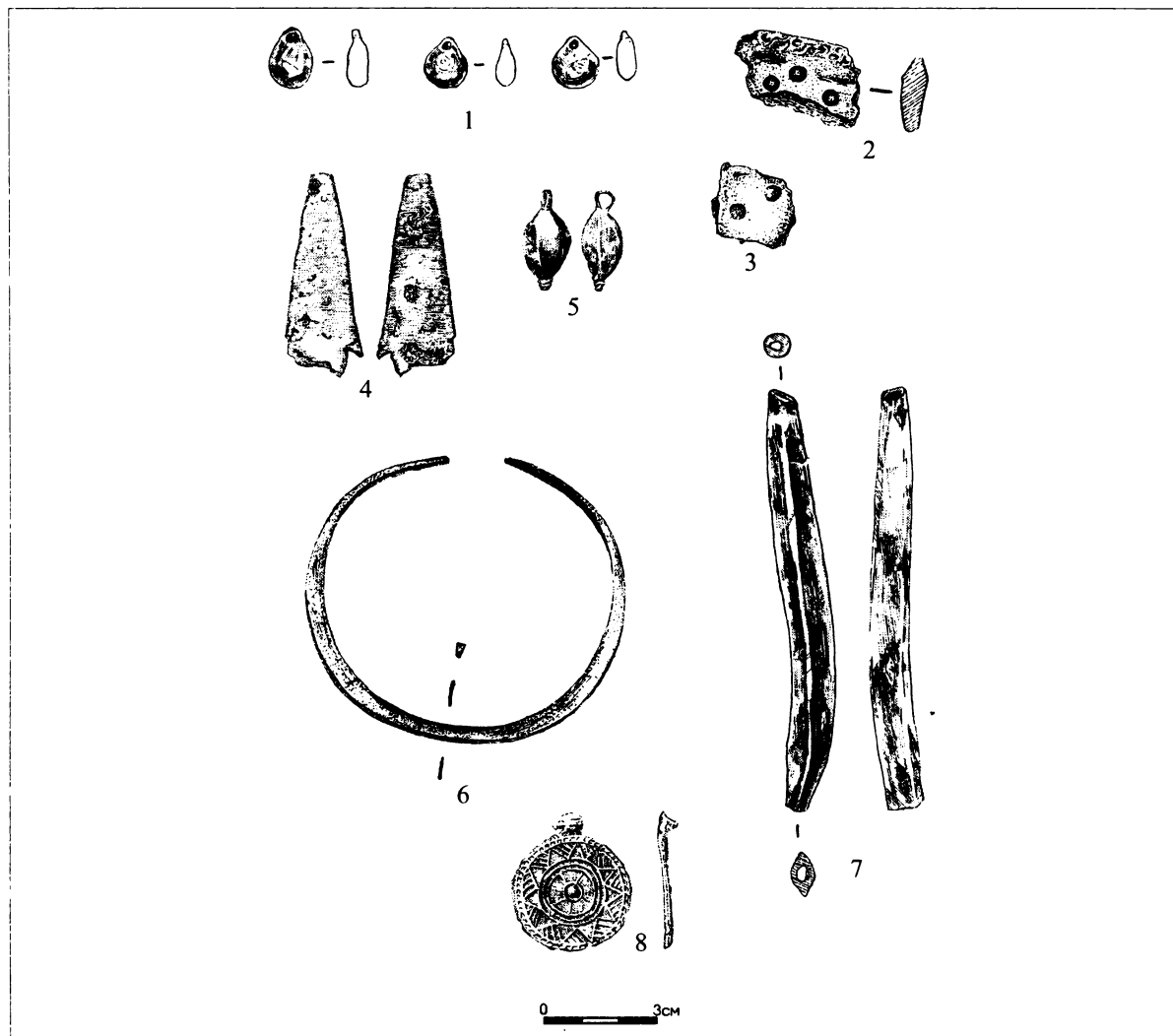

Рис. 2. Археологическая коллекция из пещеры «Жилище Сокола»: 1 – кость; 2-3 – керамика; 4 – железо; 5-6 – медь; 7 – дерево; 8 – оловянистая бронза

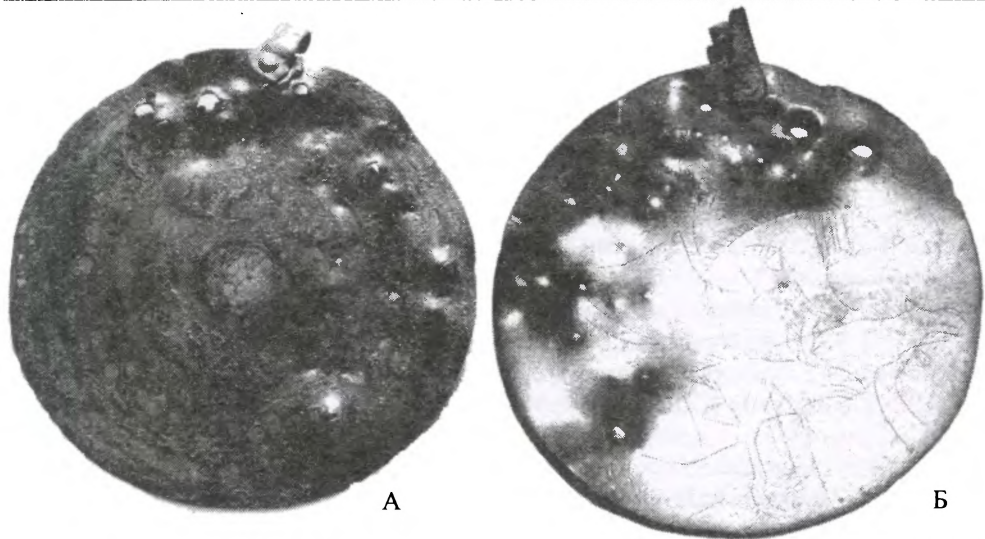

Рис. 3. Бронзовая бляха из пещеры «Жилище Сокола»: А – реверс, Б – аверс

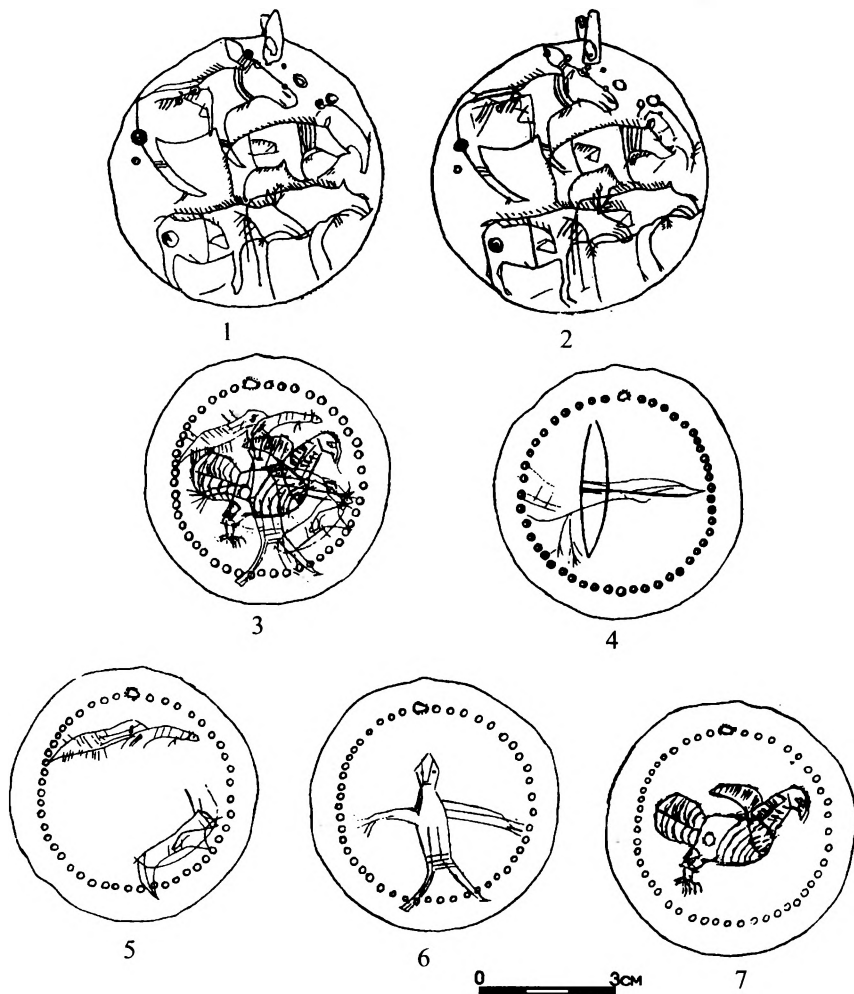

Рис. 4. Лоси и медведи в «Жилище Сокола»: 1 – бронзовая бляха до реставрации; 2 – бронзовая бляха после реставрации; 3 – серебряная бляха аверс; 4 – серебряная бляха реверс; 5-7 – граффити на бляхе, последовательность нанесения гравировок

ЛИТЕРАТУРА

- Багин А.Л. 1998. Граффити из святилищ Европейского Северо-Востока // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Викторова В.Д. 1970. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // ПХКПАПЗС, Томск.
- Викторова В.Д. 1973. Ликинский могильник X-XIII вв. // ВАУ. № 12. Свердловск.
- Даркевич В.П. 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. // Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994. Угорское наследие. Екатеринбург.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. 2001. Древний Эмдер. Екатеринбург.
- Казанцева Т.Г., Чемякин Ю.П. 1999. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург.
- Карачаров К.Г. 2002. Антропоморфные куклы с личинами VIII – IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург.
- Косинцев П.А., Чаиркин С.Е. 2000. Культурные пещеры Урала // Святилища. Археология ритуала и вопросы семантики. С-Пб.
- Лещенко В.Ю. 1976. Использование восточного серебра на Урале // Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.
- Морозов В.М. 1982. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск.
- Наговицин Л.А., Шутова Н.И. 1985. Удмуртский могильник у д. Узей-Тукля // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.
- Оборин В.А. 1976. Этнокультурные связи населения Верхнего Прикамья с племенами Западной Сибири в IX-XV вв. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Панина С.Н. 2003. Новые культурные находки на памятнике Няксимволь // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. В печати.
- Пархимович С.Г. 1991. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тыс. н. э. // ВАУ. № 20. Свердловск.
- Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. 2002. Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. Ханты-Мансийск. Салымский край. 2000. Екатеринбург.
- Сирелиус У.Т. 2001 Путешествие к хантам. Томск.
- Чаиркин С.Е., Карачаров К.Г. 1999. Материалы железного века из Лобвинской пещеры. // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург.
- Чернецов В.Н. 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // Культура древних племен Западной Сибири. МИА. № 58. М.
- Шутова Н.И. 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX века. Ижевск.

МЕДВЕДЬ В ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА

Образ медведя в материальной и духовной культуре большинства народов Северной Евразии присутствует с глубокой древности и до наших дней. Он отражен в памятниках изобразительного искусства, в костных останках этого животного, обнаруженных на поселениях, могильниках и святилищах, в фольклоре, верованиях и обрядовой деятельности. Представляется, что образ медведя имел отношение к разнообразным сферам жизнедеятельности человека и, по-видимому, занимал в них столь важное место, что привел к сложению так называемого «культа медведя». В предлагаемой работе мы рассмотрим только одну сторону проявления этого культа, связанную с комплексом представлений, группирующихся вокруг темы «Девушка и Медведь».

«СКАЗКА» О СТРОПТИВОЙ НЕВЕСТЕ

Медведь является одним из главных персонажей мифов, сказок и преданий, зачастую складывающихся в единый фольклорный сюжет, корни которого теряются за плотными кулисами времени. Он распространен по всему миру и чрезвычайно характерен для народов Северной Евразии. Сюжет посвящен приключениям ушедшей (или изгнанной) из дома девушки, на пути которой обязательно встречается зверь. Повествование почти всегда начинается с описания спокойной и безмятежной жизни отдельной семьи или селения. Спокойствие вдруг нарушается внезапным изменением поведения самой девушки или ее родственников (односельчан) по отношению к ней, а также связанными с нею особыми обстоятельствами, ход которых приводит к строго определенным изменениям в жизни девушки и всего коллектива людей.

В мифах и наиболее архаичных сказках девушка вдруг уходит или ее изгоняют из дома (селения). Причины ее ухода могут быть различными. Одна или в компании со старшей сестрой или подругами она отправляется по хозяйственным надобностям (сбор ягод, грибов, орехов, травы, корней, хвороста, воды и пр.) в лес, в горы, на реку и т.д. В этом случае у девушки всегда имеется какая-либо емкость, которая постепенно наполняется. Иногда уход девушки связан с тем, что с определенного момента своей жизни она вдруг начинает «видеть» животное или какую-либо часть его тела, а возле своего дома «обнаруживать» неизвестно кем приносимую (только по ночам) добычу. Часто встречается вариант, когда отец (брат) отдает героиню в обмен на собственную жизнь (свободу) зверю или сверхъестественному существу или выдает замуж за человека, который оказывается животным (зачастую – царем животных).

В большинстве вариантов героиня покидает дом из-за «плохого» отношения к ней родственников или односельчан, которое связано либо с брачными притязаниями к ней брата (братьев), либо с ее изгнанием. Иногда родственники сами покидают дом или селение, оставляя девушку в одиночестве. Подобное отношение или ничем не мотивируется, или объясняется изменением поведения самой девушки. Она вдруг становится строптивой. Главным образом это выражается в ее решительном отказе выходить замуж, что вызывает справедливый гнев отца или братьев. Иногда изгнанию девушки предшествует факт ее тайных свиданий со зверем или сверхъестественным существом. Уходя из дома, девушка непременно берет с собой какую-либо емкость – мешок, корзину и пр.

В сюжете о пропавшей или изгнанной девушке она оказывается в незнакомом для нее месте или особом пространстве. Чаще всего оно находится на значительном удалении от дома («темное», «незнакомое» и пр. место). Путь к нему лежит через чашу леса или по течению реки. Маркером этого места является определенный участок берега водоема, лесная поляна или возвышенность. Здесь девушка проводит некоторое время. Иногда зафиксирован момент обустройства девушкой своего временного жилья: «В граве шалаш сделала, уснула» (Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 56), «постель из травы сделала, в березняке подвесила» (Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 550-552). Подобная локализация места остановки беглянки или изгнанницы у восточных славян отражена в ритуальных песнях, харак-

терных для календарной обрядности весеннего цикла. В них поется о девушке, которая с определенного времени оказывается «в сухом ивняке», «на болоте», «на ржавчике», «на море», «в горных пещерах», «в лесу» (Бернштам, 1999, с. 197-207). Место былой изоляции девушки в латышских дайнах определяется в следующих выражениях – «на горочке», «у речки», за околицей села, на поляне возле дуба или у березы, выросшей на валуне, и др. (Латышские дайны, 1986, с. 62-124). Пристанищем девушке служит пещера, подножие дерева или хижина: «Стояла береза кудреватая,/ У этой же березы высок терем (крона),/ Тут сидела же душа красна девица»; «Новая моя горенка/ Во сыром бору она валена»; «На горе стоит елочка,/ Под горой светелочка./ Во светелочке девушка» (Бернштам, 1992, с. 22). Иногда девушка обнаруживает избушку, в которой может обитать зверь или сверхъестественное существо (баба-яга, мужчина, превращающийся в зверя, и пр.).

Особый характер имеет внешний вид девушки, оказавшейся в лесу: она обнажена или без пояса, одета в наряд из листьев, травы и коры или старые лохмотья («худую одежду»). Так, в одном из преданий народа коми героиня рисуется в сострадательной форме: «Девушка как оборвыш, ни одежды, ни обуви..., спустилась к Вычегде» (Уляшев, 1999, с. 123). Фольклорные «лесные красавицы» чаще всего представляются с распущенными и длинными, а также светлыми (иногда зелеными) волосами, которые сравниваются либо с водными потоками, водорослями, растительностью, либо с лучами солнца или лунной «дорожкой». Во многих фольклорных традициях народов Северной Евразии девушка, ушедшая или изгнанная из дома, характеризуется прозрачностью тела. Образы «прозрачных» дев содержатся в мифологии восточных славян, чувашей, башкир, нганасан, обских угров, сибирских татар, якутов, народов Крайнего Северо-Востока Сибири и др. Так, в одной из старинных русских сказок Бабушка-заворенка описывает герою внешний облик девушек, находящихся в Подсолнечном царстве: «...Рубашки на их травчатые, сквозь рубашки видно тело, сквозь тело видно кося, сквозь кося видны мозги, как жаркий жемчуг пересыпается...» (Ончуков, 1998, с. 75).

Кульминацией наиболее архаичных вариантов рассматриваемого фольклорного сюжета является встреча девушки со зверем. У народов Северной Евразии этим зверем чаще всего является медведь. Девушка встречает его в лесу, на берегу реки или в горах, иногда проваливается к нему в берлогу. Характер его действий по отношению к девушке сводится к двум вариантам. Первый: медведь хватается ее и уносит к себе в жилище (пещеру или лесную избушку). Он содержит ее пленницей, заваливая камнем вход, запирая дверь или привязывая девушку к своему телу за волосы или веревкой. Второй: когда медведь обнаруживает пришедшую в его дом девушку, он набрасывается на нее, сбивает с ног, хватается зубами, кусает, подбрасывает вверх, валяет по земле и пр. Иногда он не обижает ее, но заставляет заниматься приготовлением пищи и уборкой в доме, а также петь и плясать перед ним. В редких случаях медведь выступает в роли Синей бороды. Например, в саамской сказке он уносит девушку к себе домой и разрешает ей хозяйничать везде, кроме амбара: «А в те двери не ходи...» (Саамские сказки, 1962, с. 35-40).

Возвращение девушки домой почти всегда связано с ее бегством, которое она совершает либо собственными силами, либо силами существа, выступающего в роли помощника. Это может быть животное (собака, мышь, лиса и др.), превращающееся в старушку, иногда – один из ее детей, но чаще всего ее вызволяет из плена мужчина (группа мужчин). Изредка медведь сам указывает девушке дорогу домой или уносит ее в какой-либо емкости.

Финал рассматриваемого сюжета следует определенному канону. В результате странствий ушедшей (изгнанной) из дома девушки земля покрывается густой растительностью и заполняется различными животными. Зачастую девушка от пленившего ее персонажа получает волшебные дары (чаще в какой-либо емкости). Они значительно улучшают условия жизни народа или благотворно влияют на судьбу героини. Иногда девушка возвращается не одна, а с ребенком (двумя детьми), рожденным ею от зверя, который в будущем занимает особое место в обществе. Факт исчезновения девушки зачастую сопровождается исключительной охотничьей удачей мужчин ее семьи (селения). Часто благополучие возникает в результате того, что девушка, убегающая из плена, приводит за собой пускающегося за ней в погоню зверя (иногда с его собратьями), которого убивают ее сородичи. Перед смертью он заключает с ними некий «договор». В ряде мифологических традиций зверь выступает в качестве культурного героя и первопредка, обучающего людей (часто через девушку-жену) добывать огонь, изготавливать орудия труда, транспортные средства, жилище и др., а также песням, танцам и священным ритуалам. У ряда народов в этой роли выступает сын зверя и девушки.

Рассматриваемый фольклорный сюжет представляет главную героиню как существо активное, движущееся, преодолевающее пространство. Речь в нем всегда идет о девушке, достигшей возраста половой зрелости, что обнаруживается по ряду косвенных деталей. Во-первых, в мифах отражены странные проявления *состояния психики и поведения* их главной героини: у нее пропадает желание выполнять привычную работу, появляются «сокровенные» мысли, которые «бродят неизвестно где»,

она томится, скучает, у нее «плохое настроение» и пр. Например: «Жили-были Синаневт и Эмемкут. Хорошо жили, все у них ладилось. Вдруг с Синаневт что-то случилось. Все ей стало немило. Все о чем-то думает и думает. Брат ее спрашивает, но она ничего не говорит: «Что с тобой?» – «Не спрашивай у меня ничего. Очень скучно мне жить». Через какое-то время Синаневт «куда-то» уходит (Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 500). К тому же девушка строптивая, что выражается в ее стремлении к уединению, отказе от некоторых видов пищи, а главное – в ее категорическом нежелании выходить замуж, что также свидетельствует о ее возрасте. Во-вторых, в ряде фольклорных традиций нередко упоминаются *сроки исчезновения* девушки, совпадающие со средней продолжительностью регул. Так, чукотский миф констатирует: «Вот как-то два дня не было дома девушки. И еще раз целый день ее не видели» (Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 261), а в одном из мансийских мифов девушка пропадает на три дня (Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 422). В-третьих, на соответствующий возраст героини иногда указывают *изменения в ее внешности*: она приобретает прозрачное тело или звероподобные черты (чаще всего отражающиеся в ее «ниже»), иногда превращается в самку животного. В-четвертых, о достижении девушкой определенного возраста говорит факт ее способности к выполнению хозяйственных работ за пределами освоенного пространства, внезапно расцветшая красота, положение невесты и способность к материнству. В-пятых, иногда девушка переходит через реку, которая как, например, в саамских сказках, называется «кровавой рекой». Она может перейти ее, лишь осушив, а затем вновь наполнив с помощью опилок, отщепленных от ольховой палочки (Саамские сказки, 1962, с. 85-90). Мотив опилок (щепок, стружек и т.п., плывущих по проточной воде) в мифологии большинства народов Северной Евразии, на мой взгляд, также имеет отношение к половому созреванию героини, т.к. связан с гигиеническим материалом, в прошлом широко используемым женщинами при регулах.

Таким образом, уход фольклорной героини из дома вызван наступлением возраста половой зрелости. Очевидно, он связан с ее «перерождением» из девочки в способную к супружеству и материнству женщину и понимается как перемещение из социального мира в природный, из обыденного в сакральный. Свидетельством этому оказывается появление у девушки сверхъестественного качества – способности к творению. Оно отражено в наличии чудесной емкости, в которой находятся растения, животные, дети и пр. Емкость, с которой девушка находится в мистической взаимосвязи, ни что иное, как метафора ее чрева – источника жизни.

Место, куда уходит девушка, находится за пределами освоенного пространства, иногда даже в нижнем мире. Река или лес в мифологии и верованиях большинства народов Северной Евразии являются границей между мирами живых и мертвых. Следовательно, «перерождение» девушки осуществляется через ее уход – возвращение, понимаемые как смерть – воскресение.

Встреча девушки со зверем, судя по большинству фольклорных текстов, не случайна. Исходя из каких-то древних, слабо сохранившихся представлений, она мыслится неизбежной и предопределенной. Складывается впечатление, что уход (изгнание) девушки в ряде фольклорных традиций рассматривается как нечто само собою разумеющееся. Зачастую героиня как будто внутренне убеждена, что до определенного момента не может и не должна выходить замуж. В тех мифологических традициях, где связь со зверем уже порицается (особенно в мотиве запрета девушке выходить за пределы дома, где она может подвергнуться нападению зверя или сверхъестественного существа), героиня все же нарушает запрет и оказывается в его власти. Характерно, что эта встреча изменяет и характер девушки, и ее поведение, и отношение к ней родственников. От вернувшейся домой девушки ожидают появления потомства. Она охотно выходит замуж за мужчину, который оказывается удачливым в охоте и других видах деятельности. Примечательно, что удачливость мужчины также находится в некой связи с пребыванием женщины у зверя.

Изменяется и положение родственного девушке коллектива людей. Зверь-похититель добровольно отдается им в руки. При этом он учреждает правила охоты на него, разделки туши и ее употребление, по которым отдельные части (голова, шкура, лапы, кости, внутренности и др.) должны были возвращаться людьми в место обитания зверя – для его возрождения. Правильное соблюдение всех указанных зверем действий позволяет установить некий диалог между природой и обществом (представленными в сюжете определенным зверем и конкретным коллективом людей). Здесь, очевидно, отражены тотемистические представления древних, согласно которым между людьми и определенным видом животного (а также растения, природного объекта, стихией и т.д.) устанавливаются паритетные отношения, в ходе которых они взаимно влияют на воспроизводство друг друга, поддерживая общее течение жизни.

Можно предположить, что мифы о строптивой девушке отражают факт наличия в древности специфических обрядов, определяющих необходимый рубеж, после которого становился возможным брачный союз между девушкой и мужчиной, а также исполнение женщиной воспроизводящей функ-

ции. По-видимому, в своем древнейшем варианте обряды были связаны с мифологическими представлениями людей о роли в этом процессе тотемного зверя. Возможно, в ходе них воспроизводилась мифическая «встреча» девушки со зверем.

Подобное предположение связано с характером сохранившихся до недавнего времени в культуре народов Северной Евразии ряда обычаев и обрядов, связанных с периодом взросления девушек. Они отражены в качестве неких реликтовых форм в весенней календарной обрядности и в брачных ритуалах.

«КРАСНАЯ ДЕВИЦА»

Известно, что обрядность весеннего календарного цикла проходила с неперенным участием девушек, достигших половой зрелости (до этого времени они не имели права присутствовать на ней). Примечательно, что в начальные периоды обрядности девушки мыслились мифическими персонажами, одетыми в «одежду из листьев». Так, у славянских народов они назывались «кустами», а также Додолами, Лазарницами, Купавами и др. У некоторых народов Восточной Европы и большинства сибирских этносов такая девушка характеризуется простоволосой и без пояса. В заключительной части обрядов девушек уже называли «красными девицами» (восточные славяне), «красицами» или «королевицами» (западные славяне) или иными терминами, которые для каждого народа имели вполне определенное значение: к таким девицам уже можно было засылать сватов.

Думается, что под словом «красная», «красица» у предков славян подразумевалась расцветшая в период полового созревания красота девушки (в русском языке эпитет «крася» также относится к молодой и красивой девушке), а также обилие красного цвета в ее облике и одежде. Последнее, очевидно, было связано с древним ритуалом финала обрядов инициации, когда тела девушек или отдельные их части окрашивались красной краской, что до недавнего времени сохранялось в архаичной культуре (Берндт Р.М., Берндт К.Х., 1981, с. 130-134; Мид, 1988, с. 194; Оля, 1975, с. 129 и др.). Красная отметина, очевидно, указывала на произошедшие изменения в физиологии девушки, связанные с появлением регул (характерно, что в иных местах российской глубинки женщины до недавнего времени называли менструальные выделения «красками»).

В наряд «красной девицы» обязательно входили пояса (передники, фартуки, юбки) и особые головные уборы. В их составе главное значение отводилось всевозможным деталям (камням, лентам, тканям, подвескам, вышивке, аппликации и др.), имевшим различные оттенки красного цвета. Появление у девушки пояса, вероятно, также соотносилось с регулами. В ряде традиций подобная связь отражена в соотношении пояса с понятиями «кровь», «красный», а также с девушкой, достигшей половой зрелости. Так, в архаичных песнях-рунах карело-финского населения девушка на выданье определяется словами «медный пояс» (медь в ряде культур ассоциировалась с красным цветом) (Рода нашего напевы, 1985, с. 83). Пояс определял и готовность девушки к замужеству. Например, в Калужской области обряд надевания на невесту «красного пояса» в недавнем прошлом сопровождался нескромными шутками и замечаниями по поводу ее участия в предстоящих событиях (Лебедева, 1989, с. 236). Связь пояса с брачными намерениями станет очевидной, если мы рассмотрим его символику в системе взаимоотношений между полами, характерную для обрядов любовной магии, где девушки использовали его для «привлечения» возлюбленных. Известны обрядовые гадания, при которых пояс (ремень, поясной платок и пр.) кладется под подушку с целью «увидеть» во сне суженого. Девушка, желающая выйти замуж, искала в лесу две стоящие рядом осины и перевязывала их одним поясом. В ряде культур пояс, иногда его эквиваленты – платок или полотенце, а также нижняя часть одежды, например, штаны, как у нгансан и эскимосов, был традиционным подарком жениха невесте, а девушка в знак своего согласия могла сделать такой же подарок жениху (Лаврентьева, 1999, с. 46-50; Файнберг, 1955, с. 90 и др.). Пояс девушки, достигшей половой зрелости, у большинства народов Северной Евразии отличался наличием свисающей длинной бахромы, ремешков, прядей и кистей нитей, чаще всего окрашенных красной краской. Для него было характерно и обилие украшений (колокольчиков, бубенчиков, цепочек, снизок бус, бляшек, монет и пр.), при ходьбе издающих шумовой эффект (Лебедева, 1989, с. 234-235; Рындина, 1995, с. 57, 111-112, 268-269 и др.). «Шумящий пояс» считался необходимым: его надевали на девушку, «чтобы жених услышал» (Бурыкин, 1998, с. 7). Большое место в поясном уборе девушки (и женщины в целом) играла пряжка или узел. Женщина, получив пояс (фартук, передник) с началом зрелости, снимала его, только укладываясь спать.

Аналогичной символикой половой зрелости отмечался и девичий «верх» (Клюева, Михайлова, 1988, с. 105-138; Колесническая, Телегина, 1977, с. 112-121; Рындина, 1995, с. 32-34, 61-63, 115-117 и др.). Половозрелую девушку у народов Северной Евразии еще недавно отличал особый головной убор, состоящий из налобной повязки (ленты), шапочки с открытым верхом или венка. С них свисали налобные и височные украшения, а также длинные ленты преимущественно красного цвета. Во всех случа-

ях девичий головной убор оставлял открытым ее темя. Символом девушки в предбрачный период являлась также коса, заплетенная с помощью ленты. Лента или головной убор девушки (повязка, венки) у восточных славян назывались «девичьей красой/красотой». У некоторых народов Северной Евразии на голове у девушки заплеталось две или множество косичек, соединенные концами вместе при помощи ленты, шнура, наконечника. В ходе свадебного обряда из косы девушки вынималась лента или снимались наконечники. Ее волосы укладывались в «женскую» прическу и накрывались головным убором – платком или шапочкой с глухим верхом. Головной убор женщина могла снимать только перед мужем.

Символом девушки на выданье являлись и разного рода украшения. Среди них выделяются ажурные и литые бляшки и подвески в форме кольца или круга (иногда ромба, квадрата и др.) с изображением животного, мифического существа, специфического орнамента (концентрические круги, розетки, комбинации из треугольников, крестообразные фигуры и пр.). Обязательными в составе украшений девушки являлись ожерелья из бус, мониста, кольца, браслеты и др.

Таким образом, и пояс, и головной убор, и украшения как бы замыкали тело девушки (и его отдельные части) в некий круг. Можно предположить, что этот символ являлся показателем возраста девушки и ее готовности к супружеству и материнству. С ним, очевидно, связывались древние представления о характере магического превращения девушки в женщину, в котором определенную роль играл мифический зверь.

Для выяснения предполагаемой роли зверя в древней обрядности обратимся к календарным праздникам народов Северной Евразии, многие детали которых являются реминисценциями ритуальных действий, скорее всего, связанных с девичьими инициациями. Праздники представлены в двух вариантах. Первый вариант характерен для народов Сибири и в прошлом – для ряда этносов Восточной Европы, второй имел распространение в странах Европы (включая ее восточную часть). Рассмотрим первый вариант.

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК

«Медвежий праздник» у ряда народов Северной Евразии (некоторых финских народов, обских угров, кетов, эвенков, народов Амура и Сахалина, айнов и др.) сохранялся до недавнего времени. Примечательно, что он был характерен для народов, в культуре которых образ медведя занимает чрезвычайно важное место с глубокой древности. Вероятно, сохранение этого праздника было вызвано настоятельной необходимостью обрядов, связанных с образом медведя, а также их традиционным исполнением.

Праздник проходил у разных народов в разное время, однако есть основание предполагать, что изначально он был связан с обрядностью пробуждения и возрождения природы от зимней спячки, направленной на плодородие. Во-первых, у некоторых народов Сибири праздник устраивался исключительно только в честь медведя, добытого в берлоге (т.е. спящего) (Василевич, 1971, с. 160). Перед убийством медведя обязательно «будили» – это был обряд, неукоснительно соблюдаемый всеми народами (Соколова, 2002, с. 46). Во-вторых, «медвежий игрища», являющиеся неотъемлемой частью традиционной культуры хантов, проводились регулярно (подряд 7 лет после семилетнего перерыва) в марте (Мартынова, 1998, с. 77). В-третьих, праздник был связан с идеей смерти и возрождения, уничтожения и нового творения или обновления жизни и был направлен на плодородие растений, животных, людей и мира в целом. Аналогичные праздники имели место и у других народов мира. Они всегда были связаны со сменой времен года (зимы весной, засушливого периода влажным). Целью устройства праздников служило стремление людей воспроизвести акт первотворения, совершенный мифическими предками «в начале времен», для обеспечения продолжения жизни и ее воспроизводства. Очевидно, какая-то их часть была посвящена обрядам «перехода», при которых появлялось новое поколение людей, способных к хозяйственной и репродуктивной деятельности.

Не вдаваясь в подробности медвежьего праздника, приведу лишь те моменты, где обнаруживается его связь с обрядами девичьих инициаций и в целом с образом женщины.

Несмотря на большое число ограничений участия женской половины общества в проведении медвежьего праздника, именно женщины, судя по всему, представлялись существами, для (ради) которых убивали сакральное животное. Это зафиксировано в следующих моментах. Первый. Медведю посвящалась театрализованная часть праздника. В ходе нее рассказывались и воспроизводились древние мифы, в числе которых одно из важнейших мест занимал миф о сверхъестественной связи женщины и священного животного.

Второй. При добыче медведя охотники объясняли свои действия тем, что не они виновны в его смерти, а оружие, принадлежащее «чужим» людям, «чужая» воля, пославшая их на охоту и т.п. Су-

ществовало стремление скрыть свое участие в убийении зверя: «не мы тебя убили, а русские» и т.д. Таким образом, вина за убийство сакрального животного как бы перекаладывалась на плечи «чужих». «Чужими» в культуре этих народов воспринимались женщины (особенно невесты и еще не рожавшие молодые жены), которых брали из далеких мест и других родов. Возможно, ранее животному называли прямого виновника его смерти – женщину, которой, по-видимому, для осуществления функции воспроизводства было необходимо его мясо или некое присутствие на обряде, что, вероятно, входило в «строку договора» между определенным коллективом людей и священным животным. Этот момент сохранился в некоторых элементах обрядности «медвежьего праздника» ряда народов. Так, эвенки, снимая шкуру с убитого медведя, приговаривали: «Дедушка (бабушка), женщины с тебя шкуру снимают». Считалось, что только после этой фразы медведь «успокаивался» (Анисимов, 1958, с. 108). У ненцев при приготовлении мяса медведя именно женщины мазали себе лицо сажей, чтобы медведь при встрече «не узнал» их и не убил (Лехтисало, 1998, с. 40). В хантыйской песне «О храброй женщине», а также в некоторых танцах, исполняемых на празднике, проводится мысль об его учреждении женщиной, которая первой убила медведя. Имеются песни о неудаче или трусости мужчины при встрече с медведем, с которым справляется женщина (Карьялайнен, 1996, с. 160-161; Молданов, 1999, с. 47). Связь женщины с обрядовыми действиями медвежьего праздника наглядно отражена в мифах о строптивой невесте: именно ей медведь вверяет свою жизнь и передает знание о священных ритуалах обращения с его тушей.

Третий. Характерно, что непосредственным исполнителем акта убийения медведя (или снятия с него шкуры, вырезания сердца, изготовления ритуального блюда из его мяса и др.) чаще всего являлся «чужеродец». Им мог быть человек, являющийся членом рода, откуда брали жен мужчины, участвующие в охоте на медведя или выкормившие его в неволе и устраивающие праздник. Одновременно это мог быть род, куда выдавались замуж их дочери и сестры, а сами они на «звериных» праздниках этого рода могли выступать в соответствующей роли (Анисимов, 1958, с. 108-122; Василевич, 1971, с. 160-162; Смоляк, 1974, с. 146-147 и др.). Таким образом, смерть медведя во всех случаях связывалась с родом, откуда происходили женщины. Примечательно, что мужские духи, участвующие в театрализованной части «медвежьего праздника» у некоторых групп обских угров, часто являются «слугами» женских духов или осуществляющими свою миссию по их «назначению» (Молданов, 1999, с. 25-56). Возможно, в прошлом мужчины – будущие мужья девушек – накануне начала обрядов были обязаны добыть медведя для его мистического участия в необходимых для них ритуалах.

Четвертый. Сама охотничья удача мужчин при добыче животного осознавалась как результат магического воздействия женщины на зверя. В фольклоре, связанном с проведением праздника, этот момент выглядит так, как будто зверь сам отдавал себя в руки мужчин, подчиняясь «зову» женщины: «Стройная хозяйка бора,/ Перекинь настил из шелка,/ Мост – из нити золоченой/ Поперек потока Похьи,/ Чтобы Охто (медведь – В.К.) мог пройти,/ Прошагать, медоволапый,/ Мужу славному навстречу,/ На тропу того, кто ищет!» (Рода нашего напевы, 1985, с. 200). Характерно, что мотив «моста из нитей» через реку (как и мотив стружек, осушающих ее воды) в фольклоре связан с половым созреванием девушки. В «медвежьих» песнях северных хантов весьма часто упоминается сюжет, где убийство медведя связано с определенной деятельностью женщины, которая произносит какие-то «богу неугодные, поганые слова» (Молданов, 1999, с. 45), возможно, «призывающие» зверя «на тропу того, кто ищет». В ряде случаев конечная цель охоты на сакральное животное – его желанное и необходимое воздействие на женщину – сохранилась в определенных ритуалах: убитому зверю «подкаладывали» женское изображение.

Пятый. Женщины и встречали мужчин с их добычей, осуществляя магические действия по отношению к священному животному: играли на музыкальных инструментах, танцевали и пели в честь него песни, называли «дорогим гостем», одевали и обязательно «кормили». У народов Нижнего Амура и Сахалина медведя встречали женщины, игравшие на «музыкальном бревне» (зас), которое считалось «женским» инструментом (Березницкий, 1998, с. 73-74). Материалы по проведению медвежьего праздника у этих народов свидетельствуют, что женщины начинали играть, как только к ним поступал сигнал о появлении мужчин с тушей животного, убитого на специальной ритуальной площадке за пределами селения. Они пели особые песни, в которых подробно рассказывалось о его жизни (Смоляк, 1974, с. 147). Возможно, исполнялись «медвежьи песни», аналогичные угорским. Характерно, что их исполняли (и, вероятно, хорошо знали) именно женщины. Примечательно, что у некоторых групп хантов также имелось «игральное дерево» (Мартынова, 1998, с. 73), возможно, женский музыкальный инструмент. Вероятно, предполагалось, что звуками музыкального бревна женщины «приманивали» зверя, может быть, сообщая ему о своей готовности к встрече с ним.

Шестой. В песнях праздника, как и в деятельности по его подготовке, привлекает внимание усиленная активность женщин, ожидающих прихода мужчин со зверем. Именно женщины создают сакральное пространство, в пределах которого намечается проведение праздника. У обских угров и

финского населения северо-запада России он обычно проводился в доме человека, обнаружившего берлогу медведя, т.е. лица, «избранного» зверем. Подготовка дома к приему медведя чаще всего воспринимается как банальная предпраздничная уборка в том понимании, которое существует у современного человека. Однако, это не так. Дом, в котором происходил праздник, на время его проведения становился местом прохождения событий «давно минувших дней» и уже не воспринимался жилым помещением. Во-первых, водой и метлой в нем уничтожались признаки Культуры, что сближает дом для проведения церемонии с образом пространства, в котором протекал период изоляции девушек, достигших зрелости. Он приобретал чистоту и блеск, не свойственные человеческому жилью, но становился семантически близким жилищу (широко представленному в мифологии) Хозяина зверей, Владыки мира, Верховного духа. Во-вторых, магическая активность женщин при добыче животного в песнях, посвященных умирающему и возрождающемуся зверю, сохраняется через яркие метафоры: «Чтобы вы (мужчины с добычей – В.К.) домой вернулись,/ С песнями пришли на лыжах,/ Вечером в окошке сидя,/ Утром за амбаром стоя,/ Дни топталась на подворье...» (Рода нашего напевы, 1985, с. 202). Деятельность женщин иногда, казалось бы, доведена до крайних форм: «Гостя славного ждала я,/ Вытоптала снег до почвы,/ Почву.– до песка и гальки...» (Рода нашего напевы, 1985, с. 160). Возможно, подобные метафоры воспроизводили облик первоземли (в виде камешка или песчинки), чей рост и наполнение жизнью были связаны с появлением и дальнейшими действиями мифического творца (в данном случае, медведя).

Седьмой. Известно, что в архаичной культуре обряды инициации проводились чаще всего над группой девушек. Характерно, что ритуальная песня орочей, обращенная к душе медведя, начиналась со слов: «Семь женщин в зас били./ Семь девиц в зас били» (Березницкий, 1998, с. 73). В песнях и танцах северных хантов, исполняемых при проведении «медвежьего» праздника, воспроизводится момент, когда «по велению» Казымской богини на «священную сопку» для «встречи» со зверем собирается множество женских духов (миш). Все они являются ее «племянницами» или «внучками» (Молданов, 1999, с. 26-27, 47). Одним из главных эпитетов медвежьего праздника у хантов является «играющих девочек желанный, славный дом» (Молданов, 1999, с. 113). В ходе праздника Медведь поет: «Нужные многочисленные девочки, ко мне они / являются.../ Песнями три полных дня / Они ублажают меня» (Молданов, 1999, с. 96). В песнях упоминается, как в дом, где «играют медведя», «Многочисленные най-миш,/ Все они там заходят» (Молданов, 1999, с. 110). Термины «най» и «миш» обозначают соответственно «божество женского рода» и «мифические существа, близкие лесным людям или духам, дают охотничье счастье» (Молданов, 1999, с. 128). В культуре манси имеются образы «мис-нэ» – лесных мифических женщин, живших у истоков рек в избах «со смоляным запахом пихты», способных быть невидимыми. Они прекрасны, но вместо одной из ступней имеют лосиное (оленье) копыто. Считалось, что они могут принести мужчине охотничье «счастье». В одном из древних преданий Мис-нэ в приданое мужу приносит на поясе озеро, изобилующее рыбой. Эти мифические красавицы являлись персонажами некоторых сцен, разыгрывавшихся на медвежьих праздниках. Для них было характерно «не слишком почтительное отношение к виновнику торжества» (Мифология манси, 2001, с. 91-92). Возможно, в терминах «най-миш» и «мис-нэ» скрыто древнее название девушки, достигшей половой зрелости.

Связь женщины в период ритуальной изоляции с медведем обнаруживается и по поверьям, в которых утверждается, что он никогда не тронет девушку, если она обнажена (Абрамова, 1966, с. 87), а также, что с помощью обнаженной женщины можно «привязать» медведя к определенному месту (Смоляк, 1974, с. 10).

Восьмой. Характерно, что женщины на «звериных праздниках» обязательно плясали. Большинство исследователей отмечают яркий сексуальный характер женских плясок «медвежьих игрish». Пляски состояли из приседаний, подпрыгиваний, раскачивания всем телом. Они, по-видимому, завершались магическим превращением девушек в женщин, что отражалось в появлении у них ряда деталей костюма, в том числе пояса. Так, в одной из «Медвежьих песен» хантов Медведь – главный персонаж обрядов – поет: «Твоя мать в честь меня плясала,/ В худой одежде из кедровой коры она для меня плясала./ Твоя мать в честь меня плясала.../ С животом из бересты она для меня плясала...» (Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 82). Здесь, как мы видим, передается момент встречи девушки, достигшей половой зрелости (одежда из коры, менструальный пояс из бересты), со зверем, во время которой происходили какие-то действия, изображаемые как «пляска».

НА КРАСНОЙ ГОРКЕ

Второй вариант обрядности связан с календарными праздниками земледельческих народов. Это были признанные христианской религией праздники, характерные для начала весны (Карнавал, Масленица и др.). В них отчетливо просматриваются древние языческие верования (Бернштам, 1981,

с. 179-203; Бернштам, 1986, с. 24-35; Брак у народов..., 1988; Брак у народов..., 1989; Брак у народов..., 1990; Календарные обычаи..., 1977; Латышский дайны, 1986; Серов, 1983, с. 170-190; Шарапов, Несанелис, 1995, с. 304-313 и др.). Местом проведения обрядовых действий обычно являлась особая территория вне пределов освоенного пространства. Она находилась за околицей села, на лесной поляне или берегу водоема и, очевидно, использовалась для этих целей не одним поколением людей (о чем, например, свидетельствует традиция проведения обрядности у болота – «ржавчика», некогда являвшегося водоемом). Маркером этого места чаще всего являлась возвышенность с камнями, деревьями (зачастую очень старыми или особых форм – с дуплом, со сросшимися кронами или подножиями и пр.) и/или со специальными искусственными сооружениями (столб с перекладинами, «ворота», качели, подобие хижины и пр.), мыслящимися структурообразующими центрами ритуальной площадки.

Обрядность в целом была направлена на ускорение прихода весны и «пробуждение» воспроизводящих функций земли, растений, животных и людей. В частности, она была связана с появлением нового поколения женщин, способных к репродуктивной деятельности. Соотнесение весенней обрядности с древними ритуалами девичьих инициаций проявлялось в ряде моментов. В частности, в названии мест ее проведения («Красная/Девичья Горка», «Красный камень», «Красный/Невинный мыс» и др.), в связанных с этими местами преданиях, в которых главные героини под воздействием сверхъестественного персонажа умирали и возвращались к жизни, становились «божествами» и пр., в особой специфике проведения отдельных этапов обрядности. Это были праздники, в которых были обязаны принимать участие все девушки, достигшие половой зрелости. В ряде культур они воспринимались «сестрами».

Одним из обязательных действий, входивших в структуру праздничных гуляний весенней обрядности в случае ранней и теплой весны, было раскачивание на качелях или обряды, имитирующие такое раскачивание. Вариантом ритуального раскачивания, очевидно, служило катание с горок на шкуре, санях, специальных досках (в том числе ножках прялок, вальках для белья и др.), сооружение «ворот» и обрядовые действия с ними, а также молодежные «посиделки» в доме у одинокой женщины с проведением определенных игр.

Характерно, что ритуалы начала обрядности проходили в составе однополого (женского) коллектива. В них принимали участие девушки, достигшие половой зрелости, а также (не всегда и не везде) молодые замужние женщины, еще не родившие первенца. Они инсценировали ряд специфических игровых сюжетов, сопровождавшихся определенными ритуальными действиями, вождением хороводов, танцами, песнями (зачастую уже непонятными, но исполняющимися непременно). Присутствие мужчин при ритуалах первого этапа молодежных гуляний категорически запрещалось. Так, у народов Европы (в том числе, славян), мужчинам (особенно парням) было запрещено не только подходить к месту сбора и игр девушек, но даже подсматривать. Однако, по-видимому, предполагалось, что к девушкам в это время являлось некое мифическое существо. Оно могло ассоциироваться со зверем, а также зоо-антропоморфным (или андрогинным) персонажем. Последний чаще всего выступал в качестве центрального персонажа или руководителя ритуала, контролирующего действия девушек. Характерно, что и зверь, и мифический персонаж в заключительной части обрядности умирали, а затем возрождались. Для мифического существа было характерно сидение на ветке дерева или «в шалашике/келейке» (например, Кукушка и Млад Старец), на скамье или стуле (Лайма у латышей, Ляля, Ящер и др. у славян) и стремление усадить на них каждую девушку. В средневековой Европе на народных («срамных») картинках раскачивающаяся на качелях девушка сидит в объятиях странного козлоногого и рогатого персонажа. Примечательно, что в ритуале раскачивания огромное значение придавалось сопровождавшим его специфическим песням. В них отражены мифологические мотивы о похищении девушек змеем или каким-либо сверхъестественным существом («юдом», «ящером» и пр.).

По народным поверьям, существо, сидящее на качелях (скамье, кресле), имело отношение к переходу девушек в разряд женщин, «готовых» к супружеству и материнству. Игры девушек, связанные с качелями (скамьей, креслом, стулом), соотносились с их брачными намерениями, т.к. сопровождались песнями со свадебными мотивами и ассоциировались с состоянием их перехода в категорию «взрослых». В их наиболее архаичных вариантах раскачивание на качелях и сидение на скамье (как и скатывание с горки) приравнивалось к смерти-рождению. У белорусов в этом ключе весьма показателен термин, употребляемый в отношении доски для качелей: она называлась «зыбка» (Зеленин, 1991, с. 379). Ижемскими коми качели сравнивались с «люлькой о четырех углах» (Шарапов, Несанелис, 1995, с. 305). По-видимому, не случайно, в русских и западноевропейских сказках умершая молодая девушка (ушедшая или изгнанная из дома) лежит в гробу (чаще всего хрустальном), раскачивающимся на цепях или веревках.

В весенних девичьих играх большое значение придавалось танцам. Хоровод девушек, водивших друг друга за талию или за руки, как бы воспроизводил образ присутствующего на играх змееподобного существа: движения хоровода повторяли движение его извивающегося или сворачивающегося коль-

цом тела. Среди хороводных танцев важную роль играл так называемый «ручеек». Девушки выстраивались парами одна за другой и, смыкая ладони поднятых рук, образовывали некие «ворота», под которыми поочередно проходила каждая пара, переходящая из конца «ручейка» в его начало. Возможно, в подобных играх отражался мотив «заточения» (смерти) и «освобождения» (рождения) девушек, соответствующий представлениям о характере их перехода в категорию женщин. Особое место отводилось танцам, сопровождавшимся прыжками вверх (так называемые «танцы с подскоком»). Иногда девушки перескакивали через пень, колоду или скамью. В сопровождавших игры и пляски песнях речь шла о девичьей доле, а также о некоем мифическом персонаже или опасном для девушки моменте, который подстерегает ее накануне замужества.

Во второй части обрядности происходило объединение девушек и парней. Известно, что в ходе праздничных гуляний обычными были прыжки молодежи через веревку и костер. Считалось, что чем выше будут подскакивать молодые люди, тем быстрее они поженятся, а также лучше уродится лен, зерновые культуры и пр., т.е. направленность танцев на плодородие очевидна. Одним из обязательных элементов совместных обрядовых игр были пляски, во время которых участники выполняли определенные (эротические) телодвижения. Обычными были и совместные игры молодежи, носящие ярко выраженный сексуальный характер. Например, в обрядах качания особая роль отводилась девушкам и юношам, достигшим брачного возраста. Раскачивались обычно парами, при этом молодых людей называли «женихом и невестой» или «любовниками». Сойдя с качелей, они должны были поцеловаться. Иногда парни кричали девушкам: «Подсмотрим, что у вас там под сарафаном!» (Шарапов, Несанелис, 1995, с. 307). В ряде мест существовали ритуальные действия, имитирующие раскачивание на качелях. Так, в Польше во время весеннего обряда «ходить по волочечным» ряженые парни (волочечники) заходили в дом, где жила девушка на выданье, сцепив руки обязательно крестнакрест, делали «стульчик», сажали девушку и раскачивали ее под пение особых песен. В Великобритании был распространен обычай «поднимания»: мужчины (группой) обходили дома, хватали девушек и молодых женщин, усаживали на стул или скрещенные руки и поднимали-опускали их до тех пор, пока они не откупались поцелуями. У славянских народов имелись игры с участием мужского персонажа, сидящего на стуле (некий «стул» иногда упоминается и в ритуальных песнях). Девушки плясали перед ним, поочередно присаживались к нему на колени или занимали его место на стуле и пр. В ряде случаев игры с персонажем, сидящим на «стуле», связывались с получением девушками венка, ассоциирующегося с «красками» (т.е. регулами). Так, в одном из вариантов обрядовой игры «Ящер» (ставшей уже детской игрой) девочки в венках ходили по кругу и пели песню о выборе Ящером невесты. «Ящер» (исполняющий эту роль молодой человек) набрасывал на каждую из них поочередно платок и кружился с ней в танце, после чего она с поцелуем отдавала ему свой венок. После этого Ящер садился на стул, а девочки в той же последовательности подходили к нему, кланялись и пели: «Отдай мой вяночек, / Зиму – лето ходила, / Ручки – ножки стирала, / На красцици сбирала, / И вяночек звивала». За выкуп-поцелуй Ящер возвращал девушке ее венок. А та заключала песенной формулой: «Я свой венчик выпросила, я свой венчик выплакала, я свой венчик выплясала» (Бернштам, 1992, с. 20-21). Определенные реминисценции подобных действий сохранились и в культуре большинства народов Западной Европы, где для молодежной обрядности весеннего цикла также были характерны девичьи «сидения» на скамье, во время которых к ним приходили парни.

Таким образом, раскачивание девушек и его имитация – сидение, поднимание и опускание на стуле, а также танцы и игры, характерные для весенней обрядности, судя по всему, были связаны с древними ритуалами, проводившимися во время обрядов инициаций. Они были направлены на их переход в статус сексуальных партнеров и потенциальных матерей. Перемещение девушек по вертикали относительно сакрального центра (дерева, столба, горы, реки, мифического персонажа), очевидно, связывалось с их магическим превращением в женщин.

Традиционная обрядность подобного рода у народов Западной Европы проходила в местах, отмеченных камнями особой формы или вида (часто менгирами и дольменами в виде помоста, стола, скамьи и пр.). Они почитались в качестве священных камней (иногда называемых «брачными»). Эти же камни считались панацеей от бесплодия: сидение на них, танцы вокруг камней, а также «приседания» и проведение ночи в непосредственном контакте с ними, особенно в новолуние, приводило, по народным поверьям, к желаемой беременности. Такие камни, например, на территории Франции и Испании, были отполированы телами женщин до блеска, что говорит о древности подобных ритуалов (Рождение ребенка..., 1997, с. 213-214, 303-327).

Особенно показательны в этом ключе отношение к священным камням у народов Северной Европы. Так, в Норвегии, Швеции, Финляндии, Карелии они чаще всего располагались на островах, берегах озер или морском побережье. Это были места традиционных гуляний сельского населения края во время весенне-летних календарных праздников (Мельников, 1998, с. 63-118). По мнению некоторых ис-

следователей, подобные места являлись культовыми площадками, на которых в древности проводились определенные магические ритуалы. В их структуру входили не только выходы скальных пород, но и различные искусственные сооружения из «дикого» камня: «сейды», кучи, «камни на ножках», лабиринты и др. Подобные святилища на территории Карелии исследователи связывают с предками саамов, ушедших из этих мест в конце I тыс. н.э. (Мельников, 1998, с. 66-67). Если это так, то чрезвычайно важно, что древние святилища саамов были вовлечены в структуру религиозных представлений прибалтийско-финского и русского населения, проживающего в Карелии, вероятно, на основании схожих воззрений в отношении обрядовых действий, происходящих на них.

Систематизируя обширные материалы, собранные И.В. Мельниковым, можно проследить связь праздничных гуляний на древних святилищах с обрядами девичьих инициаций, в ходе которых участвовало жертвенное животное. Так, на некоторых священных местах имелись скалы или валуны, имевшие зооморфные очертания (Мельников, 1998, с. 65, 72). Одним из самых почитаемых мест в Заонежье являлся остров Радколье, на котором еще в начале XX в. существовал обычай отмечать «радкольское воскресенье» (перед Ивановым днем) (Мельников, 1998, с. 79-85). Этимология слова «радколье» связывается с прибалтийско-финским термином «kallio» («скала», «колокол», «звонок», «кричать, стучать»), а также лексемой «gaato», семантика которой группируется вокруг значения «умершее животное». Примечательно, что в диалектах саамского языка тоже имеются сходные термины. Они означают понятие «мертвое животное»/«мертвый (убитый) олень», а также «гром»/«звон» (Мельников, 1998, с. 68, 85).

Как известно, олень в культуре саамов занимал чрезвычайно важное место, в том числе, вероятно, считался «громовником». Однако в саамских сказках в роли громовника иногда выступает и медведь (Саамские сказки, 1962, с. 19-24). Некоторые скалы и камни на святилищах обладали способностью издавать мелодичные звуки при ударе о них другим камнем, отчего имели определенные названия – «Звонкая щельга», «Звонкой», «Бунчик» (Мельников, 1998, с. 68, 114). Время проведения праздничных гуляний в местах расположения «звонких» камней совпадало с Ивановым (Яновым, Янисовым) днем (Мельников, 1998, с. 79). Он считался у народов Европы сакральным: в этот день на землю к людям якобы «приходило» божество, чтобы выполнить определенную миссию. Символика грома и звона вообще, как мне представляется, происходит от древнейшего употребления во время обрядов перехода определенных музыкальных инструментов (или звуков, добываемых как-то иначе), якобы «передающих» голос сверхъестественного существа – патрона обрядов. В некоторых традициях с ним ассоциируется медведь. Например, в русских мифологических преданиях имеется образ Семиголового медведя – руководителя обрядов. По его знаку-свисту начиналось магическое действие («большой музыкой, песнями, скоками»), по его же знаку все внезапно замолкало и замирало (Криничная, 2002, с. 16).

Каменные лабиринты, распространенные по всей Северной Европе, также, вероятно, были связаны с некими древними обрядами, на которых появлялся сверхъестественный персонаж. Так, в Финляндии они назывались «забор (дорога) великанов», «игры Святого Петра», иногда – «девичьи пляски» (Мельников, 1998, с. 92). На Русском Севере они именовались «вавилонами», вероятно, по аналогии с библейской «вавилонской блудницей» – образом «Женщины на звере» древних языческих верований. С образами участников древней обрядности связывались и «камни-идолы», на которых поклоняющиеся им люди обнаруживали «глаза», «носы», «рты», а также «камни-следовики» (Мельников, 1998, с. 79, 106-118). Так назывались более или менее крупные валуны с углублениями, которые в глазах почитавших их людей иногда имели форму отпечатка ступни, ладони или другой части тела мифического существа. Считалось, что они были оставлены мифическим персонажем, некогда стоящим, сидевшим или опирающимся на камень, чтобы перейти реку. В Карелии культ «камней следовиков» сопровождался верой в исключительно целебные свойства воды, скапливаемой в следе (особенно от ноги) на камне. В первую очередь, эта вода излечивала болезни глаз, а также бесплодие. С некоторыми камнями (особенно на перекрестках дорог и троп) были связаны поверья о браке девушки с водяным или иным сверхъестественным существом, в результате которого она превращалась в камень (т.е. умирала). Камни эти так и назывались – «камни-девки». По народной легенде на один из таких камней опустилась девушка, якобы, для молитвы; встав с него, она превратилась в богиню (Мельников, 1998, с. 111).

Таким образом, места проведения весенней обрядности у прибалтийско-финского населения, как и русских, также соотносились с древними обрядами девичьих инициаций.

Наиболее древний образ мифического существа, являвшегося одним из центральных персонажей весенних праздников, судя по некоторым элементам их проведения и атрибутики, связывался со зверем, главным образом, медведем. Характерно, что образ этого зверя выступает в тех элементах обрядности, которые имеют аналогии в «медвежьих праздниках». Во-первых, во многих странах зарубежной Европы по поведению медведя, впервые после зимней спячки вышедшего из берлоги, гадали о предстоящей весне и, следовательно, будущем урожае. Выход медведя из берлоги зачастую являлся

сигналом для подготовки к обрядовым праздникам. Во-вторых, Медведь (прирученный или ряженный в его шкуру человек) являлся обязательным персонажем многообразных масок, имевших место во время весенних карнавалов. Примечательно, что с образом медведя была в основном связана девичья/женская тематика праздничных гуляний. В-третьих, в традиционных сценках, разыгрывавшихся во время праздников, устраивалась инсценировка «охоты на медведя», в которых зверь явно выступал в роли умирающего и возрождающегося зверя. В-четвертых, в ряде мест медведя «звали на ужин». В-пятых, у некоторых народов Европы сохранились разрозненные фрагменты древних верований, связанных с почитанием медведя в качестве тотемного предка. Так, у русских имелось 37 иносказательных названий для этого животного, что, вероятно, свидетельствует о запрете на прямое упоминание о нем (Болонев, Фурсова, 2000, с. 84-89). Среди этих названий есть и такие: лесник, леший, лесной черт и др. Так обычно называлось главное в лесу сверхъестественное существо, мыслящееся Хозяином всех зверей. Русские крестьяне-старожилы Сибири (в основном старообрядцы, старавшиеся сохранить «исконную» культуру) использовали в разговорах о медведе эвфимизмы, в том числе – Хозяин. По отношению к медведю нельзя было высказывать ни малейшего неуважения, тем более, ругать его. Он соотносился с кругом священных персонажей, имевших отношение к культу предков: его иногда называли «дедушкой» («бабушкой»). Существовали и другие аналогии, к которым мы обратимся чуть позже.

Каким же могло быть предполагаемое участие зверя в ходе обрядов девичьих инициаций?

«СЯДУ НА ПЕНЕК...»

Как показывают этнографические материалы по медвежьим праздникам обских угров и народов Приамурья и Приморья, медведь представлялся в виде особым образом сложенной шкуры, при которой его голова лежала между передними лапами. Сохранение именно этих частей животного указывает на особое к ним отношение. Об этом свидетельствуют и другие обряды и поверья, в центре которых находятся голова, пасть, зубы и лапы медведя. Так, у многих народов Сибири была распространена клятва на лапе, морде, зубе медведя (обские угры, ненцы, якуты и др.) (Соколова, 2002, с. 52). Иногда с помощью медвежьей лапы осуществляли гадания: ее подбрасывали и смотрели, какой стороной вверх (подошвой или тыльной) она упадет (Гемуев, 1985, с. 138). У кетов, эвенов, эвенков и др. в прошлом передняя лапа медведя служила колотушкой для бубна (Алексеев, 1996, с. 6-12; Сирина, 1994, с. 319, Туров, 2002, с. 133). Интересно также, что термин «зас», применяющийся в отношении музыкального бревна, в переводе с нивхского языка означает колотушку для бубна или палку (Березницкий, 1998, с. 73). У ряда народов лапа, а также зуб, клык, голова медведя, считались семейными охранителями (Гемуев, 1985, с. 138; Туров, 2002, с. 133), а также объектами, способствующими благополучию семьи. Так, в «Лечебнике» восточных славян (рубеж XVII-XVIII вв.) имеется такая рекомендация: «Аще кто похочет у себя скот держати. И то медвежья голова на Иванов день Купальницы рано из утра проняти сквозе скот трижды и около скота, а у медведицы ноги отсеки и погresti е среди двора своего и добро ти будет» (Турилов, Чернецов, 1986, с. 102).

В мифологическом представлении о роли медведя на обрядах девичьих инициаций, по-видимому, его голова и лапы также выполняли какую-то важную функцию. В первую очередь, об этом свидетельствует поведение медведя-супруга в фольклорном сюжете о девушке, ушедшей (изгнанной) из дома. В одном из его вариантов, как уже упоминалось выше, медведь хватает и кусает девушку (здесь участвуют, очевидно, его передние лапы, а также зубы, клыки и челюсти). Поведение маски медведя на весенних праздниках народов Европы чаще всего было однотипным. Время от времени он «набрасывался» на девушек и женщин, иногда тащил их к реке, чтобы облить водой или искупать, а те, в свою очередь, стремились пройтись с ним в танце или хотя бы прикоснуться к его шкуре. Считалось, что эти действия окажут благоприятное воздействие: девушки выйдут замуж, а женщины забеременеют. Стремилась завладеть и клочком медвежьей шкуры (часто это были гороховые стебли), которая, по народным представлениям, наделяла плодородной силой людей, скот и посевные культуры.

Как отмечают исследователи, самым сакральным событием в инсценировках медвежьего праздника являлся акт «превращения» хантыйской девушки в «божество» (Молданов, 1999, с. 74). В «божество», судя по фольклору, превращалась и девушка во время весенних обрядовых действий у народов Северо-Западной Европы. Девушка, принимавшая участие в весенней обрядности земледельческих народов, в глазах людей приобретала сверхъестественные способности. Считалось, что она могла воздействовать на хозяйственную деятельность людей, плодородие садов и полей, изменять погоду и пр. Все это, очевидно, было связано с переходом девушки в статус женщины, считавшейся в древности сверхъестественным существом в силу своей уникальной способности к воспроизводству.

Знаком состоявшегося «перехода» девушки в новое качество являлись регулы – главный признак женской фертильности. В обрядах весеннего цикла зачастую отмечается связь девичьих игр – танца, раскачивания на качелях, подпрыгивания в воздух, скатывания с горы и пр. – с моментом появления первой менструальной крови. Так, кеты, устраивая обряд ритуального раскачивания, преследовали определенную цель – «избавление от крови» (Алексеев, 1977, с. 42). О какой крови идет речь, возможно, дает объяснение ритуальная песня Казымской богини на медвежьем празднике северных хантов. В ней богиня рассказывает, как она в облике «златокрылого священного селезня» взлетает к отцу Торуму и просит направить ее в верховья реки Казым, где земли и воды еще «не обогреты черной кровью» (Молданов, 1999, с. 29). Как известно, в восприятии большинства народов мира «черной», т.е. нечистой, считалась менструальная кровь. Примечательно, что народы Амура и Сахалина во время праздника пасть у изображения медведя на музыкальном бревне вымазывали соком брусники (Березницкий, 1998, с. 73-74). Соком иногда окрашивались и концы белых стружек, ритуально использовавшихся на медвежьих праздниках (обские угры, народы Амура, нивхи, эвенки, айны и др.). Чаще всего ими украшали медвежью голову. Красный цвет брусничного сока на стружках вызывает ассоциации с гигиеническим материалом, применяющимся женщинами Северной Евразии при регулах и родах.

По-видимому, в древности появление у девушки регул каким-то образом связывалось с деятельностью тотемного зверя. Можно предположить, что их происхождение соотносилось с определенного рода воздействием мифического зверя на девичье тело, ассоциирующимся с его укусом, оставившим ранку. В реальности, возможно, это был ритуал дефлорации, осуществляемый клыком (зубом) медведя или предметом, изготовленным из камня, кости, дерева и пр. и соотносящимся с образом зверя или какой-либо частью его тела. Подобным предметом мог быть и половой орган медведя (скорее, *os penis*). Это мог быть и коготь зверя, ассоциирующийся с пальцем. Пальцы и их количество на лапах медведя в культуре народов Сибири имели огромное значение, начиная с глубокой древности (Гемуев, 1985, с. 140-143 и др.). Известно также, что в мифо-ритуальной практике большинства народов мира лапа, нога или рука, а также палец являются эквивалентами фаллоса. Нельзя упускать из виду, что медведь в фольклоре народов Северной Евразии выступает не только как похититель, но и как муж девушки. По заключению исследователей, явная фаллическая символика являлась одной из общих черт медвежьих игрищ. Поведение маски медведя на весенних праздниках европейских народов, судя по реакции участников, носило эротический характер. В культуре некоторых народов наблюдается и особое ритуальное отношение к половому органу медведя. Оно отражено в обычае его неперемного хранения и в восприятии *os penis* в качестве самого действенного амулета от бесплодия (Соколова, 2002, с. 52).

Естественно, кульминационный акт обрядов девичьих инициаций – ритуал дефлорации – не мог осуществляться самим медведем. По-видимому, от «лица зверя» выступал определенный человек – его «избранник», который после того, как медведь приносил себя в жертву ради появления нового поколения способных к репродуктивной деятельности женщин, мог на время «превратиться» в медведя. Возможно, не случайно одним из народных определений для медвежьего праздника являлось название «играть медведя» (Источники..., 1987, с. 211).

Известно, что на медвежьем празднике у обских угров и народов Приамурья и Приморья останки зверя укладывались строго традиционным способом: шкура сворачивалась, голову укладывали между лапами. Морда медведя была направлена в сторону собравшихся на праздник людей. Он, по-видимому, и сам «участвовал» в нем: его празднично украшали, перед ним ставили «угощение», к нему обращались в ходе театрализованного действия и т.д. Очевидно, аналогичный способ укладывания шкуры зверя в прошлом был характерен и для медвежьих праздников других народов. Так, например, эвены Верхней Колымы полагали, что медведь все слышит, когда кладет голову на передние лапы (Сирина, 1994, с. 315).

В таком виде медведь находился на «почетном месте», располагаясь на столе или ином возвышении (Карьялайнен, 1996, с. 148, 169). При этом медведь, очевидно, представлялся в *сидячей* позе. О таком восприятии медведя на празднике свидетельствуют данные фольклора. В мифах хантов и манси убитого к празднику медведя приносят в дом и «На полати трехдошчатые усаживают...», «Сажают... на дошчатую полку из трех досок...», «На широкий стол из трех досок, / На широкий стол из четырех досок / Сажусь я...» (Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 304, 307, 321, 323). Иногда зверь удовлетворенно констатирует: в «...подготовленное, / Гнездо славное, / Меня [в него] усаживают» (Молданов, 1999, с. 96). В мансийской загадке медведь представляется сидящим и даже сравнивается со стулом: «В углу дремучего леса серебряный стул стоит (сидит)» (Герасимов, 1996, с. 97). В кетском мифе медведь, учреждая перед смертью «медвежий праздник», говорит девушке: «Если меня убьют, пусть правую руку отрезают, пусть бросают, сколько дней сидеть (выделено мной – В.К.) буду, чем кормить меня пусть узнают» (Алексеев, 1960, с. 93-94). В карельских рунических песнях женщины поют: «Где найти для гостя место, / Для почетного, сиденье?» (Рода нашего напевы, 1985, с. 201). В рус-

ских сказках девушка, пришедшая к медведю, садится на принадлежащий ему стул, а когда медведь уносит ее в корзине за спиной, он несколько раз намеревается присесть «на пенек». Известно также, что у ряда сибирских народов охотники, добывшие медведя, везли его тушу в селение в лодке или на санях (нартах), при этом ему придавали сидячую позу. Если же в селение несли уже освежеванную тушу, то шкуру в «жертвенной позе» укладывали на специально изготовленный из черемуховых ветвей обруч (Молданов, 1999, с. 12).

Смутный образ мифического зверя, находящегося в определенной связи с девушкой, а также шкуры с головой и лапами, очевидно, принимавшей в прошлом участие в праздничных церемониях (с проведением обрядов девичьих инициаций) и ассоциирующейся с сидящим медведем, на мой взгляд, известен и большинству народов Европы. Он сохранился в чрезвычайно закодированном виде – в символике прялки и других предметов вещного мира, с глубокой древности и до сего дня определявших женскую сущность. Характерно, что прялку обычно вручал девушке ее отец (дед, брат) или она передавалась по наследству по женской линии. Оба эти действия происходили при достижении девушкой половой зрелости и иногда дублировались в ходе свадебных ритуалов (до первой брачной ночи). Ни в одной свадебной традиции вручения прялки женихом не зафиксировано (Бернштам, 1992, с. 24). Приобретение девушкой прялки, таким образом, как бы отмечало ее некую «готовность» к замужеству и материнству. Можно предположить, что в прошлом прялка вручалась после обрядов инициации как символ состоявшегося «перехода».

Обрядовое использование прялки в символике предсвадебных и свадебных церемоний всегда предусматривало наличие веретена (изделие, имеющее отношение к фаллическому культу) и шерстяной кудели (представляющей шкуру?) (Брак у народов..., 1988, с. 22, 142; Брак у народов..., 1989, с. 22, 25, 125, 132; Брак у народов..., 1990, с. 165). Среди обрядовых действий особое место принадлежало ритуалу «вручения-возвращения» веретена с шерстью симпатизировавшими друг другу парнем и девушкой, имевшему место на посиделках; удар кнутом по невесте в момент передачи ей прялки, танец невесты с веретеном в руках под деревом накануне свадьбы, ее же танец с прялкой в ходе свадебного обряда, прядение нитей невестой на прялке в один из моментов череды брачных обрядов и пр. Характерно также, что на самом вершине приданого, перевозившегося в дом жениха, красовалась прялка с куделью и веретеном с лентами. В большинстве культур цвет лент и кудели был белым, но в ряде мест сохранилась древняя символика связи невесты с образом «красной девицы»: ленты были окрашены в красный цвет.

Связь прялки с образом медведя особенно отчетливо проявляется в ее сидячем варианте, форма которого как бы воспроизводила образ «креслица» или стула. В составе такой прялки различались две части: *лопасть* – вертикальная часть (как бы «спинка»), и *донце* (дно) – сидение, на котором сидела пряха (Бернштам, 1992, с. 16-19). Повсеместно в России под названием лопас(т)ка, а также других терминов, применяемых к лопасти (гребень, перо, вилка, рога и др.), были известны растения, насекомые, кости и тела птиц и животных, в том числе медведя: в одном из диалектных вариантов русских говоров жителей Сибири словом «лопастина» обозначали медвежью лапу. В форме «лопаста/лобаста» этот термин употреблялся для названия сверхъестественного существа (чаще связанного с водным источником) (Бернштам, 1992, с. 17). Ассоциация со сверхъестественным существом, имевшим отношение к воде, не должна нас смущать. Как известно, обрядность весеннего цикла у народов Северной Евразии проходила обязательно у реки, которая ассоциировалась с местом перехода. У ряда народов Сибири берег реки являлся ареной «встречи» медведя и девушки или местом, куда медведь «приходил» на землю или «уходил на небо». По-видимому, в русской культуре образ медведя, некогда участвовавшего в обрядах, приобрел черты водяного, а девушки, находящиеся с ним в определенной связи, превратились в русалок. Примечательно, что в русских поверьях водяного представляли плавающим верхом на чурбане или пне (Даль, 1992, с. 400).

Пень у некоторых народов Северной Евразии также ассоциируется с медведем. Например, по представлениям латышей, все пни в лесу принадлежат медведю (Латышские дайны, 1986, с. 108). Пень соотносится и с образом девушки, находящейся в состоянии перехода из одного статуса в другой. Так, у большинства народов Северной Евразии одним из важных ритуалов свадебной церемонии являлся обряд усаживания невесты на пень, чурбан или иной предмет, семантически связанный с ними. Считалось, что этот акт способствует ее будущей воспроизводящей деятельности. В европейской культуре метафорой женщины репродуктивного возраста служила емкость (сундук), в которой она хранила свое приданое, а затем вещи, связанные со сферой женской деятельности (хозяйственной и обрядовой) (Богмазова, 1999, с. 53-62; Брак у народов..., 1989, с. 88,99,190; Брак у народов..., 1990, с. 62). В культуре народов Приуралья и Поволжья (у удмуртов, мари, мордвы, коми, чувашей) это были емкости, изготавливавшиеся из обрубка выдолбленного ствола дерева, к которому иногда прилаживалась спинка (Крюкова, 1973, с. 93-101). В материальной культуре латышей (как и других народов балтийского региона)

известны цилиндрические емкости для одежды, а в их фольклоре упоминаются «короба», в которые девушки «набирают песни». Их накопление соотносится с девичьим взрослением, а замужество ассоциируется с «рассыпанием песен» на месте проведения девичьих обрядов в Янов день (Латышские дайны, 1986, с. 115-117). Емкость находилась в неразрывной связи с образом девушки в предбрачный период: она получала ее с наступлением половой зрелости (от матери или бабушки) и складывала туда приданое; выступала ее «заместителем» во время свадебных ритуалов (например, из нее доставали приданое на всеобщее обозрение); сопровождала ее в дом мужа и др.

Невесту традиционно воспринимали в виде празднично сидящей девицы, ожидающей жениха, что сближает ее с образом изолированной девушки в архаичной культуре, которая мыслилась в состоянии небытия. Подобная связь у некоторых народов выступает достаточно отчетливо. Так, просватанная девушка у финнов заявляла: «Я ничего не делаю, я – невеста», а между тем, с утра до вечера трудилась над изготовлением приданого (Брак у народов..., 1990, с. 18). Местом изоляции «красной девицы» в поздней народной традиции уже считался ее отчий дом, а сама девушка находилась в семантическом единстве с емкостью для приданого.

В ряде западно – и южнорусских районов слово «доно/донышко» означало не только сидение прялки, но и крышку утвари (Бернштам, 1992, с. 15-17). Возможно, также именовалось и сидение емкости для приданого, одновременно являвшегося ее крышкой. Спинка на емкости семантически связывает ее с детской люлькой и санями (нартами): она также придавала ей вид вместилища с откинутой крышкой. Иногда и донца прялок по форме напоминали «маленькие санки без полозьев» и употреблялись (помимо шкуры, скамьи, доски, санок) в масленичных катаниях с гор. Известно также, что у большинства народов Сибири невесту в дом жениха везли на лодке или санях даже в том случае, когда их жилища находились поблизости друг от друга. В некоторых культурах ее перевозили на спине домашнего животного – оленя или лошади (Семейная обрядность..., 1980, с. 6-90). Период символического сидения девушки во время подготовки приданого, по-видимому, ассоциировался с процессом ее «дозревания» («набирания песен»).

В брачной обрядности ряда народов Европы (германские, романские этносы, славяне, карелы, финские и тюркские народы Поволжья) чурбан, пень или емкость иногда заменяли стулом. На него в один из моментов свадебных ритуалов усаживали невесту (Брак у народов..., 1988, с. 18-19, 25-26, 115; Брак у народов..., 1989, с. 38-39, 49, 127; Бусыгин, Шарифудинова, 1990, с. 35; Лавонен, 1977, с. 76). Характерно, что у немцев и австрийцев этот ритуал назывался «праздник стула» (Брак у народов..., 1989, с. 39, 49). Стулу, на котором сидела невеста, приписывались магические свойства: первая девушка, которой удавалось сесть на него после невесты, была вправе ожидать своего скорого замужества.

Обряд «сидения» на чурбане, пне, стуле и т.п. в ходе брачной обрядности совершался перед отъездом невесты к жениху, при вводе молодой в дом мужа или в момент замены девичьей прически и головного убора женскими. Во всех случаях он происходил перед первой брачной ночью. Иногда невеста садилась не непосредственно на стул, а на колени сидящего на нем «дружки» – товарище жениха, исполняющего одну из главных ролей в ходе сценария свадьбы. Поведение дружки на свадьбе имело отчетливый фаллический характер. Он как бы выступал в роли некоего существа, после «общения» с которым невеста могла принадлежать жениху.

В игровой культуре славян, характерной для весенних праздников, девушки поочередно усаживались на стул или колени персонажа, сидящего на стуле, вокруг которого разворачивался весь комплекс ритуальных действий. Его роль исполнял юноша или одна из девушек, переодетая в мужское платье (при исполнении игры в однополый коллективе). Характерно, что во временном владении этого персонажа оказывался девичий венок. В латышских дайнах среди ритуальных действий, совершаемых девушками за пределами освоенного пространства, упоминается обычай «голоса лесные слушать», а также «попеть»: «Первый раз я пошла / За околицу попеть, / Как сходила – там остался / Золоченый перстенок. / Как второй раз я сходила – / Там остался мой венок. / А как третий раз пойду – / Вспять дороги не найду» (Латышские дайны, 1986, с. 72). Иногда она не теряет, а напротив, находит колечко на пеньке, принадлежащем медведю (Латышские дайны, 1986, с. 74, 106). Мотив потери-находки девушкой украшения (кольца, налобника, венка) в лесу при звуке голоса некоего «лесного» существа известен в карельских рунических песнях (Рода нашего напевы, 1985, с. 173-175). В свадебных девичьих песнях-причетах восточных славян упоминается момент утраты девушкой «девичьей красоты» (ленты, венка и пр.), предвещавшей ей смерть или скорое замужество. Иногда она сама стремится унести ее «в леса темные, в болота дыбучие» (Колесникова, Телегина, 1977, с. 113-117). Уместно будет вспомнить и известную русскую народную (очевидно, девичью) песню: «Сронила колечко, да со правой руки, заныло сердечко о миллом друге...». Примечательно, что крышка на емкости для приданого имела приспособление для ее открывания – шишковидный выступ, ручку в виде кольца или четырехугольной рамки, (чаще) отверстие. Таким образом, «сидение» девушки на пне, чурбане, стуле, емкости сопровождалось

ее потерей-приобретением кольца или иного украшения. Оно как бы символизировало ее пребывание «у зверя» и, вероятно, ассоциировалось с ее «открытым» лоном. Быть может, исходя из подобных представлений, в образе «красной девицы» столь важное место занимали элементы ее наряда с символикой круга, кольца. А изображение зверя в нем (символическое или реалистическое), сохранявшееся в культуре ряда народов Северной Евразии вплоть до начала XX в., возможно, имело отношение к древним представлениям о природе превращения девушки в женщину под воздействием зверя-тотема.

Примечательно, что в начале игр с сидящим на стуле центральным персонажем, последний представлялся спящим, дремлющим (Ящер, Дрема, Млад Старец в ряде областей России, Дрелью – у некоторых западных славян и др.) (Бернштам, 1986, с. 24-35). В ходе игры, чтобы его «разбудить», девушки водили вокруг него хороводы и пели. У ряда народов Западной Европы бытовали аналогичные весенние игры, в ходе которых вокруг Карнавала, сидящего на стуле, танцевали девушки в «странных одеяниях с распущенными по плечам волосами». Танец продолжался до тех пор, пока он не «очнется» (Календарные обычаи...1977, с. 20). У других народов бытовал обычай «будить Карнавал» и даже «будить пчел» (Календарные обычаи..., 1977, с. 33, 182).

Пробудившись, центральный персонаж весенних праздников преисполнялся готовностью «перезнаться» на всех присутствующих девушках. Для этого он усаживал девушек к себе на колени или вставал со стула и, набрасывая на каждую девушку платок, кружился с ней в танце. За поцелуй (иногда упоминаются некие «стыдные» выкупы) девушка получала от него венок – один из символов ее «нового» состояния. Иногда персонаж вставал на стул и держал венок в поднятой руке, и девушкам, чтобы забрать его, приходилось высоко подпрыгивать. Характерно, что в образе сидящего на стуле персонажа, особенно в его действиях, угадывается явная символика, связанная с фаллическим культом.

В некоторых странах Европы сохранился обычай «будить медведя» (или «дикого/лесного человека»). Это был мужчина в медвежьей шкуре (маске) или одетый в наряд из травы (соломы), в вывернутый мехом наружу полушубок (Календарные обычаи..., 1977, с. 146-147, 166, 212, 223-224). Обряд «пробуждения» медведя существовал и во время медвежьих праздников у народов Сибири. Как уже упоминалось выше, он проводился перед убийством медведя в берлоге. Характерно, что когда тушу медведя везли в селение, охотники делали остановки на всех примечательных местах: берегах озер и рек, в лесу и на болотах, на священных местах. При этом они многократно выкрикивали их названия, как бы «знакомя» с ними зверя (Молданов, 1999, с. 12). Здесь, возможно, отражено народное представление о смерти медведя как временном явлении, а знакомство зверя с важными вехами пути охотников преследовало определенную цель: чтобы медведь «знал» территорию «людей своего рода» (и в будущем «приходил в гости» к ним), а также обратную дорогу, по которой, очевидно, происходило его возрождение.

По наблюдениям Т. Молданова, перед головой медведя с момента его добычи и до последнего дня игры каждое утро исполняли «песню пробуждения медведя», а вечером – «песню укладывания спать» (1999, с. 13-14). Эти действия, очевидно, зафиксированные давней традицией, возможно, свидетельствуют о том, что некогда медведь на празднике воспринимался живым. Он как будто «наблюдал» за всем происходящим и, может быть, санкционировал все действие, следя за правильным его проведением. С другой стороны, поза, в которую укладывали шкуру животного, ассоциировалась со спящим (ранее, вероятно, и сидящим) медведем. Можно допустить, что отношение к медведю как к живому, но сидящему или спящему, подчеркивало его особого рода бездеятельность в ходе обрядности. От «его лица» выступал посредник – человек, «избранный» самим зверем. Характерно, что в отличие от «медвежьих песен», исполняемых перед многочисленной аудиторией участников праздника, песня «пробуждения» индивидуальна и исполняется человеком, обнаружившим или убившим зверя, после проведения им ночи рядом с медвежьей головой (Солдатова, 1998, с. 454). По-видимому, диалог «избранника» с медведем был окутан традицией в строгую тайну. Возможно, этот человек «уклаивался спать» вместе со зверем, а утром вместе с ним «пробуждался». Известно, что именно «избранник» чаще всего и выступал на празднике, изображая медведя. Для него были характерны танцы с деревянным фаллосом в руках и действия, имевшие эротическую окраску. Возможно, с помощью песни «пробуждения» происходило магическое перевоплощение «избранника» в зверя. Оно могло совершаться в двух вариантах, очевидно, соответствующих двум этапам развития мифо-ритуальных представлений о медведе – главном действующем лице обрядов девичьих инициаций. Первому варианту соответствуют представления о медведе, передающем свои «полномочия» определенному человеку через наделение его некой частью «своей сущности», второму – о медведе-оборотне. Такой человек имел право и мог исполнить основные (и необходимые) ритуалы. Аналогичным образом, вероятно, воспринимался и сидящий на стуле персонаж в игровой культуре весенних праздников европейских народов.

Образ медведя, находящегося на празднике в виде сидящего животного, напоминает широко распространенный у различных народов образ «праздного» бога, который сидит в своем далеком доме и

лишь наблюдает за всем происходящим в созданном им некогда мироздании. «Праздность» верховного божества заключена в его неспособности к передвижению, которая ему как бы и ни к чему: все его распоряжения выполняются через посредничество его детей или избранников.

Думается, что в медвежьих праздниках и весенней обрядности народов Северной Евразии сохранился отзвук древнейших обрядов, в ходе которых при определенном участии медведя проводили ритуалы, воздействующие на воспроизводящие функции женщин и развитие природы и общества в целом. Эти ритуалы, вероятно, проходили на особом месте, ассоциирующемся с местом «перехода» из одного мира в другой. Это могло быть место у реки, отмеченное магической вертикалью – высоким берегом, горой, деревом, столбом, или дом для совершения обрядности, который на это сакральное время решительным образом противопоставлялся обычному жилищу людей. Характерно, что у нивхов дом для проведения медвежьего праздника ассоциировался с «домом горных жителей» (т.е. медведей). Иногда в доме, где проводились обряды, шкура медведя в жертвенной позе помещалась между двумя елочками (нивхи) или вокруг нее сооружалось подобие клетки или домика (кеты, сургутские ханты). Во всех случаях она находилась на возвышении (Крейнович, 1974, с. 349; Соколова, 2002, с. 52). Сооружением сакрального пространства в жилище людей, возможно, воспроизводилась древняя модель двухчленного (чаще уже вертикального) мира в виде двух домов, находящихся по отношению друг к другу как бы в зеркальном отражении. Подобная модель мира отчетливо прослеживается в фольклоре. Так, в песнях о спуске медведя к людям он обнаруживает землю (мир людей) через отверстие в полу дома своего отца – небесного духа. Его спуск осуществлялся с помощью железной цепи (Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 80). Подобная модель воспроизводилась и при добыче медведя для проведения медвежьего праздника. Известно, что в берлоге – «жилище» священного зверя – перед его убийством обязательно делали бревенчатое покрытие, в котором проделывали отверстие (в мифах и сказках девушка проваливается в берлогу через отверстие или пролом в крыше). Этот элемент охоты на медведя был обязательным у всех народов Сибири. Через отверстие зверя вытаскивали веревкой (ремнями), обвязанной вокруг его тела. В дом для проведения церемоний шкура медведя, обвязанная веревкой (ремнем) (народы Амура и Сахалина, обские угры), также опускалась через отверстие в крыше (иногда вдоль специально установленного дерева или столба). Отверстие в кровле в традиционной культуре большинства народов Северной Евразии считалось сакральным: через него происходил вход-выход сверхъестественных существ, через него же шаман отправлялся в путешествие в верхний мир. Возможно, подобный спуск медведя на землю аналогичным образом представлялся и предками земледельческих народов, что трансформировалось в образ качелей с сидящим на них мифическим существом.

ЛИТЕРАТУРА.

- Абрамова З.П. 1966. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л.
- Алексееенко Е.А. 1960. Культ медведя у кетов // СЭ. №4.
- Алексееенко Е.А. 1977. Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ. Т. XXXIII. Л.
- Алексееенко Е.А. 1996. К реконструкции одного вида гадания у кетов // Традиционное мировоззрение народов Сибири. М.
- Анисимов А.Ф. 1958. Религия эвенков. М.-Л.
- Березницкий С.В. 1998. Этнокультурные контакты коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Сибирь в панораме тысячелетий. Т.2. Новосибирск.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. 1981. Мир первых австралийцев. М.
- Бернштам Т.А. 1981. Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ. Т. XXXVII. Л.
- Бернштам Т.А. 1986. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // СЭ. №6.
- Бернштам Т.А. 1992. Прялка в символическом контексте культуры: По русским памятникам в музеях // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сб. МАЭ. Т. XLV. С-Пб.
- Бернштам Т.А. 1999. «Хитро-мудро рукодельнице» (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сб. МАЭ. Т. LVII. С-Пб.
- Богомазова Т.Г. 1999. Украинская скриня как предмет женской субкультуры // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сб. МАЭ. Т. LVIII. С-Пб.
- Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. 2000. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири в прошлом и настоящем // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск.
- Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. 1988. М.
- Брак у народов Западной и Южной Европы. 1989. М.
- Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. 1990. М.
- Бурыкин А.А. 1998. Проблемы семантики орнамента и элементов традиционного костюма (вопросы этносемиозиса на фоне этнокультурных и языковых связей по материалам декоративного искусства народов крайнего Северо-Востока) // Диалоги во времени: традиционное искусство в контексте музея. СПб. Вып. 2.
- Бусыгин Е.П., Шарифуддинова Ф.Л. 1990. Традиционная свадьба касимовских татар в XIX – начале XX в. // Семейная обрядность народов Поволжья. Казань.
- Василевич Г.М. 1971. О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды у народов Сибири и Севера. Сб. МАЭ. Т. XXVII. Л.
- Гемуев И.Н. 1985. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-алтаистика. Новосибирск.
- Герасимов Д.В. 1996. Вогульская (мансийская) народная загадка // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 10. С-Пб.
- Даль В.И. 1992. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа // Колдовские страшные сказки. Екатеринбург.
- Зеленин Д.К. 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Источники по этнографии Западной Сибири. 1987. Томск.
- Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – начало XX в.). Весенние праздники. М. 1977.
- Карьялайнен К.Ф. 1996. Религия югорских народов. Т.3. Томск.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А. 1988. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. Т. XLII. Л.
- Колесницкая И.М., Телегина Л.М. 1977. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.
- Крейнович Е.А. 1974. Медвежий праздник у нивхов // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Криничная Н.А. 2002. Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // ЭО. № 2.

- Крюкова Т.А. 1973. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск-Ленинград.
- Лавонен Н.А. 1977. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.
- Лаврентьева Л.С. 1999. О платке // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сб. МАЭ. Т. LVII. С-Пб.
- Латышские дайки. 1986. М.
- Лебедева А.А. 1989. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М.
- Лехтисало Т. 1998. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск.
- Мартынова Е.П. 1998. Очерки истории и культуры хантов. М.
- Мельников И.В. 1998. Святые места Древней Карелии. Петрозаводск.
- Мид М. 1988. Культура и мир детства. М.
- Мифология манси. 2001. Новосибирск.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. М.
- Молданов Т. 1999. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов: Томск.
- Оля Б. 1975. Боги Тропической Африки. М.
- Ончуков Н.Е. 1998. Северные сказки. Кн.2. С-Пб.
- Рода нашего напева. 1985. Петрозаводск.
- Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы. 1997. М.
- Рындина О.М. 1995. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск.
- Саамские сказки. 1962. М.
- Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. 1980. М.
- Серов С.Я. 1983. Медведь-супруг. (Вариации обряда и сказки у народов Европы и Испанской Америки) // Фольклор и историческая этнография. Л.
- Сирина А.А. 1994. Научный отчет об экспедиции к верхнекалымским юкагирам (1993 г.) // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М.
- Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. 1974. М.
- Смоляк А.Н. 1974. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.
- Соколова З.П. 2002. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // ЭО. № 1.
- Солдатова, 1998. Музыкально-фольклорный ряд медвежьего праздника манси. События и жанровый состав // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск.
- Турилов А.А., Чернецов А.В. 1986. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // СЭ. № 1.
- Туров М.Г. 2002. Эвенкийский обряд «проводов медведя» как форма организации пространства // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11).
- Уляшев О.И. 1999. Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар.
- Файнберг Л. 1955. К вопросу о родовом строе у эскимосов // СЭ. № 2.
- Шарапов В.Э., Несанелис Д.А. 1995. Мотив «раскачивания» в традиционном мировоззрении коми и обских угров // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8-9. С-Пб.

В.Н. Широков

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

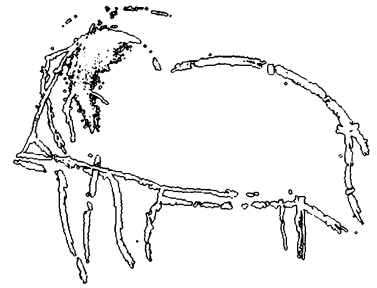
M.W. Rowe, K.L. Steelman

Texas A&M University, Department of Chemistry, USA

J.R. Southon

Center for Accelerator Mass Spectrometry,

Lawrence Livermore National Laboratory, Livermore, USA

ИГНАТИЕВСКАЯ ПЕЩЕРА: ПЕРВЫЕ ПРЯМЫЕ

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ НАСТЕННЫХ РИСУНКОВ

ИГНАТИЕВСКАЯ ПЕЩЕРА, НАСТЕННОЕ ИСКУССТВО И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Игнatieвская пещера находится в северо-западных предгорьях Южного Урала со средними высотами от 200 до 700 м над уровнем моря, на правом берегу р. Сим – притоке р. Белой. Современный климат континентальный, умеренно теплый, со среднегодовыми температурами $0,1 + 1$ С и количеством осадков 500-700 мм в год. В окрестностях пещеры произрастают хвойные леса с примесью лиственных: типичными среди древесных пород являются сосна, ель, пихта, береза, липа, ольха и дуб. Травяной покров состоит из кисличниковых, крупнотравных, папоротниковых и злаковых. Почвы черноземные, сформированы на корбонатных грунтах.

Игнatieвская пещера одна из крупнейших в своем карстовом районе: общая длина ее ходов более 600 м. Пещера горизонтальная, просторная: ее средняя высота около 2,5 м, средняя ширина около 3 м; температура воздуха около 5 С. Разработанная в известняках девона, Игнatieвская пещера имеет 4 основных отдела: Входной грот, Основной коридор, Большой зал и Дальний зал, попасть в который из Большого можно по двум узким лазам.

Древние изображения в Игнatieвской пещере, имеющей давнюю известность, обнаружили в 1980 г. В.Т. Петрин, С.Е. Чаиркин и В.Н. Широков. Изучение памятника проводилось с 1980 по 1986 гг. экспедицией В.Т. Петрина, в 1995 г. – В.Н. Широкова (Петрин, 1992; Scelinskij, Sirokov, 1999).

За время работ удалось обнаружить и скопировать более 50 рисунков, сконцентрированных только в Большом и Дальнем залах, на расстоянии, превышающем 120 м от входа. В Большом зале фигуры нанесены на вертикальные и наклонные стены, на полусводы, в многочисленных нишах, различного рода депрессиях и на выступах стен, показывая пример интеграции скальной основы в изобразительный ансамбль. Изображения равномерно распределены в пространстве этого зала вокруг огромной колонны, на которой есть рисунки. В Дальнем зале основное количество изображений, образующих Красное и Черное панно, исполнено на потолке, и лишь немногие рисунки сделаны на стене. Практически все фигуры в пещере наносились с пола или блоков у стен, и только несколько мотивов выполнены с каких-то конструкций.

Размеры рисунков варьируют от 1,5 см (знак) до 2,3 м (животное), ширина линий, использованных для создания изображений, составляет от 1 до 5 см.

Цветовая схема изображений Игнatieвской пещеры включает краски двух цветов: красную с различными оттенками и черную. В Большом зале количественно преобладают красные рисунки (черные знаки отмечены только в трех местах), тогда как в Дальнем зале количество черных фигур значительно.

Репертуар изображений составляют животные, знаки, люди и неопределенные изобразительные мотивы. Среди животных преобладают воспроизведения мамонтов – 6 или 7, и лошадей – 4, две из которых не закончены. Кроме них есть рисунки быка, носорогообразного существа, составленного животного с туловищем верблюда, и фантастического создания, напоминающего мамонта.

Все животные в Большом зале показаны с определенной степенью схематизма, тонированными силуэтами. размерами от 20 до 30 см. Рисунки отдельных мамонтов практически лишены шейных перехватов, только один мамонт снабжен бивнями. Рисунок лошади исполнен без гривы и ушей. Конечности всех животных, за исключением одного, прямые, их количество у разных фигур отличается и составляет от двух до четырех.

В Дальнем зале более натуралистичны изображения животных черного цвета, особенно это касается черного мамонта Красного панно и лошади Черного панно. Однако они нарисованы с двумя прямыми конечностями – передней и задней, что придает им известную условность; какое-то движение ощущается лишь в фигуре мамонта, ноги которого изогнуты в коленных суставах. Пропорции лошадей «утяжелены», у большой черной лошади акцентировано ухо. Верблюжье туловище составленного животного очерчено тремя-четырьмя

линиями. Определенную напряженность образам всех черных животных придают характерные прямые конечности; хотя у красного «носорога» четыре конечности, они также схематичны и напряжены, как и у остальных фигур. Корпус красного «носорога» контурный с частичной тонировкой, черные животные контурные и только одно, может быть, силуэтное (?); оба мамонта нарисованы с бивнями. Размеры черных зверей от 0,3 м до 1,3 м, красного «носорога» – 2,3 м.

Антропоморфные изображения в Дальнем зале представлены черным рисунком мужского существа (около 32 см) и красным рисунком женщины (около 1,2 м), составляющим великолепную комплексную композицию с большой фигурой «носорога». Есть также один черный рисунок фантома. В Большом зале имеется мотив красного цвета, который следует охарактеризовать либо как совмещающий черты человека и птицы в геральдической позе (человек-знак?), либо как авиаформу (около 20 см), что более предпочтительно. Все эти персонажи выполнены линейным способом.

Знаки очень многочисленны, их примерно в три раза больше, чем человеческих существ и животных. Размеры знаков варьируют от 1,5 см до более 1 м. Среди них имеются группы линий и отдельные черты, различного рода пунктуации, меандры, крестообразные и стреловидные формы, трезубец, треугольник, расчерченный параллелограмм, мотивы в виде лесенки и якоря, отдельные пятна. Один из знаков в виде круга, обрамленного с трех сторон отрезками, напоминает след носорога.

Согласно специальным анализам удалось установить состав некоторых красных красок. Их основу составляли оксиды железа: гематит, гетит, лепидокрокит, магнетит с добавлением кальцита, полевого шпата, глинистых частиц и слюды.

Проведенные раскопки в разных частях пещеры позволили обнаружить культурный слой эпохи верхнего палеолита с многочисленными частицами угля от факелов и светильников, каменными и костяными изделиями, кусочками охры, украшениями и костями животных. Каменные изделия (более 1300 экз., происходящие, главным образом, из Входного грота) изготовлены из различных яшм, кремней, кварцита, песчаника, хрустала, известняка и других пород и минералов. Среди орудий преобладают скребки, ретушированные пластины, резцы, долотовидные орудия, зубчатые и выемчатые формы. Выразительную серию составляют пластинки с притупленным краем, в том числе, с обработанным концом, служившие вкладышами составных орудий с основой из кости, рога или дерева. Украшения представлены двумя подвесками, сделанными из клыка песца и зуба быка или бизона, и двумя мелкими, округлой формы плоскими бусинами из кости или бивня.

Три радиоуглеродные даты по уголькам из культурного слоя Большого зала относили создание декораций Игнатиевской пещеры к концу плейстоцена: 14240 ± 150 (СОАН-2209); 13335 ± 193 (ИЭМЭЖ-365); 10400 ± 465 (СОАН-2468).

Кроме находок эпохи верхнего палеолита во Входном гроте и Низком переходе были обнаружены вещи более поздних эпох – бронзы и железа. В этой части пещеры древних рисунков нет (подробнее смотри: Петрин, 1992).

Образцы пигмента и стеновой основы (всего 18 образцов) из Игнатиевской пещеры были отобраны для более точного изучения химического состава древних красок и для возможного получения радиоуглеродных дат непосредственно для рисунков. Знание рецептур красок и прямые ^{14}C датировки отдельных изображений ведут, как частный случай, к более углубленному пониманию структур изобразительных ансамблей. Дополненные другими анализами, эти данные способны значительно углубить наше понимание происходивших в древности процессов (Lorblanchet, 1995, p.145-156).

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА

Коллекция образцов. В августе 1998 г. мы отобрали образцы пигмента нескольких рисунков черного и красного цвета, в Игнатиевской пещере в южноуральских горах. Были выбраны три черных рисунка для радиоуглеродной датировки посредством плазма-химического извлечения углерода и один красный. Образцы отбирались в резиновых перчатках соскобом при помощи скальпеля. Образцы вместе с частью скальной основы и включенного в нее минерального сырья вместе с углем или оксидом железа помещались в алюминиевую фольгу, заворачивались и складывались в полиэтиленовые мешки. Затем они были доставлены в Техасский А&М университет (Texas A&M University – далее TAMU), где сохранялись до выполнения анализов. Мы изучали каждый образец под оптическим микроскопом для уверенности, что в них нет внешнего материала, который мог бы быть включен в образцы изучения.

Предварительная химическая обработка. Еще раз напомним, что для избежания загрязнений при отборе образцов надевались резиновые перчатки. Процедура химической обработки образцов археологического угля мало отличается в разных лабораториях по всему миру; во всех случаях используют предварительную обработку кислотой и едкой щелочью (см., например, Bowman, 1990; Taylor, 1987). В обычной процедуре известняк растворяется кислотой, чтобы удалить углерод карбонатов, лишенный изотопа ^{14}C . После этого едкая щелочь (NaOH) используется для нейтрализации (удаления) фракции гуминовых кислот, которая может

присутствовать в образце. Затем снова идет обработка кислотой, чтобы предотвратить адсорбцию (поглощение) CO_2 – атмосферной углекислоты – за счет присутствующего NaOH . В Департаменте химии TAMU мы рутинно удаляем примесь кислоты (которую добавляли при первичной обработке), так как было показано, что она не нужна при использовании нашей плазменно-химической экстракции. Углерод из карбонатов и оксалатов плазмой не экстрагируется; удаляется только органическая фракция.

Чтобы удалить всякую возможную примесь гуминовых кислот (постороннее загрязнение) в образцах, мы погружали образцы в ~ 15 мл примерно одномолярного раствора NaOH и помещали их в ультразвуковую ванну примерно на 1 час, при температуре $50 \pm 5^\circ \text{C}$. После обработки в NaOH и ультразвуком то, что всплывало на поверхность, уже было совершенно лишено гуминовых и фульво кислот.

Поскольку NaOH адсорбирует воду и двуокись углерода из атмосферного воздуха, образцы после всей описанной обработки помещали в ~ 15 мл двойной дистиллированной, деионизированной воды и опять обрабатывались ультразвуком при температуре $50 \pm 5^\circ \text{C}$ в течение 1 часа. Для особо тщательного удаления остатков NaOH эту операцию повторяли дважды. Адсорбированные двуокись углерода и вода из воздуха не влияли на технику датирования, но время экстрагирования увеличивалось из-за большего количества (обработок) аргоновой плазмой, необходимого для удаления этих компонентов. Наконец, пробы высушивали в духовой печи при температуре 110°C . После этого они готовы для обработки плазмой.

Плазменно-химическая обработка. Плазменно-химический метод, который мы использовали для извлечения углерода из органической фракции древних наскальных рисунков, был детально описан в прежних публикациях (см., например, Human and Row, 1997); здесь мы изложим его кратко. Ультравысокой чистоты бутилированные аргон и кислород (99,999%) были использованы во всех случаях: мы пропускали через холодовую ловушку, содержащую суспензию сухого льда и этанола, для обеспечения полного извлечения из газов органических примесей и воды и подведения черты процесса очистки перед собственно заполнением системы.

Было показано, что для поддержания условий вакуума ($\sim 10^{-4}$ торр) достаточен центробежный насос. Порции кислородной плазмы с низкой температурой были применены для первичной очистки камеры реактора перед помещением в нее каждого образца; обработку повторяли несколько раз – до тех пор, пока образовывалось ≤ 1 мг углерода в виде CO_2 . Как только камеру очищали, ее открывали в атмосферу в том месте, через которое помещаются образцы, в то время как аргон (99,999%) продували через всю систему насквозь – так, чтобы он выходил через отверстие ввода образцов – для того, чтобы снизить до минимума обратное течение атмосферных газов. Пробы вводили внутрь камеры через отверстие, уплотненное фланцем из нержавеющей стали и медной прокладкой, при продувке аргоном – для того, чтобы предотвратить поступление в систему атмосферного CO_2 , аэрозолей или органических частиц. После того, как камера снова была загерметизирована и образец был дегазирован под вакуумом при высокой температуре, порции низкотемпературной аргоновой плазмы были использованы для десорбции молекул CO_2 из образца и со стенок камеры путем неупругих столкновений не реактивных (инертных), но высоко энергетических видов аргона. Адсорбированное на образцах количество CO_2 таким образом снижается до ≤ 1 мг углерода с помощью центробежного насоса.

Затем низко температурная ($< 175^\circ \text{C}$), при низком давлении (~ 1 торр кислорода) плазма окисляла древесный уголь с черных рисунков до CO_2 , и также до CO_2 – неизвестный органический материал из красного пигмента с оксидом железа. Разложение всякого присутствовавшего прежде в образцах углерода из неорганических веществ (карбонатов и оксалата кальция) было предотвращено ранее пропусканием низкотемпературных порций плазмы. Окисляющие плазмы вступают в реакцию только с присутствующим в образцах углеродом органической фракции, не реагируя никак с карбонатами и оксалатами из скального субстрата и минеральных примесей – как было показано ранее в публикациях TAMU (см., например, Russ et al. 1992; Chaffee et al., 1994). Углекислота (CO_2) из образцов пламенем «загонялась» в стеклянную трубку, охлаждаемую до температуры жидкого азота (-194°C), затем вода вымораживалась суспензией из сухого льда и этанола и, наконец, отсылалась для радиоуглеродного анализа в Центр ускоренной масс-спектрометрии в Ливерморскую Национальную Лабораторию (CAMS) в Лоуренс.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В таблице 1 представлены результаты экстракции с помощью кислородной плазмы из четырех образцов из Игнатиевской пещеры. Количество углерода, извлеченного из красного рисунка женщины, было недостаточно, чтобы получить радиоуглеродную дату. Так как отношения между радиоуглеродными годами и календарными годами – не линейны, калибровка необходима, чтобы оценить фактическую календарную дату любого археологического образца. Поэтому, 2σ (95,4% доверительного уровня) калиброванного диапазона, полученного при использовании OxCal Программы, версии 3.5, включена в таблицу после некалиброванных возрастов (Ramsey, 2000). Кривая калибровки для образца 4RU292 показана на рис. 2.

Таблица 1. Результаты плазменного окисления и радиоуглеродные датировки для настенных рисунков из Игнatieвской пещеры

Мотив	Цвет	TAMU №	Углерод	CAMS №	14C возраст, BP	2s возрастной ранг (Cal BC)
Мамонт	Черный	4RU292	0,15 мг	56586	7370 ± 50	6390 – 6080
Радиальная линия	Черный	4RU291	0,21 мг	56271	7920 ± 60	7040 – 6640
Линия	Черный	4RU318	0.10 мг	67688	6030±100	5300 – 4650
Женщина	Красный	4RU330	<0,01 мг	–	–	–

* Калибрование осуществлено в Университете Вашингтона Радиоуглеродной Калибровочной Программой CALIB версии 3.0.3A (Stuiver and Reimer, 1993), используя метод А.

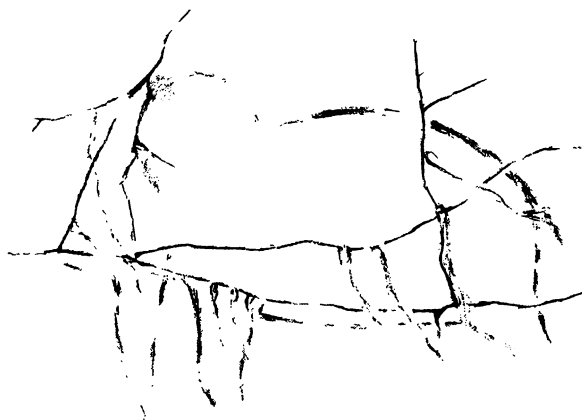

Рис. 1. Изображение мамонта черного цвета, по которому была получена одна из радиоуглеродных дат. Дальний зал Игнatieвской пещеры.

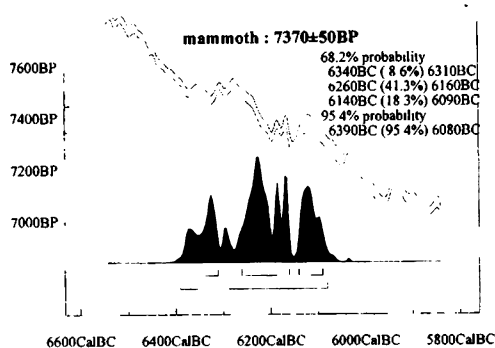

Рис. 2. Калибровочная кривая, полученная с помощью программы OxCal для угольного рисунка мамонта (Ramsey, 2000; основано на данных Stuiver et al., 1998 a, b).

ОБСУЖДЕНИЕ

Эти первые три 14C даты рисунков из Игнatieвской пещеры оказались гораздо более молодыми, чем предполагалось (Петрин 1992; Petrin и Shirokov 1991; Scelinskij и Shirokov, 1999). Раскопки и воспроизведения вымерших животных типа мамонтов предполагают палеолитический возраст. Хотя должны учитываться и другие свидетельства на этом памятнике, эти даты не могут игнорироваться, тем более что высказывались сомнения о палеолитическом возрасте рисунков в Игнatieвской пещере (Формозов 1998, 2000).

Отсутствие загрязнений. Могла ли сажа, содержащая современный углерод, загрязнить образцы? Игнatieвская пещера названа по имени отшельника, жившего в ней в первой половине девятнадцатого столетия. После его смерти религиозные процессии имели там место каждый год до 1930-х гг. Чтобы посе-

шать пещеру, люди использовали открытый огонь. Многочисленные туристы также используют факелы. Некоторые стены и потолок, очевидно, закрыты сажей.

Однако мы обычно берем второстепенные образцы от стеновой основы, смежной с образцом пигмента; эта процедура имеет очень важную роль, потому что полученные даты оказались намного более молодыми, чем ожидалось; по крайней мере, для рисунка мамонта. Количество углерода, извлеченного из фона, используется, чтобы определить уровень загрязнения поверхности скалы, и, следовательно, образца, содержащего пигмент. Относительные размеры содержащих пигмент типовых и второстепенных образцов учтены, когда вычисления выполнены. Без фона, потенциально разрушительное загрязнение в образце не может быть принято во внимание, и такая радиоуглеродная дата не заслуживает доверия.

Меньше чем 0.002 мг углерода были извлечены из образцов фона пещеры, указывая, что уровень загрязнения является незначительным. Мы вычислили долю современного загрязнения, необходимого, чтобы исказить ожидаемый возраст (согласно принятому мнению о времени исчезновения мамонта в регионе около 12000 лет назад) в Игнatieвской пещере к радиоуглеродным измеренным возрастам. Результаты этих вычислений показаны в таблице 2. В случае с изображением мамонта, требовалось бы загрязнение в 23 % современным (1950) углеродом, чтобы получить возраст 12000 лет назад. Этот уровень загрязнения не наблюдался для фоновых образцов. Таким образом, сажа – не причина неожиданных, недавно полученных дат.

Таблица 2. Подсчеты, показывающие процент загрязнения современным углеродом, способным изменять радиоуглеродные даты археологических образцов.

Полученные даты	Ожидаемые даты	Am	As	Ax	Процент загрязнения
7370	12000	0,4	0,225	1	23
7920	12000	0,373	0,225	1	19
6030	12000	0,472	0,225	1	32

Значения были получены на основе активности полураспада и загрязнений через уравнение, изложенное в работе Bowman: Radiocarbon Dating (1990):

$$A=A_0e^{-t/8033} \text{ and } A_m = fA_x + (1-f)A_s$$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самое очевидное свидетельство палеолитического возраста изображений Игнatieвской пещеры – наличие плейстоценовых животных. Мамонты и другие представители палеолитической фауны преобладают в обоих залах. Другие существа Ледникового периода, а именно: лошади, носорогообразное животное и бык – были также изображены в пещере. Изображение составленного животного с телом верблюда очень интересно, особенно если учитывать тот факт, что кости таких животных известны из плейстоценовых отложений на Южном Урале. Этот набор вымерших видов отличается от животных, которые представлены в наскальном искусстве при свете дня в этой же горной стране. Такие памятники содержат воспроизведения лосей, оленей, косуль, водоплавающих птиц, немногочисленные рисунки медведя и обобщенные фигуры каких-то небольших зверей. Один из нас (В.Н. Широков), посетил и изучил все известные сегодня около 80 пунктов пещерных и наскальных изображений на Урале.

В поддержку палеолитического возраста говорит тот факт, что мамонты исчезли на Южном Урале в конце плейстоцена, около 12-14 тыс. лет назад. (Сулержицкий, 1995). В Большом Зале с рисунками были найдены только верхнепалеолитические изделия. Есть также немного стратиграфических доказательств относительной одновременности изображений с верхнепалеолитическими находками в пещере. В течение раскопок рыхлых отложений возле группы с красной лошадей (группа 23 по В.Т. Петрину (1992)), была обнаружена тонкая прослойка мондмилых. Многочисленные частицы древесного угля и охры, каменные изделия и подвеска, сделанная из клыка песка, залегали ниже этой прослойки. Песец населял Южный Урал только в плейстоцене (Косинцев, 1990; Kosintsev, 1999). Поскольку мондмилых закрывает некоторые художественные мотивы, расположенные на стене пещеры, кажется вероятным, что некоторые изображения в Игнatieвской пещере являются по крайней мере не моложе 10000 лет (Петрин, 1992; Petrin and Shirokov, 1991; Scelinskij, Shirokov, 1999).

Однако полученные ¹⁴C датировки не могут игнорироваться. Как было показано выше, у нас нет оснований не доверять им. Современный углерод не мог повлиять на омоложение возраста мотивов. Чем же можно объяснить столь неожиданно молодой возраст рисунков – от примерно 6000 до 8000 тысяч лет назад?

Сейчас можно высказать, по крайней мере, три предположения: 1) Мамонтовая фауна могла доживать на Урале до ранних постледниковых периодов; 2) Изображения не базировались на живых мамонтах; 3) Возможно, рисунки подводились в более поздние периоды, что делает радиоуглеродные датировки бессмысленными, а возраст мотивов более молодым, чем начальных изображений.

ЛИТЕРАТУРА

- Косинцев П.А. 1990. История развития фауны крупных млекопитающих // Историческая экология животных гор Южного Урала. Свердловск.
- Петрин В.Т., Широков В.Н. 1990. Наскальные изображения Южноуральского региона (итоги и перспективы исследований) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.
- Петрин В.Т. 1992. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.
- Сулержицкий Л.Д. 1995. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов (*Mammuthus primigenius*) Сибири и Севера Восточной Европы // Исследования по плейстоценовым и современным млекопитающим. Т. 263. С-Пб.
- Формозов А.А. 1998. О святилище в Игнатиевской пещере на Урале // Politron. К семидесятилетию Владимира Николаевича Топорова. М.
- Формозов А.А. 2000. О датировке росписей в Игнатиевской пещере на Урале // РА. № 1.
- Kosintsev P.A. 1999. Formation and evolution of the Holocene fauna of megamammals in the Urals and West Siberia // The Holocene History of the European Vertebrate Fauna. Archaeologie in Eurasia. Band 6.
- Lorblanchet M. 1995. Les grottes ornees de la Prehistoire. Nouveaux regards. Paris.
- Petrin V., Sirokov V. 1991. Die Ignatievka-Hohle (Ural) // Zwei neue jungpalaeolithische Bilderhöhlen in Sudfrankreich und im Ural. Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 38. Jahrgang.
- Scelinskij V.E., Sirokov V.N. 1999. Höhlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im sudlichen Ural. Thorbecke.
- Bowman S. 1990. Interpreting the Past: Radiocarbon Dating. University of California Press. Los Angeles.
- Chaffee S.D., Hyman M. And Row M.W. 1994. Radiocarbon dating of rock paintings. In Whitley D. & L.L.Loendorf, eds., New Light on Old Art: Recent Advances in Hunter-Gatherer Rock Art. University of California Press. Berkeley/Los Angeles.
- Hyman M. And Row M.W. 1997. Plasma-chemical extraction and AMS radiocarbon dating of rock paintings. In American Indian Rock Art. Vol. 23. American Rock Art Research Association. San Miguel. California.
- Russ J., Hyman M. & Rowe M. W. 1992. Direct radiocarbon dating of rock art. Radiocarbon. № 34.
- Stuiver M. & Reimer P. J. 1993. A computer program for radiocarbon age calibration. Radiocarbon. № 35.
- Taylor R. E. 1987. Radiocarbon Dating: An Archaeological Perspective. Academic Press. New York.

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА С ПЕЩЕРНОГО СВАТИЛИЩА НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ (Р. ЧУСОВАЯ)

Река Чусовая – единственная на Урале река, которая начинается на восточном склоне, пересекает Уральский хребет и впадает в р. Каму уже на западном склоне. Среднее течение изобилует скалами, поскольку именно на этом участке р. Чусовая прорывается через горные хребты Большого Урала. На этом отрезке р. Чусовой зафиксировано около 50 пещер. Самая примечательная пещера находится на Камне Дыроватом, расположенном на левом берегу реки в 17 км к западу от с. Усть-Утка (Пригородный район Свердловской области). Скала Камня высотой 50-80 м протянулась на целый километр. Заканчивается она отвесным монолитом высотой до 60 м. Именно на нем на высоте 20 м расположена пещера. В туристических путеводителях она известна под названием «Пещера скалолазов», так как без специального снаряжения подняться в нее практически невозможно. Вход пещеры размером 8 x 5 м экспонирован на юго-восток.

В 1776 г. о святилище в пещере Камня Дыроватого упоминал путешественник И.Г. Георги (1776). Первые археологические раскопки здесь в 1932, 1933 и 1937 гг. провел ленинградский археолог Н.А. Прокошев (1935). В результате этих работ была вскрыта практически вся площадь пещеры – около 160 м². Коллекция находок хранится в Государственном Эрмитаже (С. Петербург). Она содержит около 7 тыс. наконечников стрел, изготовленных из кости, камня, бронзы (меди) и железа.

В 1982, 1983, 1988, 1991-1993 и 1997-2000 гг. исследования пещерного святилища проводил автор предлагаемой статьи. В итоге получена коллекция, включающая свыше 18,7 тысяч находок (Сериков, 1996; 2000; 2001): 392 железных, 932 бронзовых, 5415 костяных, 8274 каменных наконечников стрел, 3589 микропластинок-вкладышей, 81 геометрический микролит, 20 галек и 59 предметов культа (подвески, пронизки, бусины и пр.). С учетом коллекции, хранящейся в Эрмитаже (из раскопок Н.А. Прокошева), раскопки на Камне Дыроватом дали свыше 25,5 тысяч находок (наконечников стрел из них 21,7 тыс. экз.) (Калинина, Ленц, Сериков, 1998).

Мезолитический комплекс содержит около 3800 костяных и 70 каменных наконечников стрел, 3589 пластинок-вкладышей и 81 геометрический микролит. На 481 костяном наконечнике присутствует орнамент в виде геометрических узоров.

«Геометрическим» называют орнамент, состоящий из абстрактных геометрических форм. Вопрос о возникновении геометрического орнамента до сих пор не решен. Существуют две основные гипотезы его происхождения. По мнению одних исследователей, он возник как результат сознательного использования технологических особенностей некоторых производственных процессов, например, плетения сосуда из бересты или лозы. Согласно второй гипотезе – это процесс постепенного упрощения и схематизации мотивов, которые первоначально имели изобразительный характер.

Орнамент является организующим началом. Он выявляет тектонику и конструкцию предметов. Кроме того, он несет в себе определенную смысловую нагрузку. Таким образом, орнамент не только украшает предмет или выделяет отдельные его части, он наносится с определенной целью. И цель эта зависит от традиций и представлений об окружающем мире того народа, к культуре которого относится орнамент.

Расшифровка семантики орнамента – дело невероятно сложное. Считается, что орнамент имеет свой символический изобразительный язык. Геометрический орнамент мы встречаем на изделиях из кости, камня, дерева, глины. Для древнего человека геометрический орнамент служил своеобразным языком, с помощью которого он выражал свои понятия о мире. Общепринято считать, что прямая горизонтальная линия, например, означала землю, волнистая линия – воду, крестом изображали огонь

или солнце, ромб, квадрат или круг символизировали небесный огонь – солнце. Комбинации этих простейших элементов составляли сложные знаки, расшифровать которые еще труднее.

Следует отметить, что в коллекции Камня Дыроватого орнамент чаще всего наносился на вкладышевые наконечники стрел. Из около 300 биконических наконечников орнаментированы только 2. Верхний конус одного из них декорирован короткими прямыми линиями, идущими параллельно продольной оси наконечника. На втором орнамент в виде коротких насечек присутствует как на верхнем конусе, так и под ним, на костяном стержне. Из числа игловидных наконечников, а их в коллекции около 650 экз., орнаментировано только 2 (рис. 2 – 3; 3 – 13). Присутствует орнамент и на оригинальном наконечнике игловидной формы трапециевидного сечения (рис. 5 – 1). В остальных случаях орнаментированы разные типы вкладышевых наконечников. Из общего числа декорированных наконечников вкладышевые составляют 98,96 %. Из числа всех вкладышевых наконечников (около 1600 экз.) почти каждый третий (30 %) на своей поверхности имеет геометрический орнамент. Следует добавить, что практически во всех случаях в орнамент втерта светло-красная охра.

Была предпринята попытка классификации орнамента на костяных мезолитических наконечниках стрел. Первоначально выявлялись простые элементы (мотивы) орнамента. Их оказалось немного: точки, насечки-нарезки, прямые линии, волнистые линии, зигзаги. Точки встречены только на одном обломке наконечника (рис. 5 – 7). Они высверлены каменным сверлом и расположены посередине наконечника на равном расстоянии друг от друга.

Насечки-нарезки, обычно очень короткие, располагаются всегда поперек наконечника. Именно насечками орнаментированы наконечники с овальным и трапециевидным сечением (рис. 5 – 1, 11, 12). Причем на самом длинном игловидном наконечнике (длина сохранившейся части 25,5 см) насечки расположены вдоль продольной оси и сочетаются с точками: 2 пояса насечек и 2 пояса точек. Они часто образуют группы по 3, 4, 5 насечек. Например, на игловидном наконечнике нанесены 2 ряда из 3 групп по 3 насечки в каждой (рис. 5 – 13). На наконечнике с трапециевидным сечением число насечек в группах составляет 4, 5, 6 (рис. 5 – 1). Иногда очень тонкие нарезки покрывают шип вкладышевого наконечника (рис. 3 – 5; 5 – 21, 23).

Наконечники, на которых нанесены прямые полосы, расположенные почти всегда по всей длине пера, составляют самую многочисленную группу (рис. 1 – 3, 9; 4 – 2, 7). Иногда они прерываются, причем, две параллельные линии прерываются одновременно. Иногда одна прямая линия идет непрерывно, а параллельная ей прерывается в одном или нескольких местах.

Волнистые линии практически всегда проведены по центру наконечника (рис. 1 – 3; 3 – 2, 7; 4 – 1, 9, 15, 17; 5 – 3, 10, 14, 16, 17, 20). Часто это – сочетание двух волнистых линий, иногда они идут параллельно друг другу, или переплетаются между собой. Волнистая линия вместе с прямой среди типов простого орнамента, пожалуй, – самый представительный мотив (элемент).

Зигзаг на наконечниках представлен разными типами. На боковых поверхностях изделий обычен частый зигзагообразный орнамент (рис. 2 – 1; 3 – 6). Такой же зигзаг встречается и на плоскостях наконечников (рис. 5 – 9). Реже присутствует широкий или растянутый зигзаг, обычно идущий по всей длине изделий (рис. 1 – 10).

Более сложным видом орнамента является простое сочетание элементов: комбинации из прямой и волнистой линии; прямой линии и зигзага; волнистой линии и зигзага; сочетания двух зигзагообразных линий, образующих ромбы и кресты; насечки и прямой линии; насечки и волнистой линии; насечки и зигзага; зигзага и точки; волнистых линий с ответвлениями. Иногда на одной плоскости наконечника присутствует одно сочетание элементов, а на другой – другое.

Различные композиции образуют сочетания прямой и волнистой линии. Кроме обычного сочетания – параллельно расположенные прямая и волнистая линия (рис. 4 – 11; 5 – 6) – есть и более сложные комбинации. На одном наконечнике, например, зафиксирована следующая композиция: прямая линия делит наконечник на две части, справа от нее – раздваивающаяся волнистая линия, а слева – утраивающаяся (рис. 1 – 7). На наконечнике с шипом волнистая линия расположена сначала посередине наконечника параллельно прямой линии, а затем отворачивает от нее и переходит на шип (рис. 4 – 5).

В сочетаниях прямой линии с зигзагом последний, обычно, занимает центральную часть орнаментальной композиции. В одних случаях он нанесен по центру наконечника, а по обе стороны от него расположена прямая линия (рис. 3 – 8; 4 – 4). В других случаях зигзаг занимает центр композиции, а от него в обе стороны расходятся прямые линии (рис. 3 – 10, 12). Интересно сочетание с прямой линией коротких зигзагов. Они идут не как обычно – вдоль продольной оси, а поперек нее и напоминают изображения плывущих уток (рис. 3 – 6).

Сочетание зигзага с волнистой линией зафиксировано только в двух случаях (рис. 3 – 10). Ин-

тересен наконечник, по центру которого идут две волнистые линии, а по краю нанесен частый мелкий зигзаг.

Так же редки и сочетания зигзагов. В одном случае зигзаги образуют ряд ромбов (рис. 1 – 11), в другом – крестов (рис. 3 – 8; 5 – 22), в третьем – два зигзага нанесены параллельно друг другу (рис. 5 – 25).

Большой интерес представляет сочетание насечек и прямой, волнистой и зигзагообразной линий. Комбинации насечки с волной и зигзагом немногочисленны (рис. 3 – 9). В одном случае две насечки в сочетании с двумя волнистыми линиями образуют «стрелку» (рис. 5 – 15). Особо стоит отметить волнистую линию, выполненную мелкими и тонкими насечками (рис. 1 – 4). Интересен орнамент, состоящий из двух волнистых линий, которые заканчиваются короткими прямыми отрезками: на одной линии их 3, на другой – 4 (рис. 1 – 5). Очень интересны сочетания насечек с прямой линией (рис. 5 – 5, 8, 24, 27). В одном случае такое сочетание фиксируется на вкладышевом наконечнике с боковым пером. С одной стороны на перо нанесены три параллельных прямых линии, а между ними заключены три группы насечек по 3, 5 и 5 шт. На другой стороне пера между двумя параллельными линиями нанесено 20 насечек (рис. 1 – 2). Еще на одном вкладышевом наконечнике три группы насечек по 3 шт. в каждой заключены между двумя короткими прямыми линиями. Но находятся они не на пере наконечника, а на костяном стержне под боковым пером (рис. 4 – 3). Наибольший интерес представляет наконечник с так называемым «календарным» орнаментом. По обеим плоскостям наконечника проходят по две параллельных линии, поперек которых нанесены группы насечек. Наконечник фрагментирован, поэтому первоначальное количество групп неизвестно. На одной линии зафиксировано пять групп насечек, из них четыре – полные. Они содержат 7, 7, 7 и 9 насечек. На второй линии находится четыре группы насечек. Полные из них только две, в одной группе – 13, а в другой – 15 насечек. С противоположной стороны наконечника на одной линии – три группы насечек. Две полные содержат 8 и 10 насечек. На второй линии находится четыре группы насечек. В трех полных группах 9, 10 и 10 насечек (рис. 3 – 11).

Сочетания зигзага с насечкой встречаются нечасто (рис. 1 – 8; 5 – 13, 18, 19), они представляют собой зигзагообразную линию, на вершине каждого угла которой располагается насечка, которые часто идут парами. Иногда они располагаются не только на вершине угла, но и на каком-либо отрезке зигзага. Гораздо реже встречается сочетание зигзага с точкой. В этом случае на вершине угла нанесена не насечка, а точка (рис. 1 – 10).

Особо стоит отметить сочетание волнистой линии (часто двух) с боковым ответвлением такой же волны, но более короткой (рис. 2 – 7; 3 – 3; 5 – 4).

Наиболее сложным видом орнамента являются композиции, составленные из трех и более элементов. Наконечники с подобным орнаментом трудно объединить в группы, все они требуют индивидуального описания. Композиция на одном из таких наконечников состоит из двух параллельных линий, обрамленных крестами, между которыми находится ряд из восьми точек (рис. 2 – 4). Интересны композиции из прямых, волнистых линий и насечек (рис. 2 – 6, 7). Не менее любопытными являются композиции из прямых или волнистых линий в сочетании с зигзагом и насечками (рис. 1 – 5; 4 – 10). Обращает на себя внимание орнамент, состоящий из сочетания прямых линий, зигзагов, насечек, заштрихованных треугольников, ромбов, лесенок, крестов и т.п. (рис. 1 – 1; 4 – 5, 8, 10, 12–14, 16; 5 – 13, 26).

Отдельного упоминания заслуживает орнамент на почти целом вкладышевом наконечнике. Его боковая грань украшена тремя группами, состоящими из мелкого и частого зигзага. На плоскости нанесена прямая линия в сочетании с зигзагом. На вершине каждого угла зигзага присутствуют парные насечки (рис. 3 – 1). На другой плоскости наконечника орнамент выглядит более сложным. Он состоит из зигзага, прямой линии, длинных насечек и круга (единичный случай в комплексе Камня Дыроватого). При первом взгляде на орнамент в нем можно увидеть изображение человека: в композиции выделяются голова, шея, руки, туловище и ноги. Но ног почему-то четыре, от туловища они отходят вниз и в сторону. Если вспомнить о топографии святилища, то эту композицию можно прочесть и по-другому (для этого наконечник нужно положить горизонтально). Зигзаг – это скала; круг – это пещера на скале; прямая линия с насечками изображает летящую в пещеру стрелу: насечки спереди обозначают острие, а насечки сзади – оперение стрелы (рис. 3 – 1). Таким образом, перед нами классическая мифологема, в которой отображен обряд стрельбы из лука в пещеру.

Даже первичное знакомство с орнаментами на мезолитических наконечниках Камня Дыроватого позволяет говорить об их многообразии и сложности. Совершенно ясно, что орнамент на наконечниках стрел – это не только и даже не столько их украшение, сколько зашифрованные мифологемы. Расшифровать их при настоящем уровне наших знаний пока не удастся, но рабо-

ту в этом направлении проводить необходимо. Уже сейчас видно, что значительную роль в этих мифологемах играли числа 3, 4, 5, 7. Именно они наиболее часто повторяются в орнаментальных композициях. Это лишний раз подтверждает, что они являются зашифрованными мифологемами, за которыми скрыты представления древних людей об окружающем мире. Если наконечники стрел вместе с другими находками (костями животных, подвесками, бусами и т.п.) можно считать дарами, подношениями духам, обитавшим в пещере, то орнаменты на наконечниках можно рассматривать в качестве своеобразных посланий, прошений, направленных этим духам.

Еще раз следует подчеркнуть, что почти всегда в орнамент на наконечниках втерта красная охра, что подтверждает их культовое назначение. Охрой натерты и некоторые мезолитические наконечники без орнамента. Возможно, она олицетворяла огонь, так как ни одного мезолитического наконечника стрелы со следами воздействия огня пока не найдено.

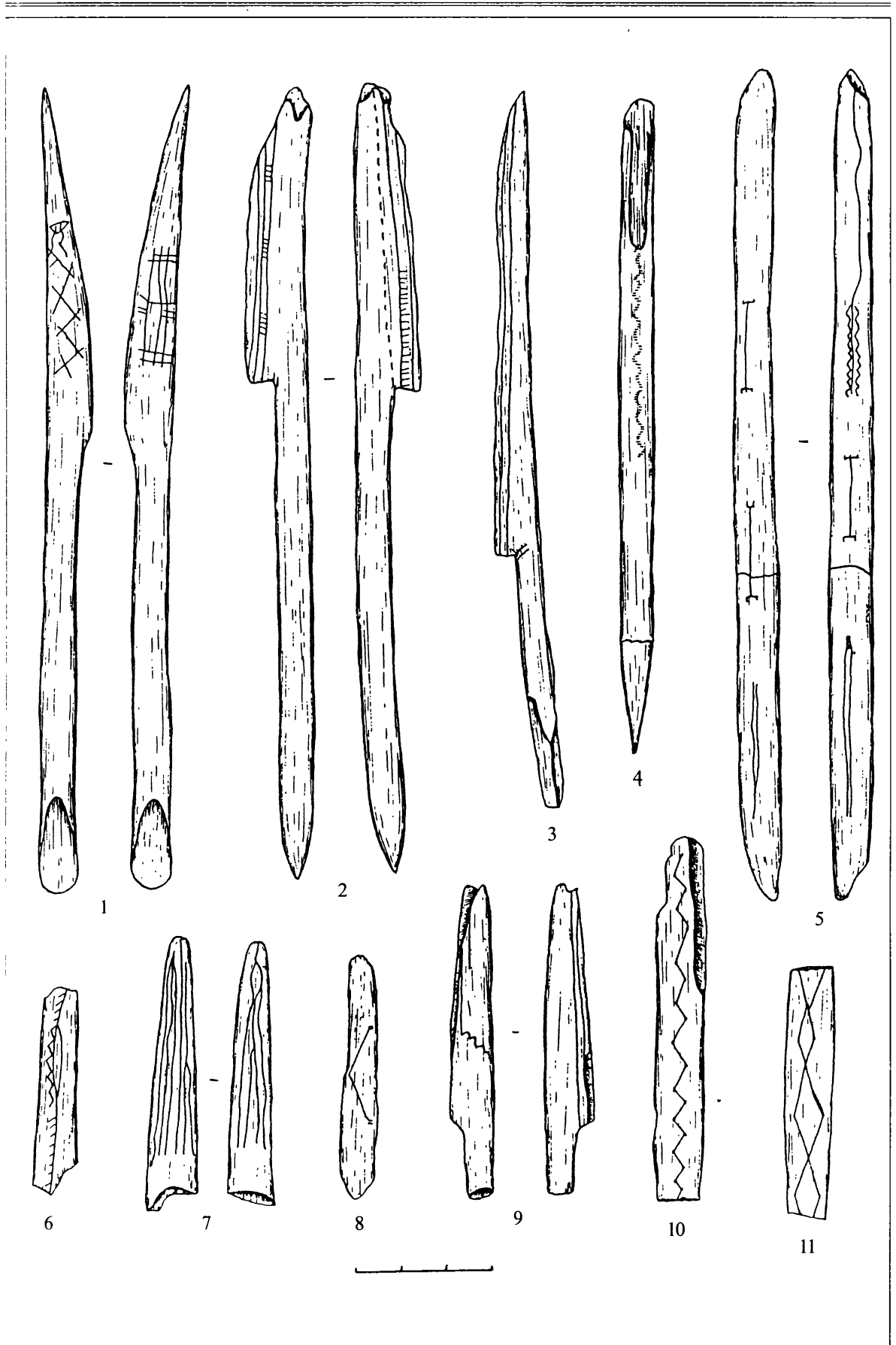

Рис. 1. Камень Дыроватый.
Орнаментированные наконечники стрел

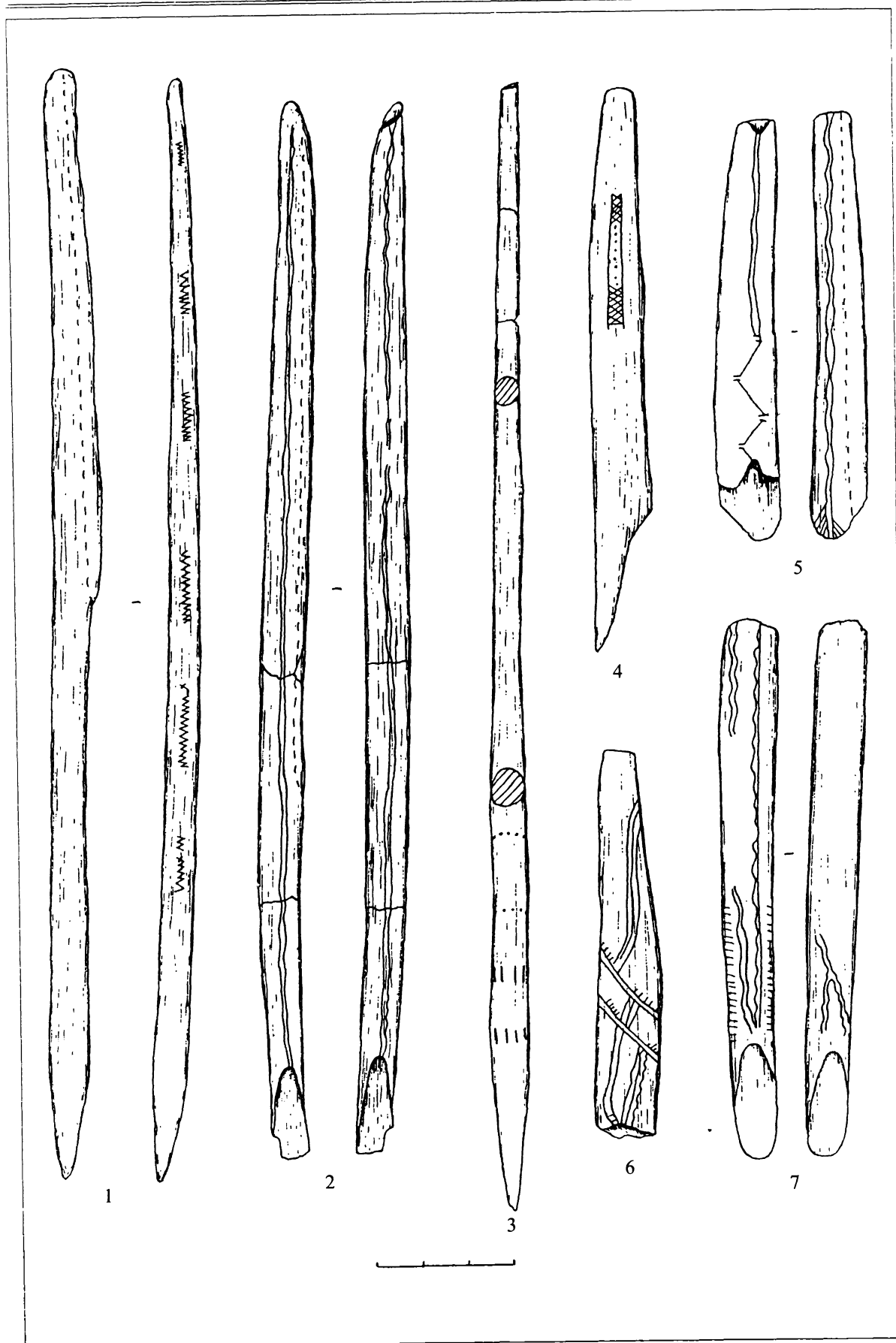

Рис. 2. Камень Дыроватый.
Орнаментированные наконечники стрел

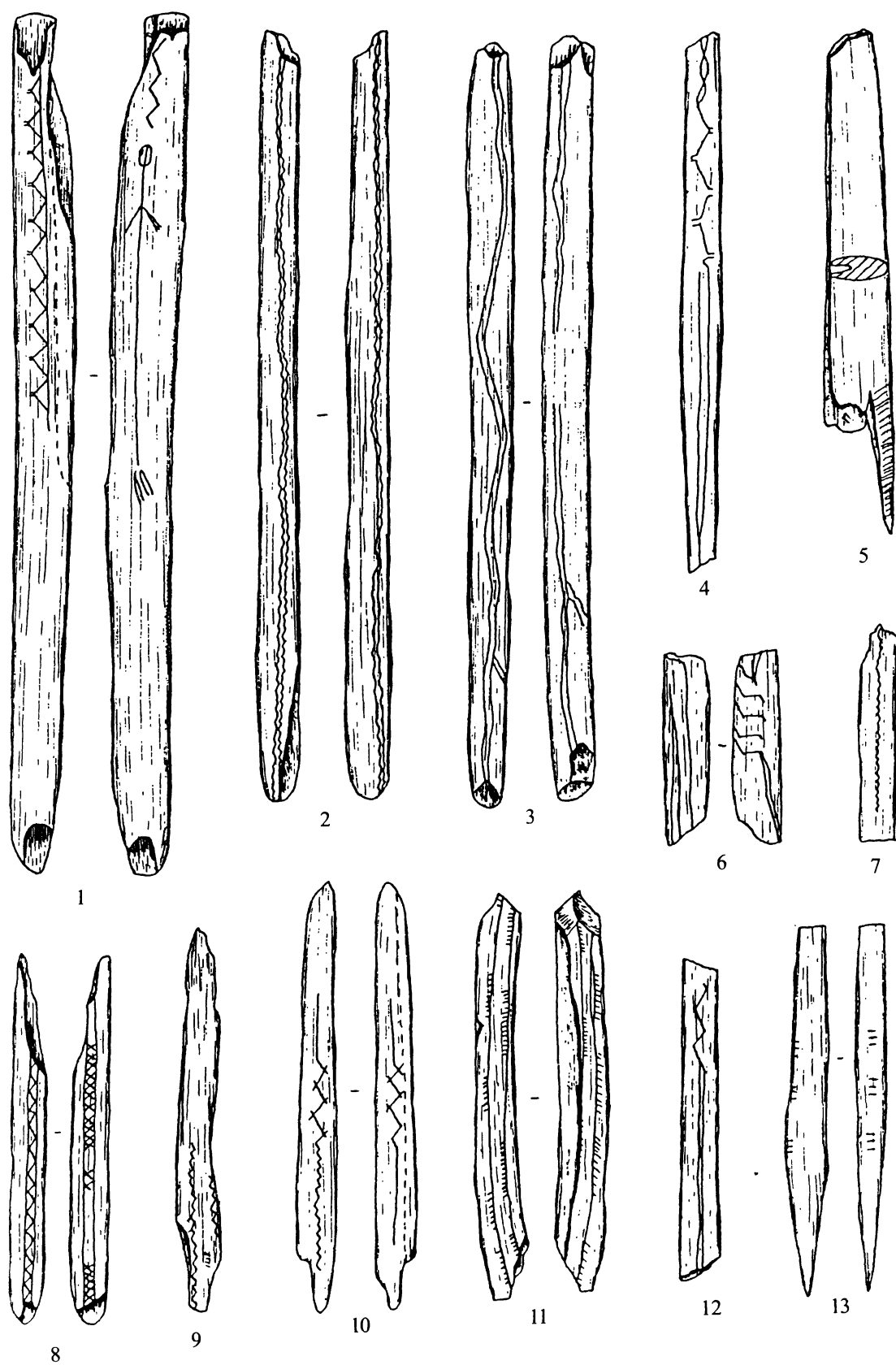

Рис. 3. Камень Дыроватый.
Орнаментированные наконечники стрел

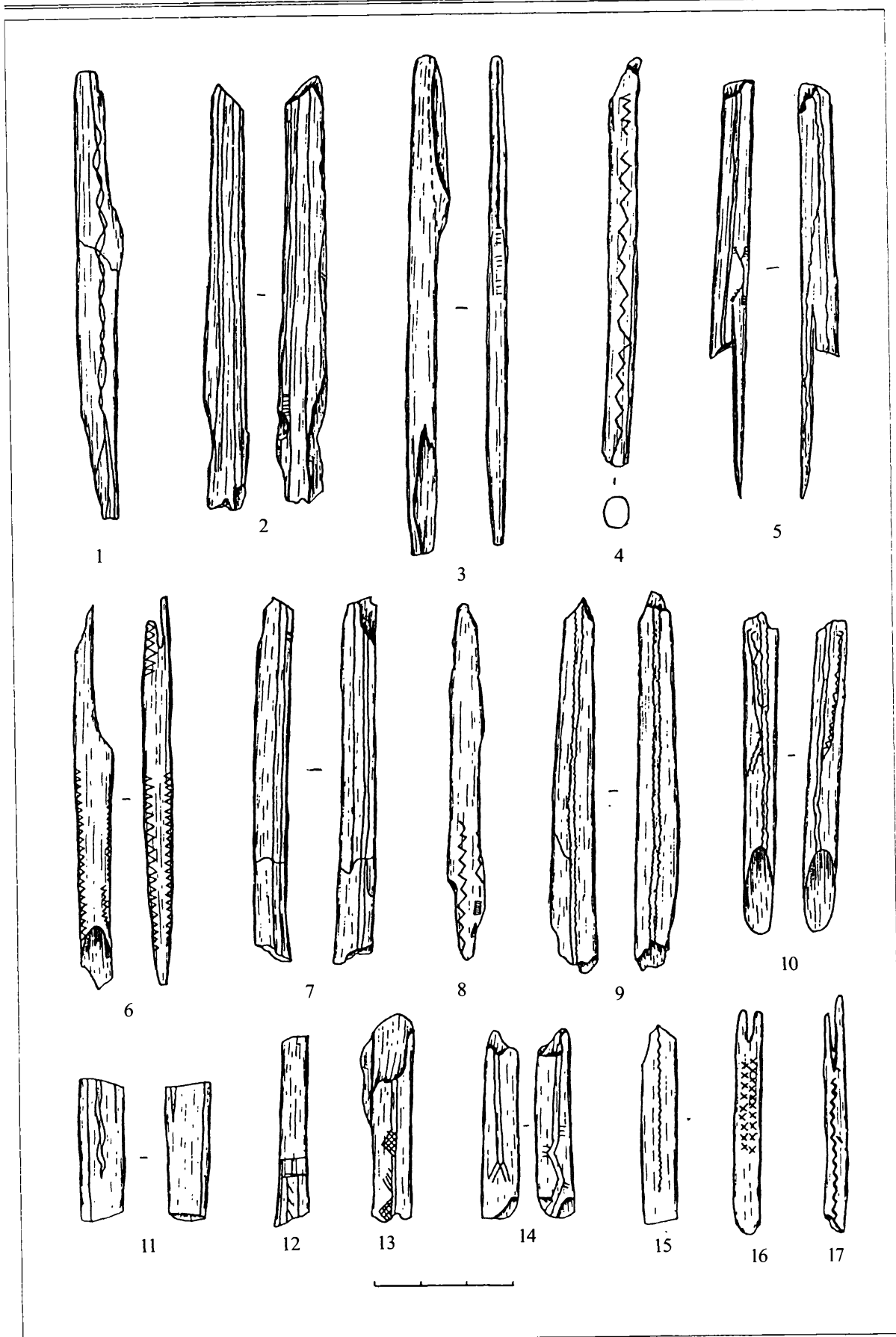

Рис. 4. Камень Дыроватый.
Орнаментированные наконечники стрел

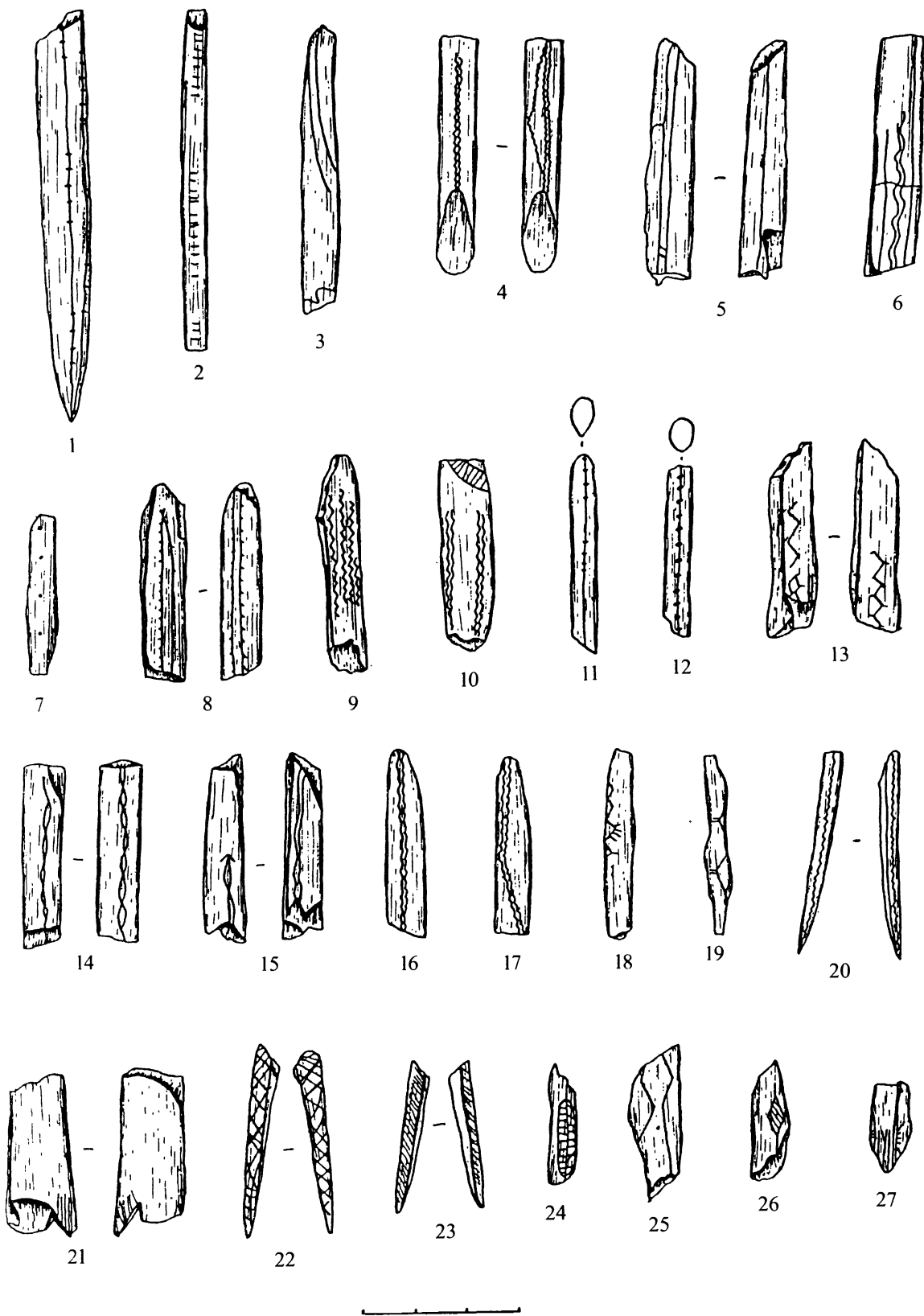

Рис. 5. Камень Дыроватый.
Орнаментированные наконечники стрел

ЛИТЕРАТУРА

- Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском Государстве обитающих народов. Ч. 1. С-Пб.
- Калинина И.В., Ленц Г.А., Сериков Ю.Б. 1998. Дыроватый камень // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург.
- Прокошев Н.А. 1935. Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. Вып. 109.
- Сериков Ю.Б. 1996. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // СА. № 4.
- Сериков Ю.Б. 2000. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Н. Тагил.
- Сериков Ю.Б. 2001. Культовые комплексы р. Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники.

В.Т.Петрин

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

И.В.Усачева

Тюменский областной краеведческий музей, г. Тюмень¹

АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ НЕОЛИТА С ЮЖНОГО УРАЛА

В 1975 г. при исследовании островов и побережья Аргазинского водохранилища (Аргаяшский район Челябинской области) на стоянке Вишневый I в составе подъемного материала было найдено каменное антропоморфное изображение.

Памятник расположен на южном берегу острова Вишневый. Культурный слой стоянки размыт. Находки происходят с прибрежной полосы заливчика, образованного мысовидным выступом и берегом острова. Площадь распространения находок четко локализована. Она составляет около 2500 кв. м. На памятнике найдено 83 каменных предмета и 112 фрагментов керамики. Фрагменты принадлежат прямостенным сосудам с наплывом на внутренней стороне венчика, край которого уплощен и покрыт насечками. Вся поверхность сосудов орнаментирована. Основной элемент узора – прямые и волнистые горизонтальные линии, выполненные в технике отступающей палочки. Единично встречается гребенчатый штамп, резная техника. Керамический комплекс стоянки однороден и может быть датирован эпохой неолита.

Найденная на стоянке скульптурка представляет собой небольшой продолговатый стержень округлого сечения с приостренными концами, на фронтальной, чуть уплощенной, поверхности которого вырезано антропоморфное изображение (рис. 1, 2). В качестве заготовки использована гальковая галька естественного происхождения размерами 65 x 17 x 16 мм. Возможно, определяющим в выборе пригодного для резьбы исходного материала оказался цвет этого кусочка породы – не совсем обычного для гальки легкого желтоватого оттенка, напоминающего цвет кожи.

Изображение предельно схематично. В средней части гальки примерно на равном расстоянии от концов каменным инструментом нанесено 5 глубоких резных линий². Четыре линии дают два расположенных вертикально косых креста (фрагмент сетчатого рисунка), образующих немного неправильный ромб. Пятая линия замыкает верхний крест, формируя треугольник лица. Плоскость лицевой части наклонно углублена от подбородка к бровям (до 1 мм), придавая им дополнительный объем. К линии бровей примыкает выделенный резьбой полуовальный нос. Небольшой участок со следами работы резцом зафиксирован и на боковой поверхности в нижней части фигурки. Нарезки здесь выполнены небрежно и не совсем ясно читаются, возможно, они нанесены для удаления лишних шероховатостей заготовки. Приостренный верхний конец изделия сильно залощен.

Прямые аналогии фигурке не известны. Антропоморфные изображения ранних эпох на Урале и сопредельных территориях немногочисленны, экземпляры мелкой каменной пластики среди них единичны. Однако манера передачи лица с использованием двух разноуглубленных плоскостей с подчеркнута выделенной линией лба и крупным носом позволяет однозначно включить аргазинскую фигурку в круг уральской скульптуры. По классификации С.В. Иванова, основываясь на трактовке лица, заостренности головы и факте отсутствия рук – ног, наш экземпляр следует отнести к первому уральскому типу антропоморфной скульптуры (Иванов, 1970, с. 240). Типологически она вполне сопоставима с деревянными остроголовыми шигирскими «Большим» и «Малым» «идолами» и скульптурами с 6-го разреза Горбуновского торфяника (антропоморфная голова из раскопок 1927 г. и «идол», выполненный на конце кола, найденный в 1936 г.) (Мошинская, 1976, с. 42-43, 51, рис. 8, табл. 3; Эдинг, 1937, с. 133-145; Эдинг, 1940, с. 66-67). Появившись не позднее эпохи мезолита (именно этим временем датирован радиоуглеродным методом «Большой шигирский идол» (Савченко, 1999, с. 52)), эта изобразительная манера сохранилась в среде угро-самодийских народов вплоть до XIX в.

Антропоморфная скульптура, украшенная орнаментом, встречается еще реже. Если не принимать

¹ Статья подготовлена к печати в 2001 г.

² Трасологический анализ выполнен Сериковым Ю.Б.

Рис. 1. Каменная антропоморфная скульптура, фотография

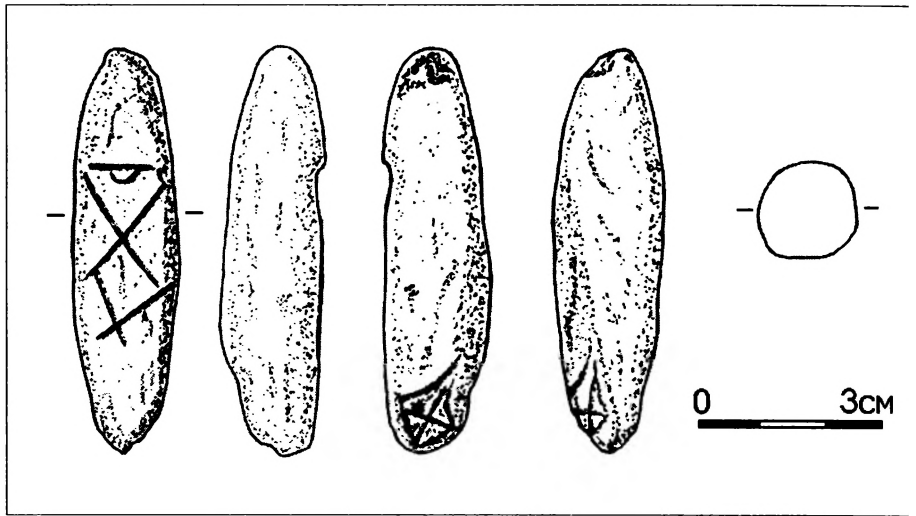

Рис. 2. Каменная антропоморфная скульптура, рисунок

во внимание глиняную антропоморфную пластику, выполненную в совершенно другом стиле и несущую, по-видимому, специфическую семантическую нагрузку, можно назвать два таких изображения уже упоминавшийся «Большой шигирский идол» и тальковую антропоморфную скульптуру с поселения Палатки II, расположенного под Екатеринбургом. Последняя была найдена около очага в жилище аятской культуры эпохи энеолита (Панина, 1988, с. 25-26, рис. 2-8).

Тулово шигирского «идола» покрыто схематическими изображениями человеческих лиц и сложным линейным геометрическим орнаментом, по крайней мере, часть которого может быть трактована как варианты «скелетного стиля». Лица – их сохранилось 4 – выполнены на основе одного рельефного шаблона – двухплоскостного с объемным моделированием носа, но по-разному оформлены резьбой. В результате все изображения индивидуальны. Наибольший интерес для нас представляет верхнее изображение на лицевой стороне. Оно почти идентично нашему. Также треугольником моделировано лицо, тулово – ромбами. Только в нашем случае ромб всего один, а здесь их три. И продуцирует уже не косая штриховка, а встречный вертикальный зигзаг. У нижней фигуры лицевой стороны среднего фрагмента «идола» тоже треугольное лицо, причем образует его, как и в нашем случае, косой крест. Интересно, что эта личина изображена острроверхой, как и парное ему изображение на тыльной стороне. Не углубляясь в детальное рассмотрение орнаментальных схем отдельных фигур, отметим самое широкое использование на их тулове двух встречных, то есть прорисованных углами навстречу друг другу, вертикальных зигзагов, в восприятии образующих полосу ромбов.

Та же самая полоса ромбов, но на этот раз как элемент сетчатого орнамента, украшает тулово изображения с поселения Палатки II, точнее, ту узкую боковую грань подпрямоугольного бруска, на которой выполнено рельефное изображение головы антропоморфа.

Выявляется любопытная закономерность в украшении антропоморфных изображений каменного века Урала вертикальным ромбическим резным орнаментом. Существенное различие в форме и размерах (высота шигирского «идола» – 5,3 м, бруска с поселения Палатки II – 0,27 м, аргазинской фигурки – только 6,5 см) и местонахождении (соответственно, – торфяник, скорее всего, святилище жилище; стоянка) орнаментированных изображений не позволяет объединить их в единую функциональную группу, а, стало быть, объяснить сходство в орнаменте сходством функции. Определенные трудности возникают при попытке интерпретации ромбов, встречного вертикального зигзага или косой сетки с одеждой. Во-первых, непонятно, какой тип одежды может быть с ними ассоциирован. Во-вторых, трудно допустить, чтобы костюм оставался неизменным на протяжении тысячелетий. Остается предположить, что такой орнамент является маркером человеческого тела, его предельно стилизованным изображением на простейшего типа заготовках – доске, бруске, гальке и т.д.

Допустимость такого предположения подтверждается рядом плоскостных изображений. На каменном перфорированном диске, найденном в энеолитическом слое поселения Шувакиш I, на одной из плоских поверхностей выгравирована композиция из трех фигур, обращенных головами к центру. Одно изображение целое, второе почти полностью уничтожено сколом, у третьего, по всей

видимости, утрачена нижняя часть – диск с этой стороны имеет деформированный вид, отсутствуют здесь и насечки, идущие по краю. Тела фигур моделированы ромбами, от которых в стороны отходят руки. У наиболее полно сохранившегося экземпляра вид ромба имеют и ноги – немного раздвинутые в стороны и присогнутые в коленях. Головы у изображений отсутствуют. На этом основании автор находки трактует их как прорисовки рыб (Чаиркина, 1998, с. 93). Сколько-нибудь достоверных изображений рыб эпохи неолита – энеолита на Урале и Зауралье, в отличие от Восточной Сибири, пока не известно. По крайней мере, до сих пор они не зафиксированы ни среди скульптурных изображений, ни на многочисленных писаницах, ни среди зооморфных фигур на керамике. Думается, правильнее воспринимать этот образ как антропоморфный. Эту точку зрения подтверждает недавняя находка аналогичного перфорированного диска около г. Нижнего Тагила (Сериков, 2002, с. 144-148, рис. 5 – 1). На лицевой стороне изделия вырезаны изображения двух антропоморфных фантастических существ. И хотя гравировки выполнены в иной графической манере, скорее близкой «скелетному стилю», прочтение антропоморфов не вызывает сомнений, тем более, что они имеют параллели в наскальных изображениях.

В наскальной уральской живописи антропоморфные изображения с телом в виде ромба (ромбов) также встречаются, хотя их значительно меньше, чем линейных или фертообразных. В первой группе Аллакских писаниц, которые отличает особая насыщенность антропоморфными сюжетами, присутствует парное изображение (фиг. 11,12), где тулово и ноги обозначены фигурами, приближающимися к ромбу (Петрин, 1976, с. 155, рис. 1). Голову заменяет небольшой выступ. Чуть ниже еще один ромб (фиг. 8), от которого вверх отходит длинная вертикальная полоса, заканчивающаяся небольшой развилкой – знак головы у целого ряда антропоморфных изображений – так называемых «ушастых людей». По мнению одного из авторов данной статьи (В.Т. Петрина), ромбом показано туловище, по мнению другого (И.В. Усачева) – расставленные и чуть согнутые в коленях ноги.

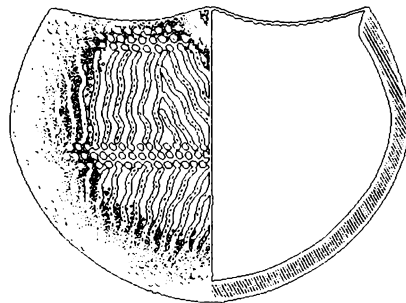
Анализ плоскостных изображений дает ключ к пониманию смысла ромбической структуры антропоморфов. В наскальных рисунках Урала для них характерна прорисовка раздвинутых ног. Наиболее употребимы две позиции: обе ноги прямые или одна нога прямая, другая согнута в колене, что придает определенный динамизм композиции. Реже в коленях согнуты две ноги, как правило, они не смыкаются в ромб, хотя иногда близки к нему (Идрисовская и Айская писаницы, Ирбитский и Тагильский писанные камни и т. д.) (Петрин, Широков, 1987, рис. 3; Чернецов, 1971, табл. 1, рис. 51). Но возможен и вариант ромба. Так, например, на Кульметовском панно присутствуют сразу оба варианта (Широков, 1990, рис. 11). Таким образом, ромбовидная фигура в нижней части тулова довольно устойчиво связана с особой позицией ног – чуть раздвинутых и присогнутых в коленях. Зародившись в каменном веке, традиция такой манеры изображения ног в среде уральских народов, доживает, как минимум, до средневековья, о чем свидетельствуют многочисленные гравировки на металлических предметах (Гемуев и др., 1989, с. 92, 96, 97).

Расшифровать ромб средней части антропоморфов («тулово») помогают так называемые «фертообразные фигуры» наскальных изображений. Их отличает особое положение рук – согнутых в локтях и упертых в бедра. Обычно руки передаются скругленными, что придает фигурам облик буквы «Ф». В тех же случаях, когда локтевой изгиб обозначен, абрис рук приближается к ромбу (Ирбитский писанный камень, Писанный камень на р. Тагил, Идрисовская писаница, Араслановская писаница и т.д.) (Петрин, 1971, рис. 2 – 5; Петрин, Широков, 1987, рис. 3 – 1; Чернецов, 1971, рис. 51). Встречаются упрощенные варианты изображений, у которых руки прорисованы, а линия тулова отсутствует (Аллакская писаница, II гр.) (Петрин, 1976, с. 155, рис. 1; Чернецов, 1971, рис. 34). Поскольку «фертообразная фигура» относится к одному из наиболее распространенных образов уральских наскальных изображений, она должна была вызывать достаточно устойчивые ассоциации. Поэтому вполне уместно допустить, что, по крайней мере, в ряде случаев, переданное ромбом тулово есть не что иное, как редуцированный вариант фертообразной позы с акцентом на руки, согнутые в локтях.

Если наши предположения правильны, то вертикальная цепочка из одного (только тулово), двух (тулово и ноги), трех (тулово, ноги, голова?) ромбов в определенном контексте должна восприниматься как изображение человека. Возможно, множественность ромбов в цепочке или изображение косой сетки могли обозначать множественность людей. В этом плане чрезвычайно интересным может оказаться анализ сложного резного орнамента на «Большом шигирском идоле».

ЛИТЕРАТУРА

- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. 1989. Легенды и были таежного края. Новосибирск.
- Иванов С.В. 1970. Скульптура народов Севера Сибири. Л.
- Мошинская В.И. 1976. Древние скульптуры Урала и Западной Сибири. М.
- Панина С.Н. 1988. Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. 19. Свердловск.
- Петрин В.Т. 1971. Писаница на р. Уфе около железнодорожной станции Арасланово // СА. № 4.
- Петрин В.Т. 1976. Новые данные о писаницах с берегов оз. Большие Аллаки // СА. № 1.
- Петрин В.Т., Широков В.Н. 1987. Об одном антропоморфном сюжете с Шайтанской писаницы // Антропоморфные изображения. Новосибирск.
- Савченко С.Н. 1999. История формирования коллекции шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Екатеринбург.
- Сериков Ю.Б. 2002. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Чаиркина Н.М. 1998. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // ВАУ. Вып. 23. Екатеринбург.
- Чернецов В.Н. 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4-12. М.
- Широков В.Н. 1990. Писаницы р. Ай // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Свердловск.
- Эдинг Д.Н. 1937. Идолы Горбуновского торфяника // СА № 4.
- Эдинг Д.Н. 1940. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ. Вып. X.

КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ – НОВЫЙ ТИП КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Среди археологических памятников лесного Зауралья да и, пожалуй, Старого Света в целом особое место занимают насыпные земляные сооружения, которые в литературе нередко называют «чудские бугры», «жертвенные холмы», «богатые бугры»¹. Внешне они напоминают хорошо выраженные на поверхности погребальные курганные земляные насыпи (хотя таковыми не являются, о чем ниже), либо знаменитые переднее – и среднеазиатские «тепе», хотя природа образования последних также иная. «Тепе» или «телль» – это археологический памятник, культурные слои которого образовывались во многом за счет разрушения остатков построек с глинобитно-сырцовою архитектурой, последовательно сооружаемых длительное время на одном и том же месте.

Раскопками исследовались три холма – Махтыльский, Усть-Вагильский в Гаринском районе и Кокшаровский – в Верхнесалдинском районе Свердловской области (рис. 1). На двух первых проведены только рекогносцировочные работы. Последний изучен полнее. Его многолетние исследования с 1995 г. осуществляет экспедиция Института истории и археологии УрО РАН под руководством автора статьи (в 1995, 1997 гг. в раскопках Кокшаровского холма принимала участие и В.Д. Викторова).

Кокшаровский холм расположен на покатом южном коренном берегу Юрьинского озера. В физико-географическом отношении это лесная зона Зауральяского пенеплена, холмисто-волнистой возвышенности, выходящей уже за пределы восточных отрогов Уральского хребта. К востоку она переходит в равнинную Западно-Сибирскую низменность.

Холм представляет собой искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м высотой от 1 м в южной и до 3,5 м в северной части (на кромке берегового уступа коренного берега). По образному выражению одного из первых исследователей этого памятника – Д.П. Шорина (30-е гг. XIX в.) – здесь насыпаны 200 конских возов земли. Сам холм находится посередине неолитического Юрьинского поселения, жителями которого он и был возведен. Время функционирования комплекса – от раннего неолита до второй половины I тыс. н.э. Помимо неолитических, в культурных слоях холма отмечены находки эпохи энеолита (III тыс. до н.э.) и батырского типа (вторая половина I тыс. н.э.). Причем, средневековый комплекс находок также, видимо, культовый.

В литературе высказывались три версии интерпретации функционального назначения холма. Первая версия – это погребальный курган. Вторая – возникновение холма стало результатом сооружения на одном и том же месте больших жилищ с мощной земляной обваловкой, накладывающихся друг на друга. Такой тип жилищ хорошо известен в этнографии коренных народов таежной зоны Урало-Западносибирского региона – ханты, угров по этно-языковой принадлежности. Третья версия – это жертвенный (культовый) комплекс-святилище.

Первые две версии не имеют достаточных археологических подтверждений. Третья, выдвинутая В.Ф. Старковым (Старков, 1969), таковые имеет.

Холм до революции неоднократно подвергался грабительским раскопкам «бугровщиков» (его принимали за большой курган), а также исследовался археологами-краеведами, поэтому во многих местах (особенно в верхних горизонтах) он перекопан. В 50-е – начале 60-х гг. западная его половина исследована раскопками А.И. Россадович, но материал остался неопубликованным. В 1964 г. юго-восточная часть холма уничтожена Басьяновским торфопредприятием. Отсюда экскаватором

¹ Термин «чудские бугры» применялся археологами XIX – начала XX вв. для обозначения особого типа археологических памятников. Понятие использовалось в более широком смысле и включало в себя, помимо жертвенных холмов также погребальные курганы южнотаежной и лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири с хорошо фиксируемой в рельефе земляной погребальной насыпью.

взят грунт для строительства гаража. Таким образом, нетронутой к 1995 г. осталась только северная часть холма площадью около 100 кв. м (рис. 2).

Стратиграфия холма, благодаря его насыпному характеру (причем грунт для подсыпки брался прямо с территории функционировавшего Юрьинского поселения), чрезвычайно сложна. Объясним ее на примере наиболее информативного стратиграфического разреза, полученного в центральной части памятника в 1995 г. Описание выделенных слоев для удобства последующей интерпретации холма приводится в обратной последовательности – от основания к вершине (рис. 3):

1) материк (слой 9 в нумерациях профиля) – желтый или светло-коричневый крупнозернистый песок с большим включением гальки, либо светло-серая или светло-коричневая глина. Его фиксация начинается с глубины от -210 в южной до -310 см в северной части холма (от условного «0»). Обычно верхняя граница этого слоя фиксируется на глубине -220-230, -250-260, -290 см в разных частях памятника;

2) слой мощностью 20-40 см, состоящий из перемешанных или замытых (?) тонких (1-3 см) прослоек углей, светло-серой и желтой материковой глины (слой 8). Он лежит над материковым основанием значительными линзами, но не везде. Близок ему и слой 7, имеющий ту же структуру, но прослойки угля и материкового песка и глины в нем не замыты и прослеживаются в четкой горизонтальной зональности;

3) темно-серый суглинок (слой 6), интенсивно насыщенный углем, мелкими пятнами (мощностью 1-2 см) прокалов и светло-коричневого суглинка. Залегает либо на материке, либо над 8 и 7 слоями (линзами). Это (как и слои 7,8) – нижний основной слой холма, вероятно, характеризующий самый ранний этап его подсыпки и функционирования. Мощность этих отложений в разных частях колеблется от 7 до 40 см, но, как правило, составляет 20-30 см. Обычно этим же суглинком заполнены канавы и ямы, углубленные в материк. Иногда в него вклиниваются прослойки угля, прокалов и прокаленного суглинка мощностью до 27 см. Несомненно, этот слой несет в себе ярко выраженные следы воздействия огня;

4) темно-серый однородный суглинок (слой 3) с интенсивным включением угля и гальки. Мощность этого слоя в разных частях холма колеблется от 8 до 106 см, чаще не превышает 40 – 80 см. Как правило, он залегает над слоем 6, иногда отделен от него углисто-прокаленной прослойкой суглинка – слои 10, 11 мощностью 2-8 см (иногда и более) – или включает в себя одну-две таких прослойки (линзы). Крайне редко лежит на материке. Не исключено, что эти прослойки маркируют определенные горизонты обитания неолитического населения на холме. Нередко слой перерезан переотложенными слоями 4, 5 (структуру их смотри в легенде к рис. 3) – заполнение каких-то более поздних, чем неолитические, ям или грабительских (любительских) дореволюционных раскопов, не доведенных до материка. Слой 3 маркирует второй этап подсыпки холма. Он фиксирует также (по прокалено-углистым прослойкам 10, 11), по крайней мере, два горизонта обитания древних людей на этом уровне подсыпки памятника. Над этим слоем на большей площади холма залегает явно переотложенный слой 3а. Это темно-серый суглинок с включением темно-коричневого суглинка, угольков и гальки. Образовался слой 3а, скорее всего, в результате постоянных перекопов и смешения основных слоев холма 3 и 2 (описание слоя 2 приведено ниже). В некоторых частях над слоем 3 залегают слои 9а и 9б. Это материковые слои в переотложенном состоянии – выкиды из раскопов и ям, углубленных в материк;

5) выше слоев 3 и 3а залегает темно-коричневый суглинок с небольшим включением угля и гальки (слой 2). Видимо, это верхний насыпной слой холма. Его мощность в разных частях колеблется от 13 до 186 см. Как правило, он находится под лежащими выше переотложенными слоями 2а, 1б (их структуру смотри в легенде к рис. 3). В среднем, мощность слоя 2 была в пределах 1 м и более.

И, наконец, самый верхний слой холма – это современный дерн и темно-серая гумусированная супесь с небольшим включением угольков и гальки. Это отвалы раскопов А.И. Россадович или осыпь экскаваторной ямы. Мощность слоя 1 в разных частях холма от 10 до 106 см, обычно – 40-50 см.

Таким образом, по стратиграфии раскопов можно предполагать наличие на холме трех (6, 3, 2) основных насыпных культурных слоев. Не исключено, что они отражали не менее трех этапов подсыпки холма в древности. Углисто-прокаленные прослойки в слоях 6 и 3, возможно, маркировали более дробные горизонты в функционировании памятника (горизонты обитания и жизнедеятельности древних людей). В древности холм мог иметь высоту примерно на 1 м ниже современной, т.к. его верхние слои 1, 1б, 2а носят явно переотложенный характер. Все основные непотроженные слои несут в своей структуре явные следы воздействия огня.

Керамика Кокшаровского холма представляет три археологические эпохи: неолит, энеолит, средневековье. Керамика всех эпох изготовлена, видимо, на месте, во всяком случае, в пределах горно-лесного Зауралья, на что указывает примесь талька в тесте абсолютного большинства сосудов, которая характерна только для культур этой территории.

Самая многочисленная категория – керамика эпохи неолита. Она представлена 4 типами: кокшаровско-юринским (козловским), кошкинским, басьяновским (боборькинским) и полуденским (рис. 4, 5). Подробное описание специфики этих комплексов в научной литературе уже приводилось (Шорин, 1999; 2000; 2001). Самыми многочисленными типами посуды являются кошкинский и кокшаровско-юринский. Причем только на сосудах последнего есть зооморфные налеты (рис. 4 – 1, б).

Стратиграфическое и планиграфическое распределение этих типов неолитической посуды отражено в таблицах 1, 2.²

Анализ этих таблиц показывает, что явную тенденцию тяготения к нижним слоям холма (6, ба, 8) в его центральной части имеют фрагменты басьяновского типа (58,9 %). Да и большая их часть сосредоточена в центральной (85,2/54,1 %), а не периферийной части памятника (14,8/9,4 %) (см. табл. 2). Это свидетельствует о раннем возрасте посуды басьяновского типа в культурных слоях святилища. Кошкинская керамика также имеет четко выраженную тенденцию тяготения к среднему (3) и нижнему (6, ба, 8) слоям холма (соответственно 51,6 и 28,4 %), нежели к верхнему (2) – 7,4 % как в центральной, так и периферийной частях (верхние слои 20, 21 – 34,4 %, нижние слои 22, 24 – 65,6 %). В центральной части памятника ее в два раза больше (табл. 2), чем в периферийной (65,4/37 % против 34,6/19,6 %). Кошкинское население, таким образом, также, видимо, принимало участие в сооружении холма уже на раннем этапе. Однако проживало оно на Юринском поселении достаточно долго, т.к. объект 5, где встречены перевернутые вверх дном кошкинские сосуды, сооружен на материке, но в южной периферийной части холма, а фиксация культового объекта 12 с двумя перевернутыми вверх дном кошкинскими сосудами началась уже в среднем слое 3 (объект до материка не исследован). Примерно ту же тенденцию стратиграфического и планиграфического распределения имеет керамика кокшаровско-юринского типа (см. табл. 1 и 2). Перевернутые вверх дном кокшаровско-юринские сосуды отмечены в объекте 3, возведенном в центральной части холма в нижнем слое 6, и в объекте 7, зафиксированном в восточной периферийной части, но в нижнем слое 22. Распределение керамики полуденской культуры в центральной части памятника иное: она тяготеет к среднему (3) и верхнему (2) слоям святилища (соответственно 52,8 и 32,8 %), в нижних (6, ба, 8) слоях ее мало (14,4 %) (см. табл. 1). На первый взгляд «странное» распределение полуденской керамики в восточной периферийной части холма, где она явно тяготеет не к верхним (20, 21), а нижним (22, 24) слоям (соответственно 27,2 и 72,8 %), имеет свое логическое объяснение, причем в пользу более позднего, а не раннего участия полуденских групп населения в ритуальных действиях, проводимых на святилище. Холм «рос» от центра к периферии, поэтому большое количество самой поздней на святилище полуденской группы керамики в периферийной части памятника даже в нижних его слоях вполне объяснимо. Кстати, как видно из таблицы 2, полуденская керамика более равномерно распределена по центральной и восточной периферийной частям холма (соответственно 47,8/26,0 и 52,2/28,4 %), чем керамика других неолитических культур. Кошкинские, басьяновские и кокшаровско-юринские фрагменты явно в большем количестве сосредоточены в центральной, нежели в периферийных частях святилища (табл. 2). Косвенным свидетельством относительно позднего времени появления полуденского населения на Кокшаровском холме является тот факт, что до сих пор не зафиксирован ни один ритуальный объект с сосудами полуденской культуры.

Ритуальные объекты на памятнике (а их сейчас раскопано свыше 10) представлены остатками деревянных прямоугольных конструкций размером 2 x 2 м, а иногда и больше – около 5 x 5 м, высотой не менее 40 см.³ (рис. 7). Конструкции в ряде случаев перекрыты чередующимися прослойками светлого материкового песка и углистыми прослойками либо сооружены на «подушках» из таких прослоек. Не исключено, что конструкции преднамеренно сжигались, свидетельством чего является наличие мощных кострищ и прокаленных прослоек в культурных слоях холма, особенно в зоне таких сооружений. Огненные ритуалы играли, по-видимому, существенную роль в культовых действиях, проводимых на Кокшаровском холме. Внутри или рядом с некоторыми из таких построек найдены перевернутые вверх дном сосуды. Причем, с каждой постройкой связан тот или иной тип керамики: кошкинский тип обнаружен в постройках № 5, 12, кокшаровско-юринский – в № 3, 7; басьяновский – в 80 см от постройки № 13.

Реконструировать такие постройки с абсолютной достоверностью невозможно. Есть основания считать, что они могли напоминать этнографически фиксируемые у ряда народов уральской языковой семьи культовые амбарчики, называемые сумьях у манси (рис. 8 – 1), куала у удмуртов, tonx-tapas, jem-

² В восточной периферийной части холма цветность слоев несколько иная. Здесь слои, обозначенные цифрами 20, 21, соответствуют верхним слоям холма, а 22, 24 – нижним.

³ Иногда в непосредственной близости от таких сооружений или внутри них отмечены конструкции меньших размеров: 55 x 35, 80 x 55 см (рис. 7 – 4,5). Малые размеры не исключают возможности трактовки их как сундуков для жертвоприношений, подобно тем, что фиксируют этнографы у ханты и манси.

pasan-tapas, tormi-lunki-kat (амбар духов, священные амбары, хижина бога-духов) у хантов (рис. 8 – 2) (Карьялайнен, 1995, с. 76-78; Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, Бауло, 1999; Шутова, 2001).

Помимо упомянутых находок, на холме встречены специфические артефакты, комплекс которых можно трактовать как культовый. Это сосуды с зооморфными налестками (один целый, в обломках – более 30 экземпляров) (рис. 9 – 1; 6), «утюжки» (рис. 9 – 1-4), обломки двух глиняных предметов сферической формы. Один из них сплошь покрыт орнаментом, воспроизводящим особенности декоративных канонических украшений сосудов кокшаровско-юринского типа (рис. 9 – 5), другой – без орнамента. Также обнаружены глиняная головка уточки (рис. 9 – 6), обломок обушковой части сланцевого шлифованного ножа серповидной формы, оформленный в виде головки птицы (рис. 9 – 7), сверленная орнаментированная каменная булава в виде стилизованной головы животного – медведя или бобра (рис. 10).

Каменный инвентарь Кокшаровского холма многочисленен и разнообразен (рис. 11-13). Большая его часть привнесена на святилище вместе с подсыпкой, которая, как отмечено ранее, бралась с территории (из культурных слоев) Юринского поселения. Но специфические особенности в анализируемом комплексе все же имеются. В частности, обращает внимание присутствие большого количества обломков шлифованных орудий и абразивных плит при единичности целых экземпляров, находки небрежно обработанных орудий, изготовленных из некачественного сырья, в том числе и наконечников стрел (фактически, «имитаций» орудий), и ряд других особенностей.

Даже поверхностный анализ материалов Кокшаровского холма подчеркивает его специфичность среди археологических памятников не только Урала, но и Старого Света. Есть основания трактовать его как особый тип культовых комплексов Северной Евразии.

Какие факты могут обосновывать культовый характер Кокшаровского холма?

Во-первых, насыпной характер памятника, возведение которого потребовало значительных трудовых затрат, учитывая даже тот факт, что анализ его стратиграфии позволяет предполагать, что он был сооружен не в один, а минимум в три приема. Все эти подсыпки произведены в неолитическую эпоху. Такие трудовые затраты в качественном отношении, на мой взгляд, могут быть сравнимы с усилиями, затраченными на возведение таких известных культовых комплексов Старого Света, как знаменитые «хенджи» Британских островов, «ронделлы» Центральной Европы и им подобные, хотя архитектура и семантическое значение холмов иные.

Во-вторых, расположение памятника посередине одновременного ему Юринского поселения. Община, проживавшая здесь и возводившая Кокшаровский холм, являлась не только гетерогенной, но объединяла в себе группы населения, имевшие явно разные культурогенетические (а может быть, и этнические) истоки. Автохтонными для лесного Зауралья принято считать комплексы кокшаровско-юринского (козловского) и полуденского типов. Пришлыми группами населения с более южных от лесного Зауралья территорий оставлены басьяновские (боборыкинские) и кошкинские комплексы керамики. Подобная ситуация и в другие археологические эпохи не так уж часто отмечается на «обычных» поселенческих памятниках Северной Евразии.

В-третьих, фиксация в слоях памятника остатков уже отмеченных деревянных прямоугольных культовых конструкций, которые преднамеренно сжигались.

В-четвертых, на холме встречены специфические артефакты (утюжки, булава и др.), комплекс которых можно трактовать как культовый (рис. 9, 10).

В-пятых, нахождение целых сосудов, обычно перевернутых вверх дном, внутри или рядом с сооружениями.

Наконец, в-шестых, некоторые специфические особенности кремневого и каменного инвентаря Кокшаровского холма, отмеченные выше.

Изложенные факты усиливают аргументацию в пользу интерпретации Кокшаровского холма как культового комплекса-святилища, сооруженного в эпоху неолита населением гетерогенной общины, проживавшей на Юринском поселении. Но, возможно, это святилище являлось культовым центром населения более значительной территории Зауралья и могло быть межплеменным святилищем. Основанием для такого предположения является факт фиксации на холме культовых построек, рядом или внутри которых найдены сосуды, принадлежащие как автохтонным (кокшаровско-юринский тип керамики), так и пришлым в этот регион группам населения (кошкинский и басьяновский типы керамики). В этнографии угорских народов – ханты, манси – известны межгрупповые святилища, собиравшие в важные календарные праздники население со значительной округи, расположенной в нескольких днях пути от общего культового центра. При малой плотности населения в таежной зоне Евразии эти расстояния до общего культового центра могли быть значительными.

Специфика этого культового центра определена и тем обстоятельством, что здесь в единый культурно-мифологический комплекс объединены воззрения, видимо, различных по этногенетическим истокам групп зауральского населения.

Изложенное выше дает определенные основания для реконструкции некоторых особенностей мировоззренческих представлений создателей Кокшаровского холма.

Во-первых, возведение на равнинном ландшафте искусственной горы дает возможность предполагать существование особого культа этого элемента рельефа у древних уральцев.⁴ По данным этнологии, культ горы хорошо известен у традиционных обществ Урала (и не только у них). Обычно гора выступает связующей осью горизонтально-вертикальной мифологической картины мира традиционных обществ. Истоки подобных воззрений уходят, видимо, в глубокую древность.

Во-вторых, наличие в культурном слое памятника уже упомянутых подпрямоугольных конструкций. Вероятность их интерпретации как культовых сооружений (домиков, амбарчиков) достаточно высока. Различный размер построек дает основание предполагать, что они могли принадлежать разным по значению сегментарным структурам общества (семье? линиджу? клану? общине? и т.д.). Возведение на святилищах культовых объектов, в том числе домиков-амбарчиков для хранения семейных ритуальных приношений и общественных домов для хранения приношений более широкого структурного подразделения первобытного общества, также типичный признак культовых комплексов многих традиционных обществ. (Видимо, ритуал сооружения на культовых местах особых хранилищ для жертвоприношений восходит к глубокой древности). Характерным элементом является и обычай преднамеренного сжигания культовых построек и, если смотреть шире, использование в ритуальных действиях огненных ритуалов.

В-третьих, наличие на ряде сосудов, прежде всего кокшаровско-юрьинского типа, зооморфных налепов. Стилистически передача налепов различна, следовательно, различна и их смысловая нагрузка. Перспективен их анализ с позиции реконструкции, например, тотемистических или иных представлений их создателей.

В-четвертых, присутствие в комплексе глиняной (головка уточки) и каменных поделок (уточка, булва в форме головы бобра или медведя), а также глиняных «утюжков», культовый характер использования которых весьма вероятен. Примечательно, что каменная головка уточки (рис. 9 – 7) найдена в одной из культовых построек (№ 12), сооруженной населением кошкинской культуры. Общеизвестно, что водоплавающая птица является одним из основных персонажей в мифах народов уральской языковой семьи о творении окружающего мира или, по крайней мере, его земной тверди. Не чужд этот образ и мифологии индоевропейских народов, в частности, в виде мифемы о творении мира из яйца птицы⁵.

Приведенные примеры позволяют предполагать глубокую древность многих воззрений, в том числе и культовых, современных традиционных обществ. Возможна также констатация высокого уровня развития всех сторон жизнедеятельности населения лесной зоны Урала в неолитическую эпоху – населения, еще не перешедшего к производящей экономике, базирующегося на стабильном получении избыточного продукта в условиях господства присваивающих отраслей хозяйства.

Эти северные общества неолитической эпохи по уровню своего развития, видимо, мало в чем уступали обществам южной зоны Евразии, начавшим осваивать производящие формы хозяйства. Иными словами, присваивающая экономика в условиях благоприятных природно-климатических факторов (атлантический период по палеоклиматической периодизации голоцена), стабильных пищевых ресурсов и оседлом образе жизни оставляла время северным обществам заботиться не только о «хлебе насущном», но и осмысливать окружающий мир, свое место в этом мире. Отсюда и возникновение существенных по трудозатратам земляных культовых объектов, не имеющих прямых аналогов в других регионах Старого и Нового Света. В связи с этим вполне правомерна постановка вопроса о возможном структурировании северных обществ как сложных социальных систем в рамках пока еще классической первобытности.

⁴ Здесь уместно заметить, что и в последующие археологические эпохи (энеолит, эпоха средневековья) эта «гора» (Кокшаровский холм) привлекала внимание местного населения. Особо выразителен культовый комплекс, оставленный на ее вершине населением батырского культурного типа середины – второй половины I тыс. н.э. Он носил воинскую направленность (рис. 14) и, вероятно, отражал ранние этапы становления знаменитого угорского «былинно-богатырского» эпоса. Это период формирования предгосударственных отношений у обских угров, близких по форме вождеству (chiefdom), накануне включения этих территорий в состав Российского государства. Характер использования холма энеолитическим населением остается неясным: поселение? культовый комплекс?

⁵ Напомню в этой связи находки на холме двух глиняных предметов сферической формы (рис. 9 – 5).

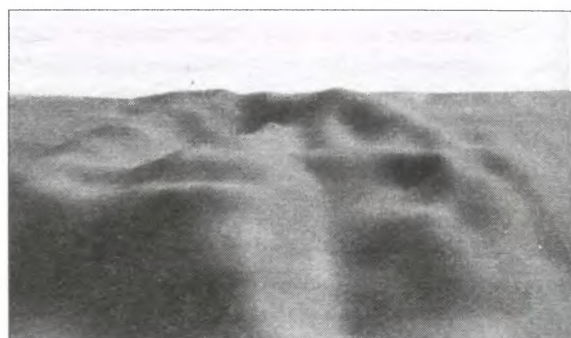
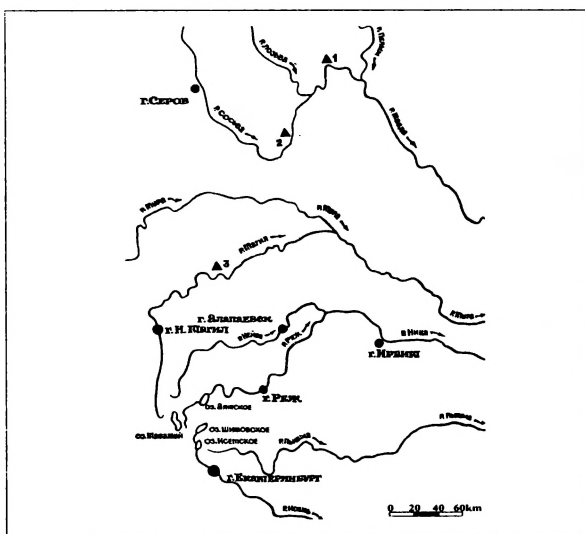

Рис. 2. Компьютерная реконструкция современной поверхности Кокшаровского холма по состоянию на 1995 г., вид с севера (выполнено Барановым Ю.М.)

Рис. 1. Карта расположения «жертвенных холмов» в лесном Зауралье: 1 – Усть-Вагильский; 2 – Махтыльский; 3 – Кокшаровский

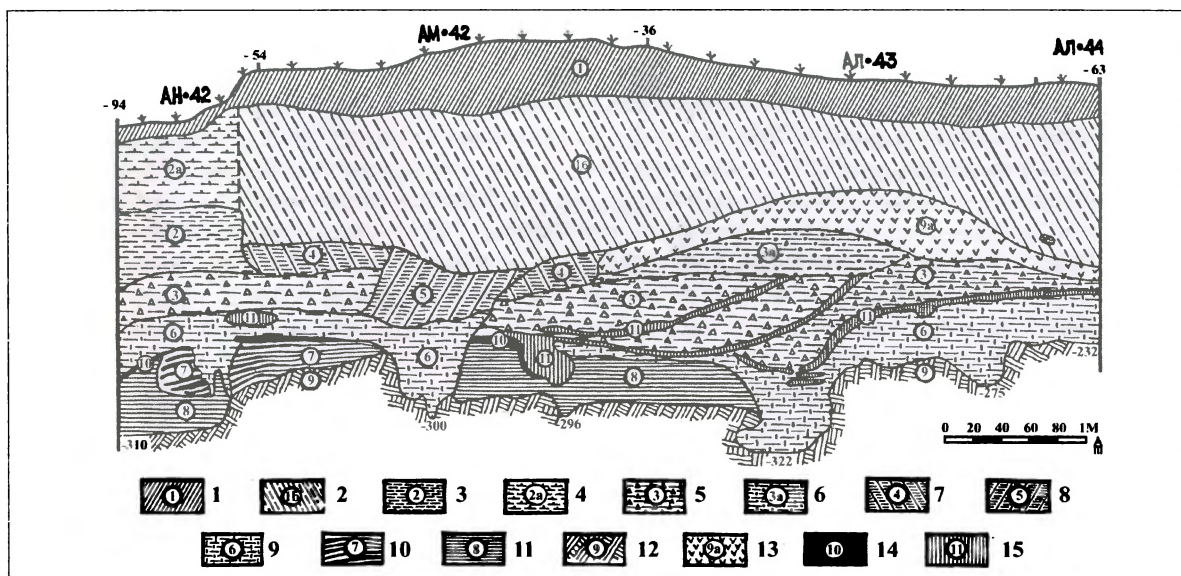

Рис. 3. Стратиграфический разрез Кокшаровского холма в центральной его части: 1 – современный дерн и темно-серая гумусированная супесь с небольшими включениями угольков и гальки – осыпь экваторной траншеи; 2 – темно-серый переотложенный суглинок с включением угольков и гальки – заполнение раскопов и грабительских ям; 3 – темно-сери-коричневый суглинок с небольшим включением углей и гальки – верхний насыпной непоотревоженный слой холма; 4 – рыхлый переотложенный темно-сери-коричневый суглинок с небольшими включениями углей и гальки; 5 – темно-серый однородный суглинок с более интенсивными, чем в слое 2, включениями угля и гальки – средний насыпной непоотревоженный слой холма; 6 – темно-серый суглинок с включением пятен темно-коричневого суглинка, угольков и гальки – переотложенный слой; 7 – серо-коричневый суглинок с интенсивными включениями мелких пятен материкового песка и глины, угля и гальки – переотложенный слой; 8 – перемешанный коричневый суглинок с небольшим включением угля и гальки – переотложенный слой; 9 – темно-серый суглинок, интенсивно насыщенный углем и мелкими пятнами прокалов и светло-коричневого суглинка – нижний насыпной ненарушенный слой холма; 10 – толща тонких, мощностью 1-3 см, прослоек углей, светло-серой и желтой материковой глины и песка – преднамеренная (?) подсыпка в основании холма; 11 – слой, состоящий из перемешанных и замытых прослоек, составляющих слой 7; 12 – желтый и светло-коричневый крупнозернистый песок с большим включением гальки, светло-серая и светло-коричневая глина – материк; 13 – слой материка в переотложенном состоянии – выкиды из ям и раскопов, углубленных в материк; 14 – слой угля или насыщенные углем прослойки суглинка; 15 – прокалы.

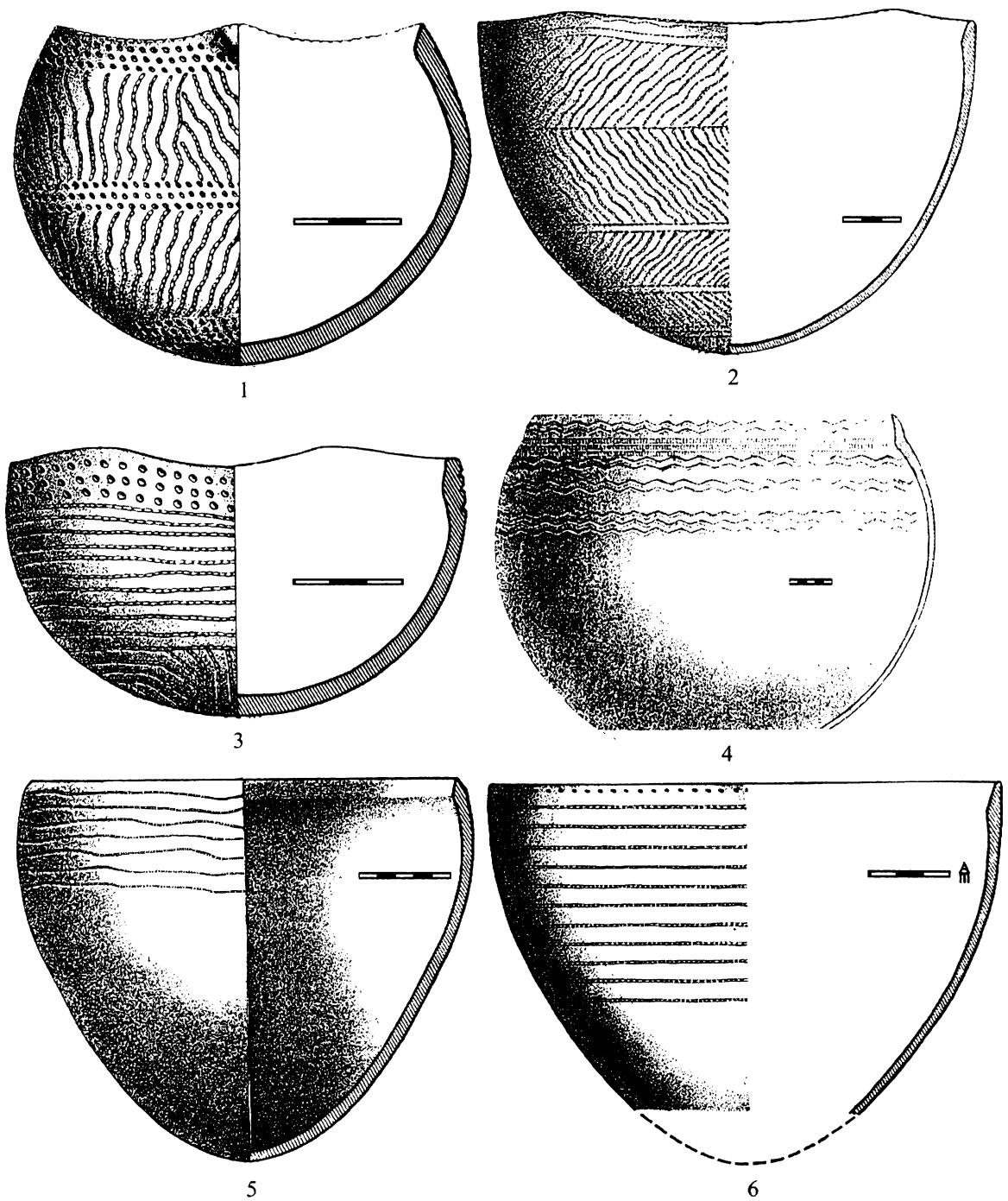

Рис. 4. Неолитические сосуды: 1-3 – кокшаровско-юрьинские; 4 – басыановский; 5, 6 – кошкинские

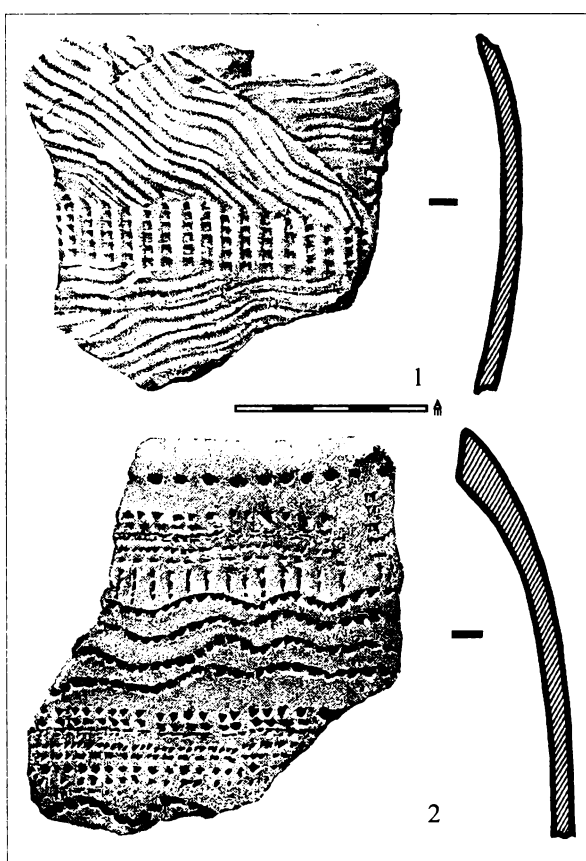

Рис. 5. Керамика полуденского типа

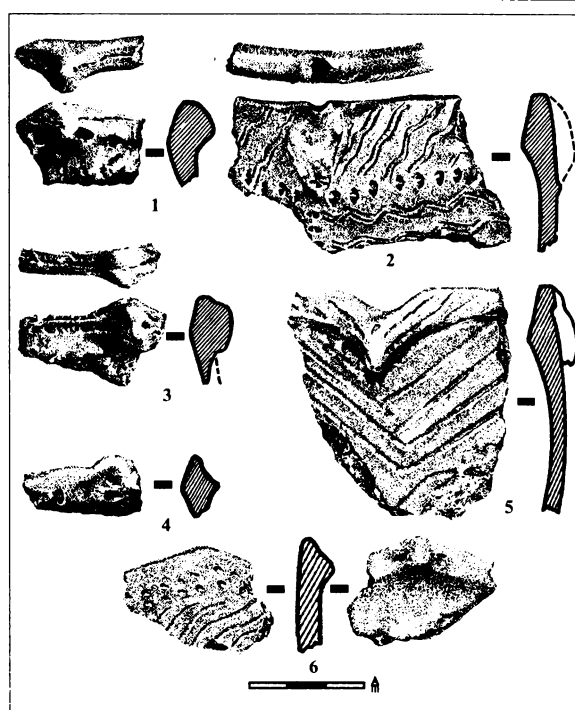

Рис. 6. Керамика кокшаровско-юрьинского типа с зооморфными налепами

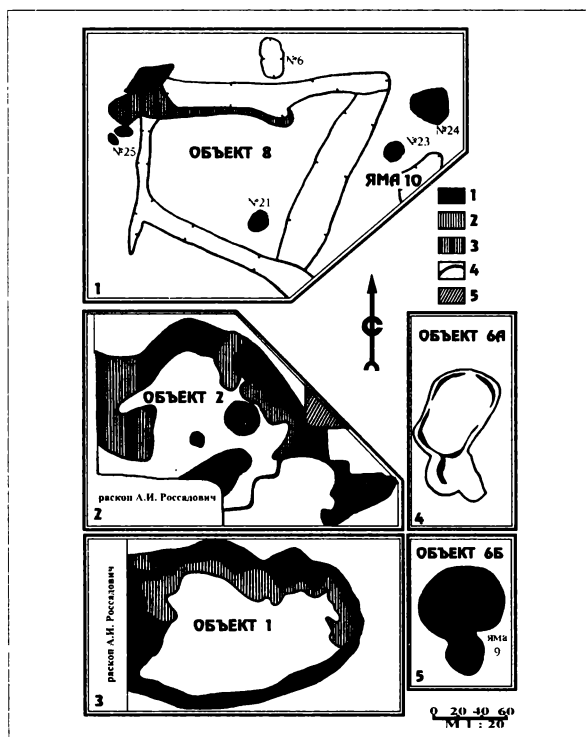

Рис. 7. Планы объектов Кокшаровского холма:

- 1 – углистый слой и углистые прослойки;
- 2 – прокалы и прокаленные прослойки;
- 3 – углисто-прокаленные прослойки;
- 4 – границы раскопов А.И. Россадович;
- 5 – раскопы А.И. Россадович.

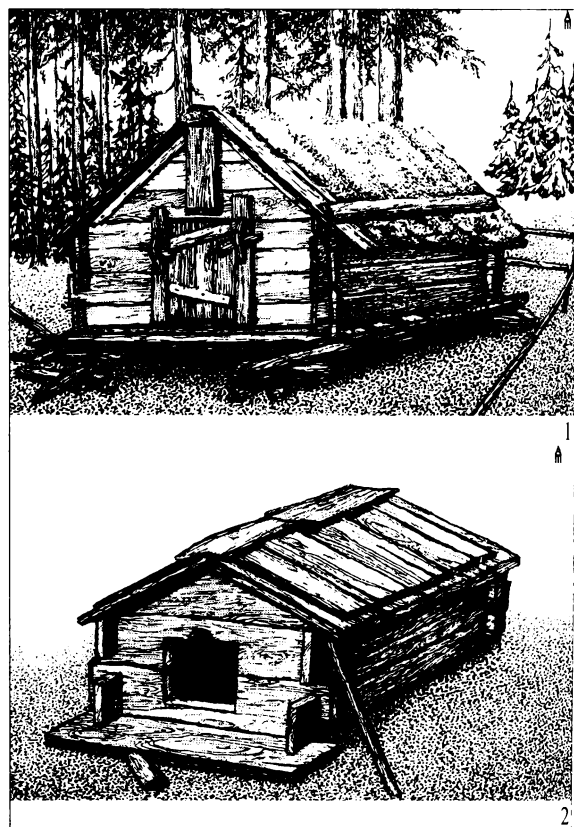

Рис. 8. Культурные постройки угров:
1 – сумьях манси;
2 – жертвенный амбарчик хантов

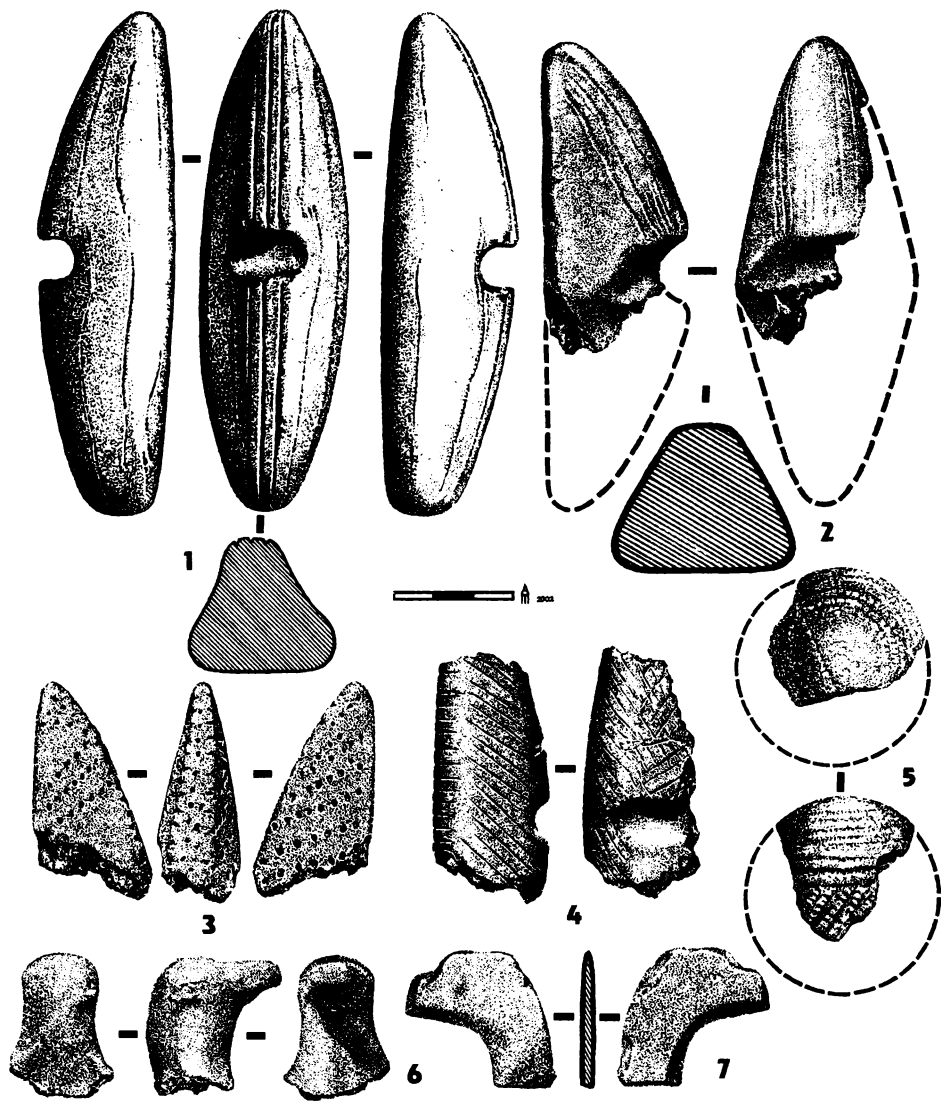

Рис. 9. Культовые вещи: 1-4 – «утюжки»;
 5 – предмет сферической формы с орнаментом;
 6 – головка утки; 7 – обушковая часть ножа,
 оформленная в виде головки утки. 1-6 – глина,
 7 – сланец

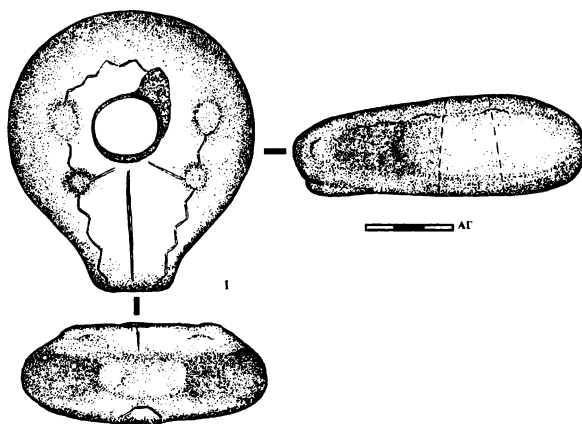

Рис. 10. Сверленая каменная булава

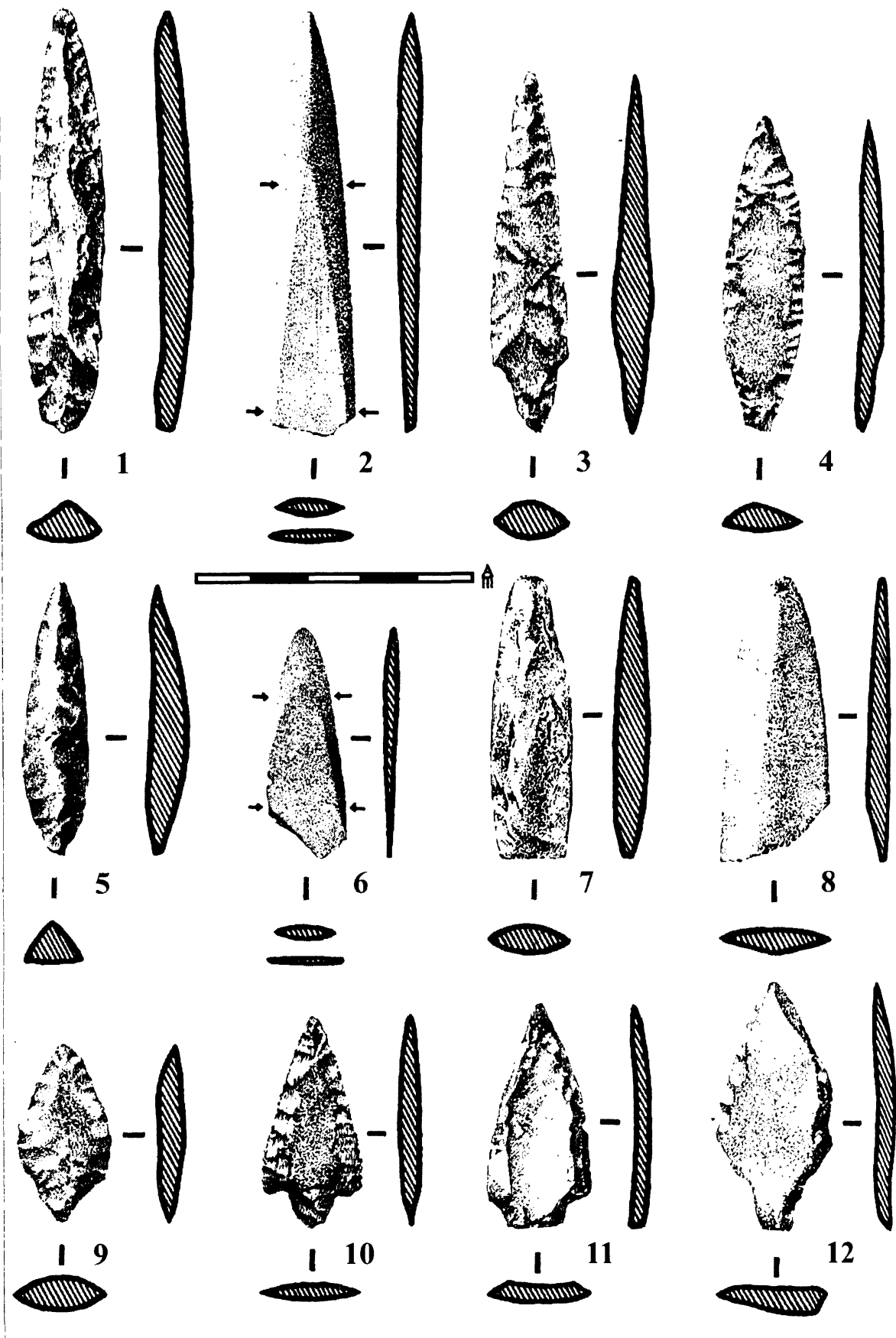

Рис. 11. Наконечники стрел: 1, 3-5, 7, 9-12 – наконечники стрел из кремня и яшмы;
2, 6, 8 – шлифованные наконечники стрел

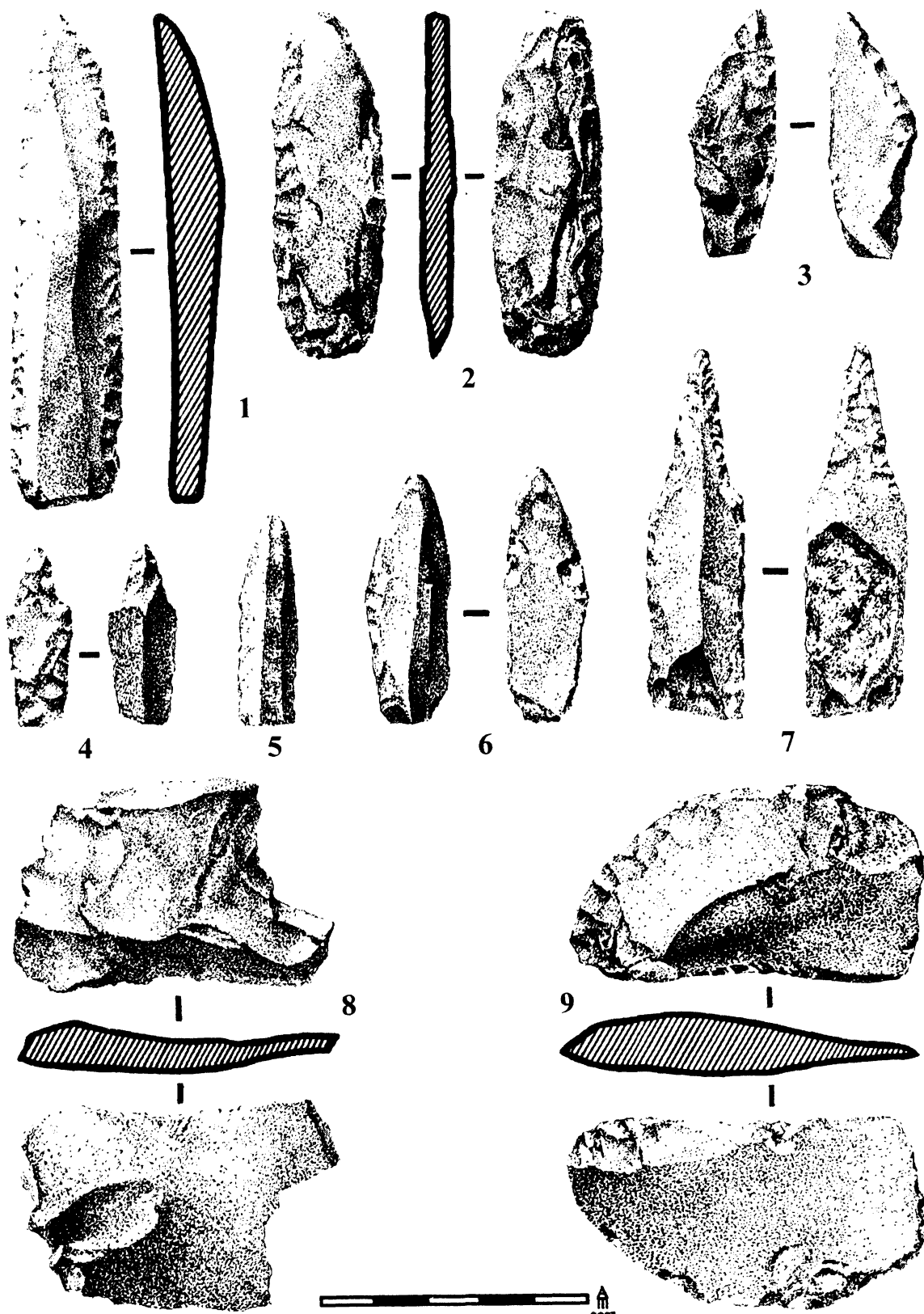

Рис. 12. Каменный инвентарь: 1 – острие, 2, 3 – ножи; 4, 7 – проколки; 5, 6 – сверла; 8 – скребло; 9 – нож

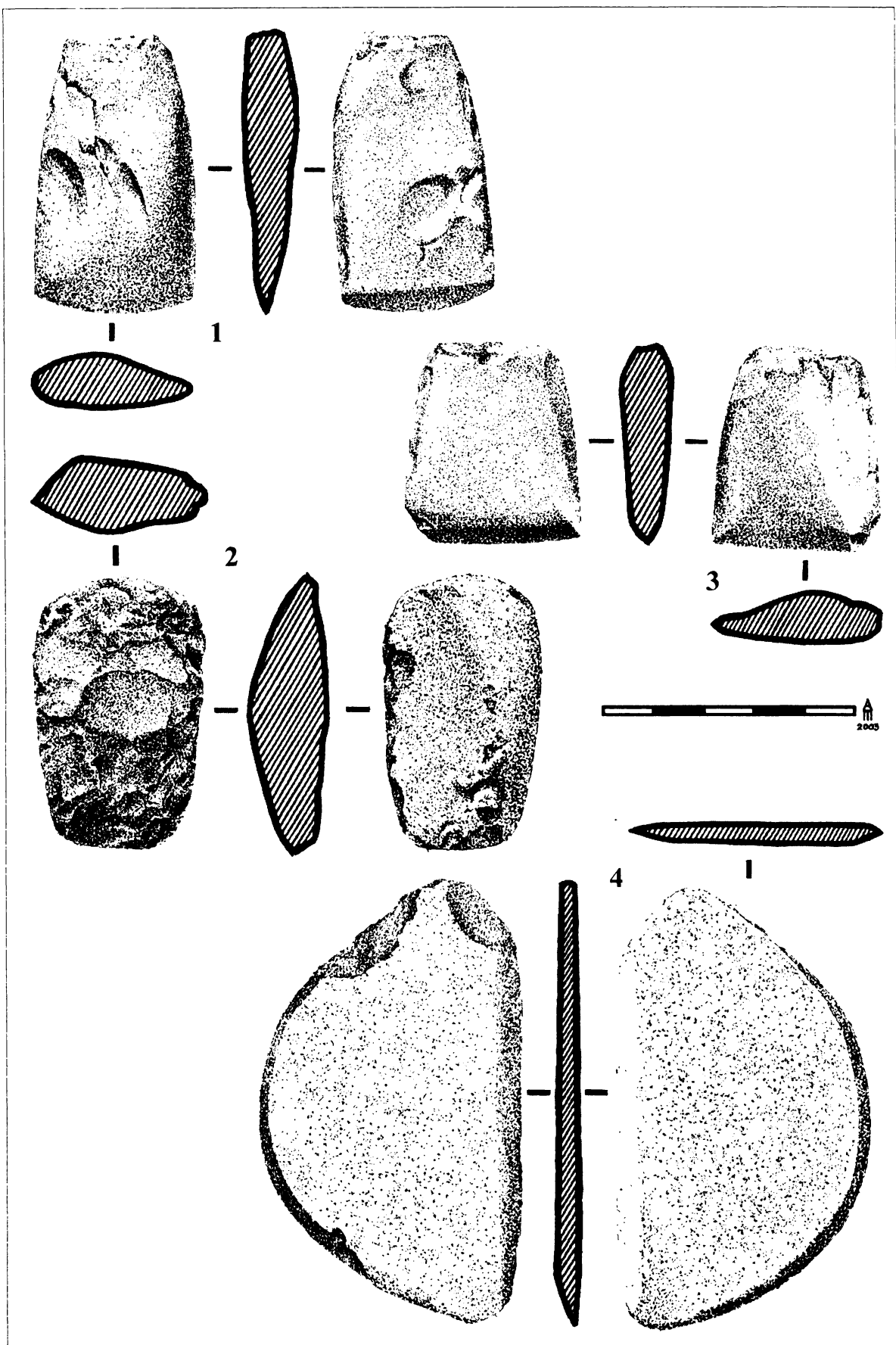

Рис. 13. Шлифованные каменные орудия: 1, 2 – тесла; 3 – топор; 4 – нож

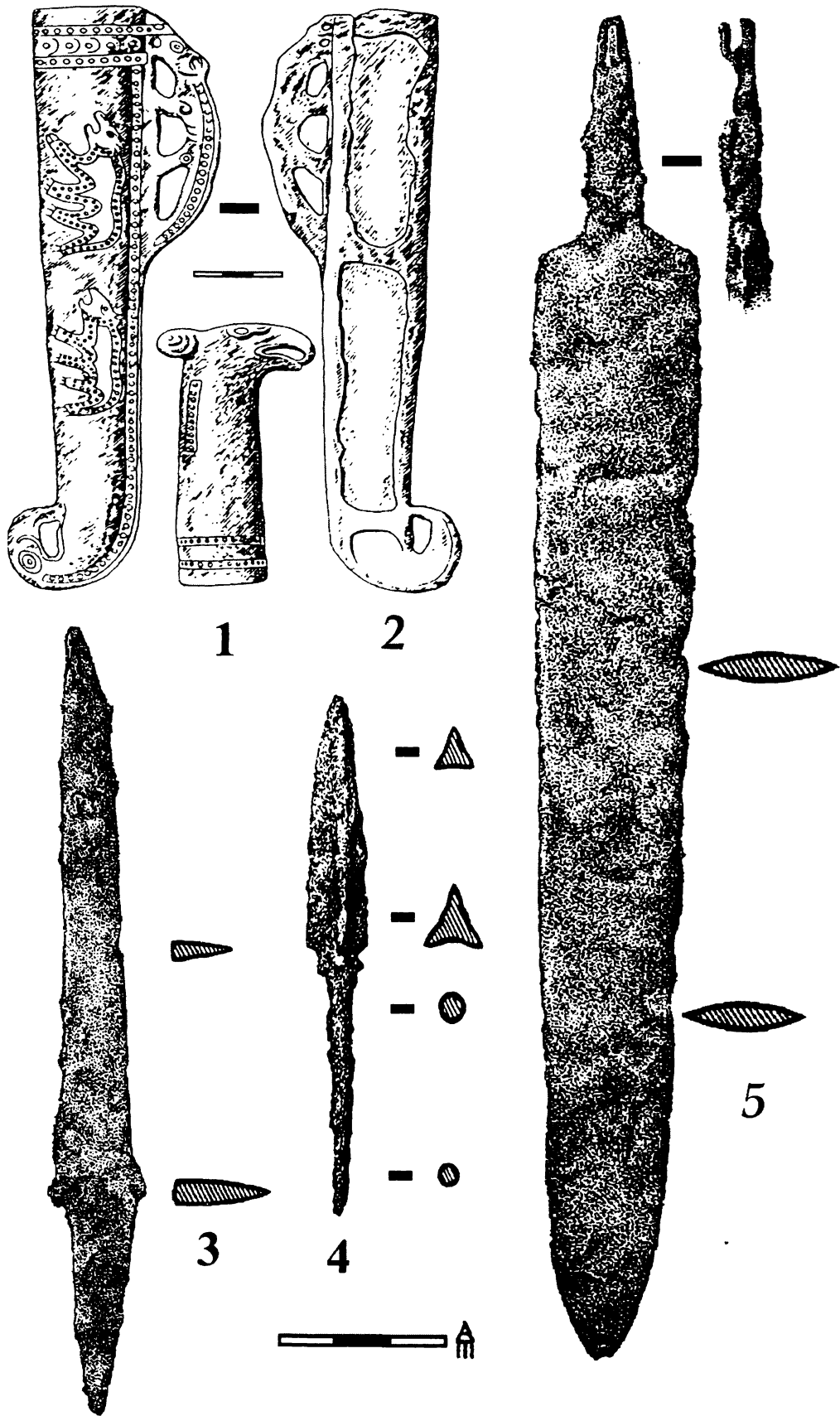

Рис. 14. Батырский культовый комплекс: 1 – навершие кинжала; 2 – ножны; 3 – нож; 4 – наконечник стрел; 5 – кинжал. 1, 2 – бронза; 3-5 – железо

Таблица 1. Распределение неолитической керамики разных культурных типов по основным стратиграфическим слоям кокшаровского холма

СЛОЙ \ ТИП	КОШКИНСКАЯ		БАСЬЯНОВСКАЯ		КОКШАРОВСКО-ЮРЬИНСКАЯ		КОКШАРОВСКО-ПОЛУДЕНСКАЯ		ПОЛУДЕНСКАЯ	
	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ХОЛМА										
2 (верхний)	108	20,0 7,4	29	15,3 8,3	234	28,8 13,2	21	36,8 13,0	98	32,8 8,5
3 (средний)	278	51,6 19,1	49	25,8 14,0	432	53,1 24,4	32	56,2 19,9	158	52,8 13,7
6, 6а, 8 (нижние)	153	28,4 10,7	112	58,9 31,9	147	18,1 8,3	4	7,0 2,5	43	14,4 3,7
ВСЕГО	539 1456		190 351		813 1767		57 161		299 1151	
ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЙНАЯ ЧАСТЬ ХОЛМА										
20, 21 (верхние)	98	34,4 6,7	27	81,8 8,3	110	29,3 6,2	16	25,8 9,9	89	27,2 7,7
22, 24 (нижние)	187	65,6 12,8	6	18,2 1,7	266	70,7 15,1	46	74,2 28,6	238	72,8 20,7
ВСЕГО	285 1456		33 351		376 1767		62 161		327 1151	

Примечание: вторая цифра в графе «Всего» соответствует общему количеству фрагментов керамики данного типа, найденных как в непо потревоженных, так и переотложенных слоях холма. То же в графе «%».

Таблица 2. Распределение неолитической керамики разных культурных типов по центральной и восточной периферийной частям холма

ТИП	КОШКИНСКАЯ		БАСЬЯНОВСКАЯ		КОКШАРОВСКО-ЮРЬИНСКАЯ		КОКШАРОВСКО-ПОЛУДЕНСКАЯ		ПОЛУДЕНСКАЯ	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
ПРОСТРАНСТВО ХОЛМА										
ЦЕНТР ХОЛМА	539	65,4 37,0	190	85,2 54,1	813	68,4 46,0	57	47,9 35,4	299	47,8 26,0
ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ХОЛМА	285	34,6 19,1	33	14,8 9,4	376	31,6 21,3	62	52,1 38,5	327	52,2 28,4
ВСЕГО	824 1456		223 351		1189 1767		119 161		626 1151	

Примечание: в графе «ВСЕГО» в знаменателе указано общее количество фрагментов керамики данного типа, найденных как в потревоженных (их количество указано в числителе, в том числе и в графе «%»), так и переотложенных слоях холма.

ЛИТЕРАТУРА

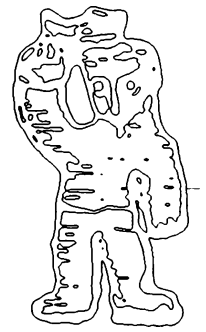
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. 1999. Святилища манси верховьев Сосьвы. Новосибирск.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. 1986. Религия народов манси. Новосибирск.
- Карьялайнен К.Ф. 1995. Религия угорских народов. Т.2. (Перевод с немецкого Н.В.Лукиной). Томск.
- Старков В.Ф. 1969. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. № 5.
- Шорин А.Ф. 1999. О новом типе неолитической керамики в материалах Кокшаровского холма // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы конференции. Ч.2. Екатеринбург.
- Шорин А.Ф. 2000. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. № 3.
- Шорин А.Ф. 2001. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень.
- Шутова Н.И. 2001. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск.

В.А. Борзунов

Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

А.П. Зыков

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

БАРСОВСКИЙ III МОГИЛЬНИК –

НОВЫЙ КУЛАЙСКИЙ ПАМЯТНИК В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ¹

В 1986-1988 гг. у южной окраины п. Барсово близ г. Сургута проводились масштабные исследования комплекса археологических памятников, расположенных на одном из мысов коренной террасы р. Оби. Несколькими раскопами, заложенными в единой сетке участков и одной системе нивелировки, археологами Уральского университета изучались могильник Барсов Городок (Барсовский I) VIII-XIV вв.² и городище Барсов Городок I/3 белоярской культуры VII-IV вв. до н. э., на котором также выявлены средневековые погребения.

В 1986 г. при исследовании рвов городища были открыты два погребения конца раннего железного века, объединенные нами в Барсовский III могильник. Одно из них – погребение I – является самым богатым по составу и количеству находок из всех известных кулайских захоронений Западной Сибири.

Наиболее яркие предметы этого памятника и сведения о них неоднократно публиковались в научных и научно-популярных изданиях (Зыков, 1993, с. 144-161, рис. 1 – 2, 3, 3, 4; Древний город на Оби, 1994, с. 10, 42, 49, 53-55; Зыков и др., 1994, кат. №№ 54, 197, 198, 219, 287-290; Косинская, 1998, рис. 24 – 1; Зыков, Федорова, 2001, рис. 11; Казанцева, Чемякин, 1999, с. 107-110, рис. 1 – 3-5, 2-9; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 40; Чемякин, 1999, 264-265; 2002, рис. 6 – 2, 3, 6, 7). В двух книгах была представлена реконструкция костюма ребенка из погребения I (Нягань ..., 1995, с. 21; История Ханты-Мансийского автономного округа ..., 1999, с. 58). Авторы раскопок долгое время ограничивались только краткими сведениями об этом уникальном памятнике (Борзунов, Бельтикова, 1989, с. 137; Борзунов, 1999, с. 21; Борзунов, Стефанова, 2001, с. 103; Стефанова, Борзунов, 2002, с. 46; Борзунов, Зыков, 2002, с. 166-167). Данная работа, являющаяся первым полным изданием материалов Барсовского III могильника, исправит этот досадный промах.

Погребение I (рис. 1 – А, Б). Выявлено в юго-восточном углу раскопа IV, заложенного в северо-западной части городища. Могильная яма обнаружена при расчистке дна I-го (раннего, внутреннего) рва на крайнем участке Б/9. Для вскрытия всего погребения к раскопу был прирезан дополнительный участок Б/10. Яма прорезала нижние слои рва и была перекрыта песками, смытыми с вала и внешней стенки рва. Верхняя часть заполнения ямы со временем трансформировалась в пепельно-серый подзол. Вымытые из него окислы железа проникли в низ ямы и способствовали консервации органических остатков в погребении. Ров в этом месте узкий, около 1 м, и мелкий – не более 1 м от поверхности древней погребенной почвы. Наиболее четко очертания могильной ямы прослеживались на уровне костяка – на глубине 98 см от современной поверхности (-763 см от условного «нуля»). Яма узкая, прямоугольная (1,75 x 0,32-0,42 м), с закругленными углами, ориентирована по оси рва (северо-запад – юго-восток) и расширена у северо-восточного конца. Стенки могилы отвесные, слегка обвалившиеся внизу, дно ровное, плоское. Глубина ямы – около 1 м, заполнение – темно-желтый песок с вкраплениями углей.

На дне углубления зафиксированы остатки тлена от деревянного гробовища (или колоды) шириной в нижней части около 30 см. В них обнаружен плохо сохранившийся костяк человека: череп, отдельные ребра, правые запястье и бедро, а также фрагменты левых берцовых костей. Погребенный был уложен на спину, головой на северо-запад, руки сложены вдоль туловища. Судя по размерам костяка и сопровождающему инвентарю, здесь был погребен мальчик ростом около 125 см. По определению антрополога В.А. Дрёмова, это был ребенок возрастом около 6 лет с монголоидными чертами лица (уплощенное переносье).

¹ Иллюстрации выполнены Л.А. Виноградовой, В.И. Стефановым, А.Ю. и Ю.П. Чемякиными. Авторы глубоко признательны им за дружескую помощь.

² Раскопки его были начаты шведским археологом Ф. Р. Мартином в 1891 г. (Стефанова, Борзунов, 2002, с. 14-15; Чемякин, Шатунов, 2002, с. 40).

На черепе и в области грудной клетки покойного сохранились остатки меха, а к бронзовым изделиям «прикипели» куски ткани. Подросток был одет в тканую нижнюю и меховую верхнюю одежду с коротким подолом. Ткань представляла собой плотный, но вместе с тем мягкий и эластичный репс из шерсти (Глушкова, 2002. с. 124-125). Грудь и подол одежды расшиты бусинами и бисером. Не исключено, что часть бусин была объединена в ожерелья. В первую очередь, это относится к большим цилиндрическим (2-2,7 x 0,6-0,8 см) бусинам из многоцветного полупрозрачного стекла (желтые волны-спирали на темно-синем и темно-зеленом фоне), бело-синим пастовым бусинам с желтыми и синими «глазками», а также граненым и гладким шлифованным сердоликовым бусинам красно-оранжевого и рубинового цвета. На голове мальчика – меховой убор. Бусы и бисер, находившиеся у костей ног, вероятно, относятся к расшитой обуви. В основном это мелкие стеклянные, проложенные изнутри золотой и серебряной фольгой, а также пастовые бусины кирпичного цвета. Всего в погребении найдено 367 бусин: 22 сердоликовых, 20 крупных бочонковидных из разноцветного стекла, 3 больших «глазчатых» пастовых, 1 большая и 187 мелких из прозрачного стекла с внутренней прокладкой золотой или серебряной фольгой, а также 134 мелких пастовых (рис. 2 – 1, 2, 5-9).

По обе стороны от черепа лежали два височных спиральных кольца из серебряной проволоки (рис. 2 – 3, 4). Диаметр каждого кольца – 6 см, спирали (3-4 оборота) – 1-1,5 см; кольцо и спираль загнуты под прямым углом друг к другу. Ниже черепа, в основании шеи, находилась тонкая дуго-видная серебряная пластина с отверстиями (рис. 2 – 10). Ширина пластины – 1,8 см, диаметр – около 21 см. По-видимому, это – гривна или накладка на ворот одежды. Рядом обнаружены накосные украшения – гофрированная бронзовая трубка-пронизка и две подвески, изготовленные из тонкого бронзового зеркала. Последнее было украшено рельефным концентрическим орнаментом, выполненным выколоткой с использованием матрицы. Для этого половинка зеркала диаметром 11,1 см была распиlena на две равные части и в них проделаны отверстия (рис. 3 – 1).

Поперек груди лежали нанизанные на одну веревочку (сохранились ее части) три прямоугольные бронзовые пронизки-накладки и полая зооморфная подвеска (рис. 4 – 1, 2; 5 – 1). Две пронизки – выпуклые (6 x 2,4 см), украшены поперечными гофрированными поясками; с тыльной стороны на их концах имеются петли. Третья пронизка – уплощенная, размером 6,6 x 3 см, орнаментирована продольными поясками (чередование трех гофрированных и двух гладких полос с парными циркульными вдавлениями), разделенными ложнозернистыми зонами. Бронзовая полая подвеска – в виде хищного пушного зверька (куница?), стоящего на задних лапах и передними лапами закрывающего морду; спина зверька выгнута. Высота фигурки – 4,6 см. Изделие отлито в двусторонней форме с сердечником. На спине зверька – отверстие для подвешивания.

Между ребер скелета найдено круглое, слегка выпуклое бронзовое зеркало диаметром 11,2 см. В центре диска – отверстие. Внешняя сторона предмета гладкая, на внутренней стороне – узор, нанесенный резцом по разметке при помощи циркуля: шестилепестковая розетка в двойном круге. Здесь же лежал небольшой обломок другого круглого зеркала диаметром 11 см с циркульным орнаментом (рис. 3 – 2; 4 – 4) и два мелких крестовидных украшения из медной проволоки. На правом запястье покойного – витой браслет из бронзового стержня прямоугольного сечения, скрученного в виде пружины из семи витков. Диаметр браслета – 5,5 см (рис. 4 – 5). У пояса погребенного лежали две бронзовые плоские фигурки. Первая – зоо-орнитоморфная подвеска с медвежьей мордой, крыльями, парой прямых лап и личиной на груди; на плечах – птичьих головы, направленные в разные стороны. На обороте изделия – две петли для привешивания. Размер подвески – 8 x 7 см (рис. 5 – 3). Вторая фигурка – антропоморфная: ноги человечка расставлены, носки развернуты наружу, одна рука опущена, другая поднята и ладонью положена на голову. На обороте предмета – петля для подвешивания. Высота фигурки – 4 см (рис. 5 – 2).

На нескольких бронзовых предметах (зеркало, подвески из распиленного зеркала, зоо-орнитоморфный идол) обнаружены едва различимые схематические рисунки, нанесенные острым металлическим предметом: личины, антропоморфные фигурки, звери или зооморфные существа (рис. 3 – 1, 2; 5 – 3) (Казанцева, Чемякин, 1999, с. 105-109, рис. 1 – 3-5; 2 – 9).

На правом бедре покойного лежал железный кинжал в ножнах. От них сохранился древесный тлен, частично прикипевший к железу, а также фрагменты обкладки из медного листа. Кинжал без перекрестия с плоским овальным навершием размером 4,5 x 3,3 см. Его общая длина – 26 см, клинка – 14 см, ширина клинка – 3 см (рис. 6 – 5).

У левой голени ребенка рукоятью вниз лежал короткий железный кинжал с бронзовым бруско-видным перекрестьем и серповидным навершием. Клинок удлиненно-треугольной формы, в сечении ромбовидный. Рукоять откована вместе с клинком, плоская в сечении. Перекрестие и навершие были отлиты непосредственно на клинке. Концы навершия оформлены в виде редуцированных зооморфных головок, внешние стороны его орнаментированы цепочкой треугольных вдавлений. Длина кин-

жала – 39,5 см, клинка – 26,5 см, ширина клинка у перекрестья – 3,5 см (рис. 6 – 1). Рядом с кинжалом находился железный с несомкнутой втулкой топор-кельт, положенный лезвием вниз. Длина его – 9,5 см, ширина лезвия – 4,2 см, втулки – 3,3 см (рис. 6 – 4). Около навешивания найдено овальное украшение из серебряной фольги, нашитой на бересту (рис. 4 – 3).

У бедер мальчика с обеих сторон лежало два бронзовых наконечника стрел кулайского типа (рис. 6 – 2, 3). Их ориентировки совпадали с кинжалами: малый наконечник был обращен к голове покойного, большой – к ногам. Наконечники стрел трехлопастные, со скрытыми втулками, длиной 6 и 7 см. У меньшего из них имеются шипы длиной до 2 см. Во втулках сохранились фрагменты древков стрел.

В ногах погребенного стоял круглодонный (?) глиняный горшочек, украшенный по основанию шейки и плечикам четырьмя рядами мелких ямок-наколов. Шейка короткая, не более 1 см, отогнута наружу, венчик плоский, скошен внутрь емкости. Высота сосулика – около 6 см, диаметр по устью – 8,6 см, по тулову – 9 см (рис. 7 – 2).

В 80 см к западу от могильной ямы, на древней поверхности найдены обломки еще одного сосуда с невысокой (1,5 см), едва намеченной шейкой. Венчик плоский, скошен внутрь. Сосуд закрытый – верхняя часть стенок с шейкой наклонены внутрь емкости. Поверхность сосулика, за исключением придонной части, покрыта орнаментом. Узор состоит из плотных отпечатков тонкого фигурного чекана, образующих елочку или мелкую волну. В основании шейки – поясок глубоких круглых ямок с негативами «жемчужин» на внутренней стороне сосуда. Венчик украшен насечками и мелкой волной. Диаметр сосуда по венчику около 13 см, по тулову – 15 см (рис. 7 – 1).

Погребение 2 (рис. 8 – А, Б). Открыто в северо-западной части раскопа IV, на участках Ч/3-4, в 18 м к западу-северо-западу от первого. Яма зафиксирована при расчистке нижних слоев 2-го (позднего, внешнего) рва. Ширина канавы в этом месте – 2 м, глубина – около 1 м. Могила прорезала наслоения рва и поверхность материкового песка. Верхние очертания ямы выявлены на глубине – 669 см (от условного «нуля»). Углубление прямоугольное, ориентировано точно по оси рва – в широтном направлении. Размеры ямы – 1,78 x 0,4 м, глубина – не менее 0,5 м (58 см от современной поверхности). Стенки могилы отвесные, дно плоское и ровное. Заполнение – темно-желтый песок с угольками.

Костяк хорошей сохранности, но кости стопы не сохранились. Погребенный был уложен на спину, головой на запад, левая рука его вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута. Череп повернут влево. Судя по размерам костяка, здесь был захоронен взрослый человек ростом не менее 160 см.

У черепа найдены две окатанные гальки, являвшиеся, по-видимому, грузилами от рыболовной сети, подвеска из витой медной проволоки и две бронзовые пластинки – осколки зеркал (рис. 8 – 1, 2, 6). У пояса погребенного лежала еще одна пластинка, а также ажурная птицевидная фигурка (6 x 4 см) с двумя подвесками из витой проволоки на деревянных стержнях (рис. 8 – 3-5, 7). Фигурка отлита в плоской односторонней форме. Как многие культовые предметы, она дополнительно не обрабатывалась. В ногах у покойного, с правой стороны, был установлен круглодонный чашевидный сосулик диаметром 13-14 см. В верхней части он украшен тремя поясками подтреугольных и овальных ямочек, по внешнему краю венчика – насечками (рис. 7 – 3).

Погребальный обряд могил сходен, но они резко отличались по составу и количеству инвентаря. Причиной этого, скорее всего, являлся разный социальный статус покойников. Ребенок захоронен с полным набором оружия, в том числе, с первыми, еще дефицитными железными предметами, а также с культовыми «регалиями» и множеством престижных импортных вещей. Вероятно, он был родственником (сыном?) местного вождя – «богатыря». Могила взрослого на его фоне довольно убога. Это бесспорное свидетельство глубокой социальной дифференциации местного общества, первые признаки которой появились еще в позднебелоярский период (V-IV вв. до н. э.).

Именно к этому времени относится наиболее ранняя и самая малая в Сургутском Приобье бастионная крепость – городище Барсов Городок I/1 (раскопки Л.Л. Косинской, 1972 г.), отличающаяся от обширных и слабо укрепленных ранних белоярских поселений. Тогда же появляются стрелы с массивными бронебойными наконечниками (селище Барсова Гора III/38; раскопки В.А. Борзунова, Г.В. Бельтиковой, 1992 г.), являвшиеся не просто орудиями охоты, а оружием, составной частью экипировки местных «богатырей». К кулайскому времени, точнее рубежу эр, восходят истоки эпических сказаний об остяцких «богатырях», оформившиеся в виде эпосов к середине II тыс. н. э. Одним из главных факторов, стимулировавших развитие имущественной и социальной дифференциации в таежных охотничье-рыболовецких обществах Приобья, являлось формирование системы пушной торговли³ и включение, благодаря этому, глубинных областей Западной Сибири в начале эпохи железа

³ То есть «пушных» и «шелковых» путей, пролежавших из Китая на Ближний Восток и в Западную Европу через Среднюю Азию и евразийские степи, ответвления которых шли через юг Западной Сибири и Приуралья в таежную зону Северо-Западной Сибири.

в систему экономики Старого Света. Свидетельством этого являются находки импортных изделий в западносибирской тайге, в том числе, в Барсовском III могильнике.

Датировка этого могильника по аналогиям кинжалам, топору, наконечникам стрел, бусам, зеркалам, украшениям костюма и прочим вещам укладывается в широкие временные рамки: от I в. до н. э. до II-III вв. н. э. Более точно его время можно установить при сопоставлении находок из погребения I с другими западносибирскими комплексами конца раннего железного века.

Погребения Барсовского III могильника синхронны – в широком смысле – ряду поздних кулайских памятников Западной Сибири, в том числе, Шеркалинскому могильнику (Чиндина, 1984, с. 49-56, табл. IV, рис. 21-25), кулайским погребениям могильника Сопка-2 (Елагин, Молодин, 1991, с. 47-54, 102), Барсовскому VII могильнику (Чемякин, Степанова, 1994, с. 215-219; Чемякин, 2002, рис. 2, 3), святилищу на городище Барсов Городок I/9 (Чемякин, Карачаров, 1999, с. 37, 41, рис. 13 – 4, 10, 11, 15, 19; Чемякин, 2000, с. 155-159, рис. 1; 2002, с. 219, 222-236, рис. 4; Казанцева, Чемякин, 1999, с. 107-108, рис. 1 – 1, 1 а, 2, 2 а), кладу с городища Барсов Городок I/20 (Бельтикова, 2002, с. 203-206, рис. 1). Все эти памятники содержат керамику и вещи более поздние, чем ранний комплекс городища Усть-Полуй середины – второй половины I в. до н. э. Время основания Усть-Полуя определяется дендрохронологической датой: осень – зима 49-48 гг. до н. э. (Зыков, Федорова, 2001, с. 126). В свою очередь, все названные памятники являются более древними, по сравнению с комплексом вещей Холмогорской коллекции. Ее формирование можно отнести к III в. н. э., а «захоронение» – к концу III – первой половине IV в. н. э. (Зыков, Федорова, 2001, с. 145). Из этого следует, что Барсовский III могильник и одновременные с ним памятники могут датироваться в пределах I – начала III вв. н. э. Такой датировке не противоречат многочисленные пьяноборские и карабызские металлические изделия, сходные с предметами из позднекулайских комплексов.

Более того, датировку нашего памятника можно значительно «сузить», сравнивая его материалы с другими комплексами Барсовой Горы. Вещи Барсовского III могильника наиболее близки предметам клада на городище Барсов Городок I/20 (ср.: Бельтикова, 2002, с. 203-206, рис. 1). Кулайский слой этого укрепления, судя по керамике и другим находкам, датируется самым концом I тыс. до н. э. Время прекращения функционирования бастионного «городка» маркируется датой погребения во внешней яме одного из жилищ, которая также не выходит за рамки последних веков до н. э. Клад же был зарыт на площадке городища намного позднее. Синхронизировать данный клад и погребение I Барсовского III могильника позволяют многочисленные параллели в оформлении бронзовых вещей из этих памятников (зооморфные полые пронизки с припаянными поперечными стержнями, соединяющими лапы фигурок, трубчатые рифленые пронизки, прямоугольные выпуклые рифленые бляшки с петлями на обороте). Кроме этого, вблизи места обнаружения клада В.А. Борзуновым в 1991 г. была найдена бронзовая зоо-орнитоморфная подвеска, до мельчайших деталей похожая на украшение из погребения I (ср.: рис. 5 – 3; Древний город на Оби, 1994, с. 55; Казанцева, Чемякин, 1999, рис. 2 – 9, 10; Чемякин, 2002, рис. 6 – 7, 8). Подвеска была закопана на валу уже заброшенного городища во время какого-то культового обряда. Она находилась сразу под лесной подстилкой, в сером подзоле на месте западного входа в укрепление. Предметы с городища и из могильника были отлиты в разных литейных формах, однако сами формы были изготовлены в одной манере и, возможно, одним мастером.

В то же время, комплексы клада и Барсовского III могильника являются более поздними, по сравнению с кулайским Барсовским VII могильником. Он расположен рядом с городищем Барсов Городок I/20 и содержит более архаичный материал (ср.: Чемякин, Степанова, 1994, с. 218-219, рис. 1; Казанцева, Чемякин, 1999, рис. 2 – 1-5, 7; Чемякин, 2002, рис. 2, 3). Особенно наглядно это видно по прямоугольной ажурной плакетке с парными антропоморфными фигурами из погребения 6 (Чемякин, 2002, с. 235, рис. 3 – 1). Плакетки с парными фигурами из состава клада являются, очевидно, ее поздней модификацией (ср.: Бельтикова, 2002, с. 205, рис. 1 – 7; Зыков и др., 1994, кат. № 52).

Таким образом, по материалам памятников Барсовой Горы выделяется период функционирования позднекулайский памятников: I – начало III вв. н. э. К началу его относится Барсовский VII могильник, появившийся позднее всех известных саровских кулайских поселений данного урочища (городища Барсов Городок I/4, I/5, I/20, селище Барсова Гора IV/13). Последнее подтверждается находкой на данном могильнике сосудов позднекулайского ярсалинского типа (Чемякин, Карачаров, 1999, рис. 13 – 8). Барсовский III могильник, зоо-орнитоморфная подвеска и клад с городища Барсов Городок I/20 датируются более поздним временем в пределах обозначенного выше хронологического интервала. Коллекция вещей святилища Барсов Городок I/9 формировалась, вероятно, на протяжении всего этого периода⁴.

Примечательно отсутствие среди многочисленных раскопанных кулайских городищ и селищ Барсовой Горы комплексов первых веков н. э. Этим периодом может быть датирована только небольшая коллекция керамики, происходящая из ранних слоев средневековых городищ Барсов Городок I/31-32. Эти памятники находятся в непосредственной близости от Барсовского III могильника – на соседнем

мысу. Среди ранней керамики этих городищ имеются фрагменты, аналогичные по орнаменту сосуду, найденному рядом с погребением 1 (рис. 6 – 1). Более худшая ситуация складывается во всем остальном Сургутском Приобье. В отличие от Нижнего Приобья, Конды и Нижнего Прииртышья, где памятники с ярасалинской посудой хорошо известны, за пределами Барсовой Горы они пока не выявлены. И это – несмотря на то, что поселения следующего – карымского – этапа довольно многочисленны (см.: Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42-45).

Весьма странно, но это – факт. Теоретически можно предположить, что в это время могли существовать поселения с поздней кулайской посудой иного облика. Между тем, более вероятно, что мы столкнулись с какой-то иной – кризисной ситуацией в жизни таежного общества Сургутского Приобья. На смену явному резкому подъему в развитии производительных сил, внешнеэкономических связей, углубляющейся социально-экономической дифференциации внутри кулайских общин приходит явный упадок. Вместо многочисленного населения, оставившего на побережье Оби и в отдаленных уголках Сургутского Приобья сотни памятников – неукрепленных поселений и «крепостей», причем селищ обширных, а крепостей пусть небольших, но намного более мощных, чем предыдущие и последующие, наблюдается запустение. И дело не в том, что рыболовы вдруг решили ловить меньше рыбы, а охотники меньше добывать зверя, в том числе, драгоценной пушнина, широко использовавшейся в обменных операциях. Произошло нечто, в корне изменившее на определенное время установленный порядок. Не углубляясь в рассмотрение этой обширной темы, мы лишь наметим общие пути решения проблемы. Основная причина, на наш взгляд, заключалась в глобальном изменении климатической ситуации на рубеже эр. Это ускорило переход степного и части лесостепного населения к новым, более подвижным формам скотоводства. В свою очередь, это породило волну мелких и более крупных подвижек, слившихся через некоторое время в один мощный поток – Великое переселение народов, инспирированный последствиями гунно-китайских войн. В первые века н. э. происходит отток части населения из тайги на более благоприятные южно-таежные и лесостепные территории. В этот период кулайские миграции были направлены не на север и запад, а на юг – по ленточным борам – в Среднее Прииртышье, Пришимье, Барабу, Новосибирское и Верхнее Приобье, вплоть до Алтая и Енисея. У этой ситуации есть и другой аспект. Формирование новых лесостепных общностей, прежде всего, саргатской и таштыкской, могло изменить на какое-то время характер экономических связей между Лесостепью и Тайгой, нарушить сложившуюся систему товарообмена, прежде всего, в системе «металл – пушнина».

Эти глобальные «пертурбации» должны были коснуться и Сургутского Приобья, сотнями нитей связанного с культурами Приуралья и юга Западной Сибири. По-видимому, здесь произошло резкое сокращение населения вследствие оттока части общин на юг, юго-восток и юго-запад. Оставшиеся в глубинных районах малочисленные коллективы, по-видимому, вели довольно «скромный» образ жизни. Нечто подобное произошло несколькими веками раньше в лесном Зауралье – после крушения мощного иткульского металлургического очага, растерявшего потребителей изделий из цветного металла в кочевой среде и лесостепной округе. Со временем жизнь в тайге стабилизировалась, начали восстанавливаться прежние экономические связи и торговые пути, таежное Приобье покрылось сетью новых крепостей и поселений. В IV в. местные общества вступили в новую эпоху – позднего железного века.

⁴ В материалах селища Барсова Гора IV/13 и святилища на остатках городища Барсов Горо-док I/9 имеются две очень близкие по форме цельнолитые височные подвески, отлитые из оловянистой «белой» бронзы. Их верхняя часть изготовлена из круглого в сечении дрота и оформлена в виде кольца. Щитки изделий – крестообразные с грушевидными навершиями, украшенными поперечными валиками (ср.: Чемякин, Карачаров, 1999, рис. 13 – 11; Борзунов, Стефанова, 2001, рис. 2 – 1). Данный факт, если не синхронизирует селище и святилище, то, по крайней мере, ставит «кулайский поселок из одного двора» в число самых поздних памятников раннего периода. Рамки последнего: IV-III вв. до н. э. – I в. до н. э. – I в. н. э.

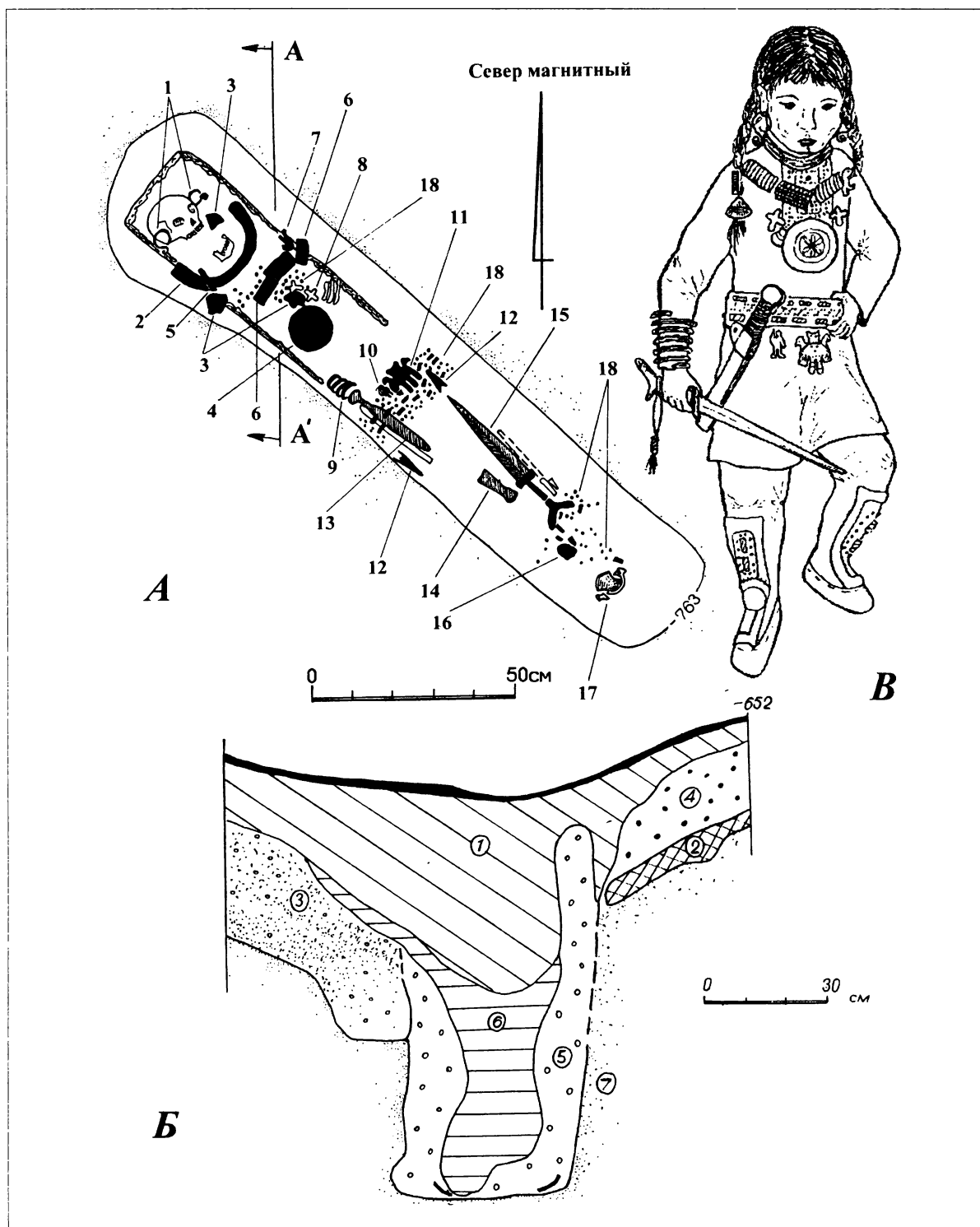

Рис. 1. Погребение 1. План (А), профиль по линии А – А' (Б). Вариант реконструкции костюма погребенного мальчика (В).
 Находки на плане: 1 – серебряные подвески (2 шт.); 2 – серебряная накладка; 3 – фрагменты бронзовых зеркал (3 шт.); 4 – бронзовое зеркало; 5 – бронзовая пронизка; 6 – бронзовые накладки (3 шт.); 7 – бронзовая полая подвеска; 8 – крестовидные изделия из бронзовой проволоки; 9 – бронзовый витой браслет; 10 – бронзовая антропоморфная подвеска; 11 – бронзовая зооморфная подвеска; 12 – бронзовые наконечники стрел (2 шт.); 13 – железный кинжал; 14 – железный топор-кельт; 15 – железный кинжал с бронзовыми навершием и перекрестием; 16 – серебряная фольга; 17 – развал глиняного сосуда; 18 – бусы и бисер.
 Нумерация слоев: 1 – лесная подстилка, подзол; 2 – погребенный подзол (древняя почва); 3 – темно-желтая супесь (заполнение рва); 4 – светло-желтая супесь; 5 – заполнение погребения; 6 – ортзанд; 7 – желтый материковый песок

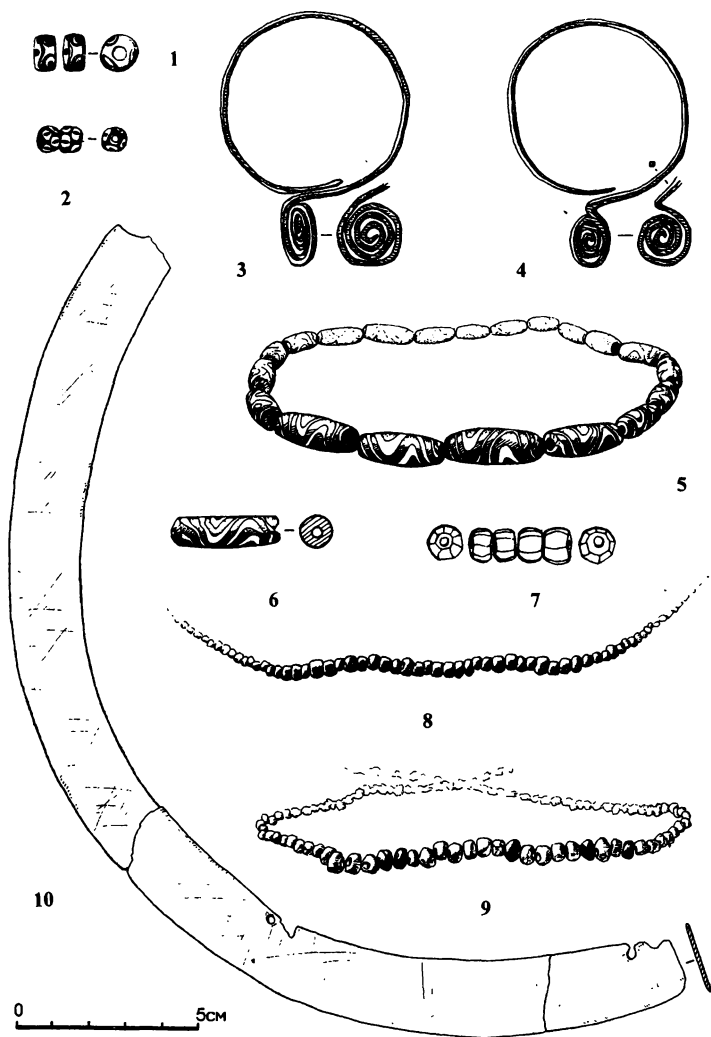

Рис. 2. Погребение 1. Вещи. 1, 2, 5, 6, 8, 9 – наставое стекло; 3, 4, 10 – серебро; 7 – сердолик

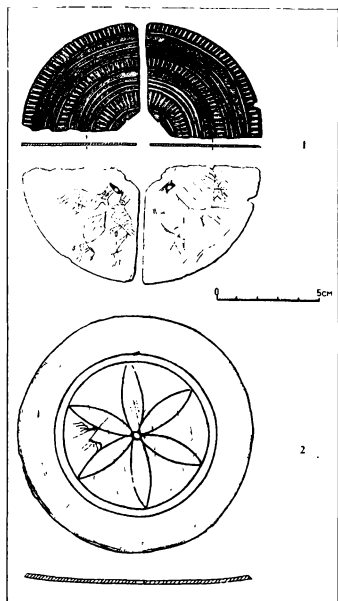

Рис. 3. Погребение 1.
 1 — Бронзовое зеркало;
 2 — подвески из фрагментов
 бронзовых зеркал
 с гравировками)

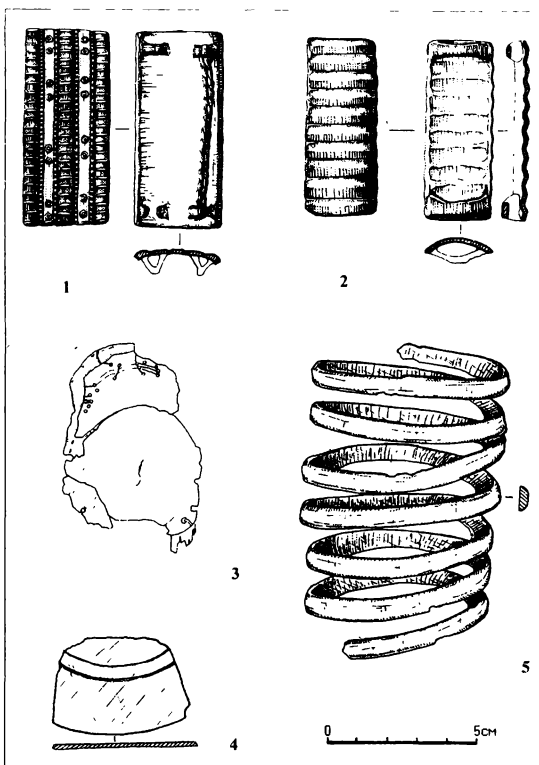

Рис. 4. Погребение 1. Вещи: 1, 2, 4, 5 — бронза;
 3 — серебро, береста

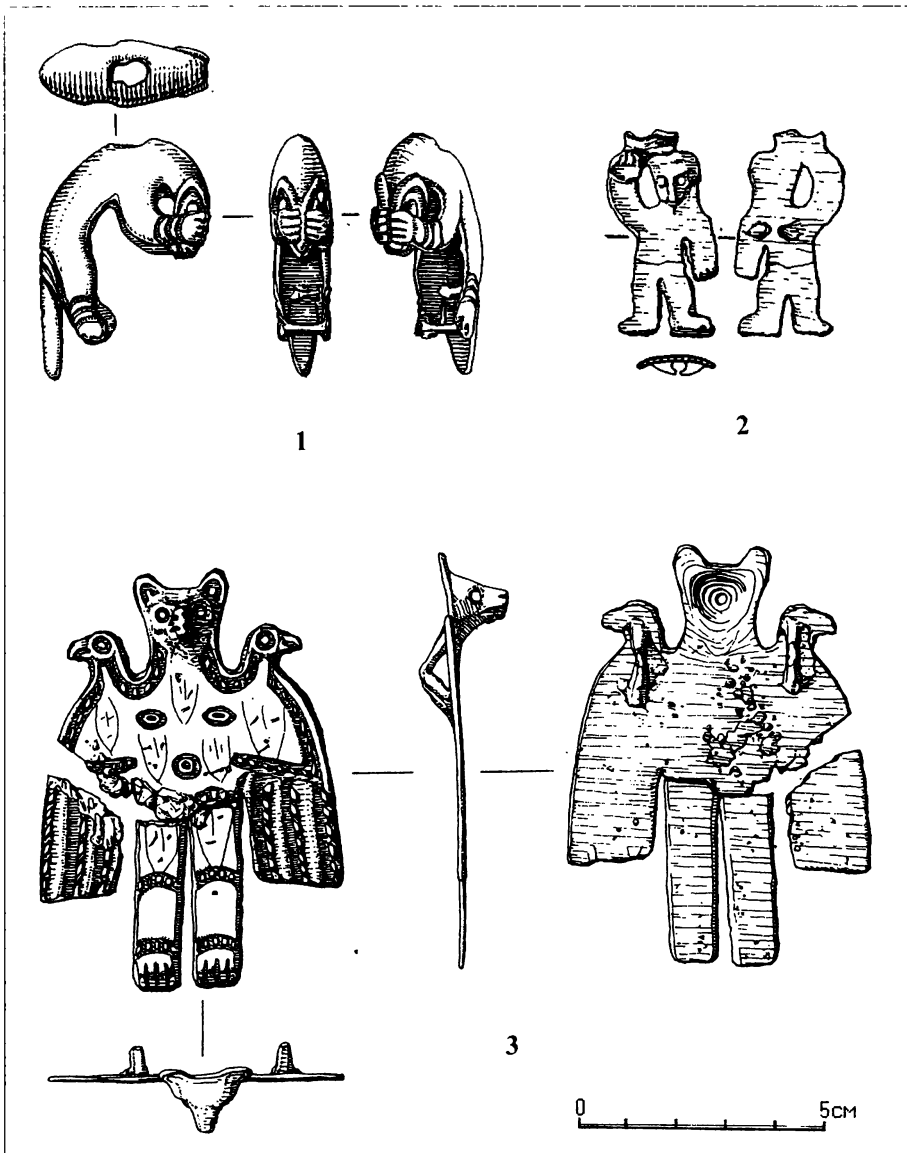

Рис. 5. Погребение 1. Бронзовая пластика

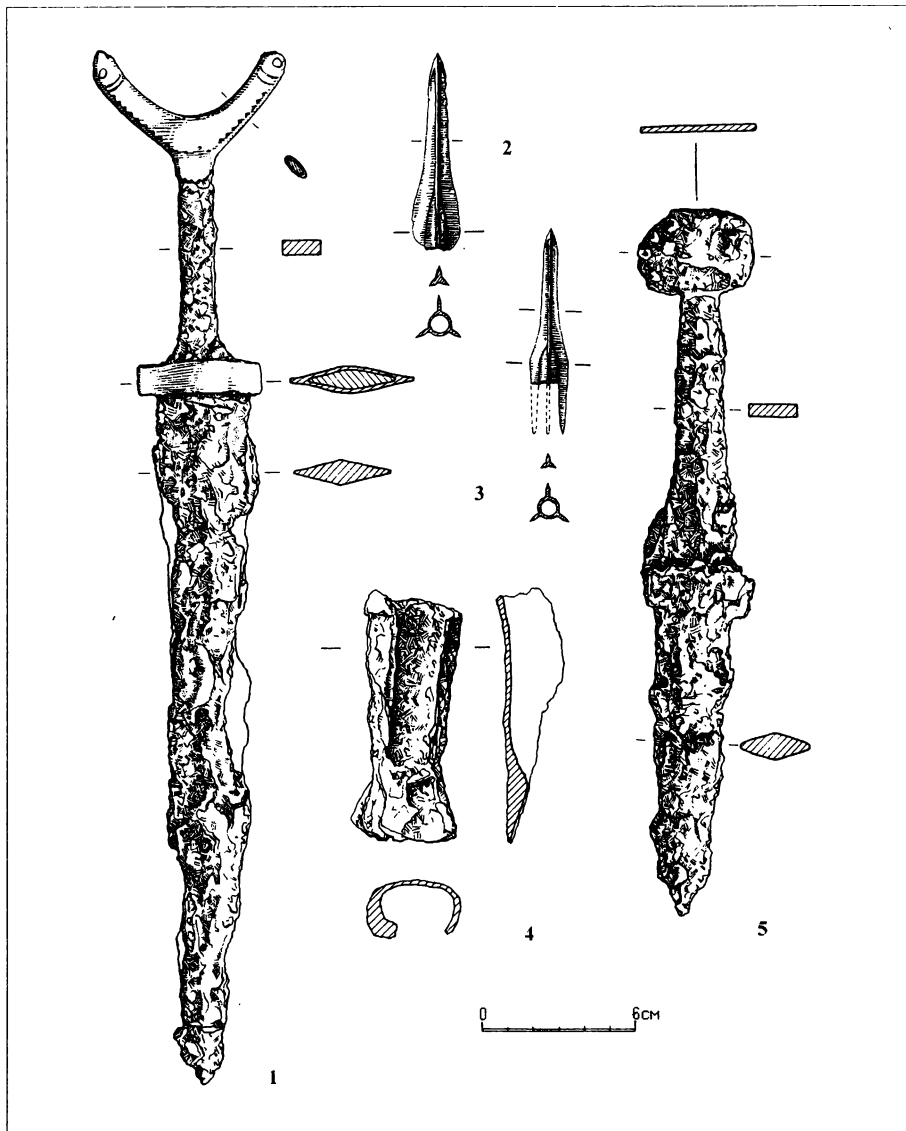

Рис. 6. Погребение 1. Оружие: 1 – железо, бронза;
2, 3 – бронза; 4, 5 – железо

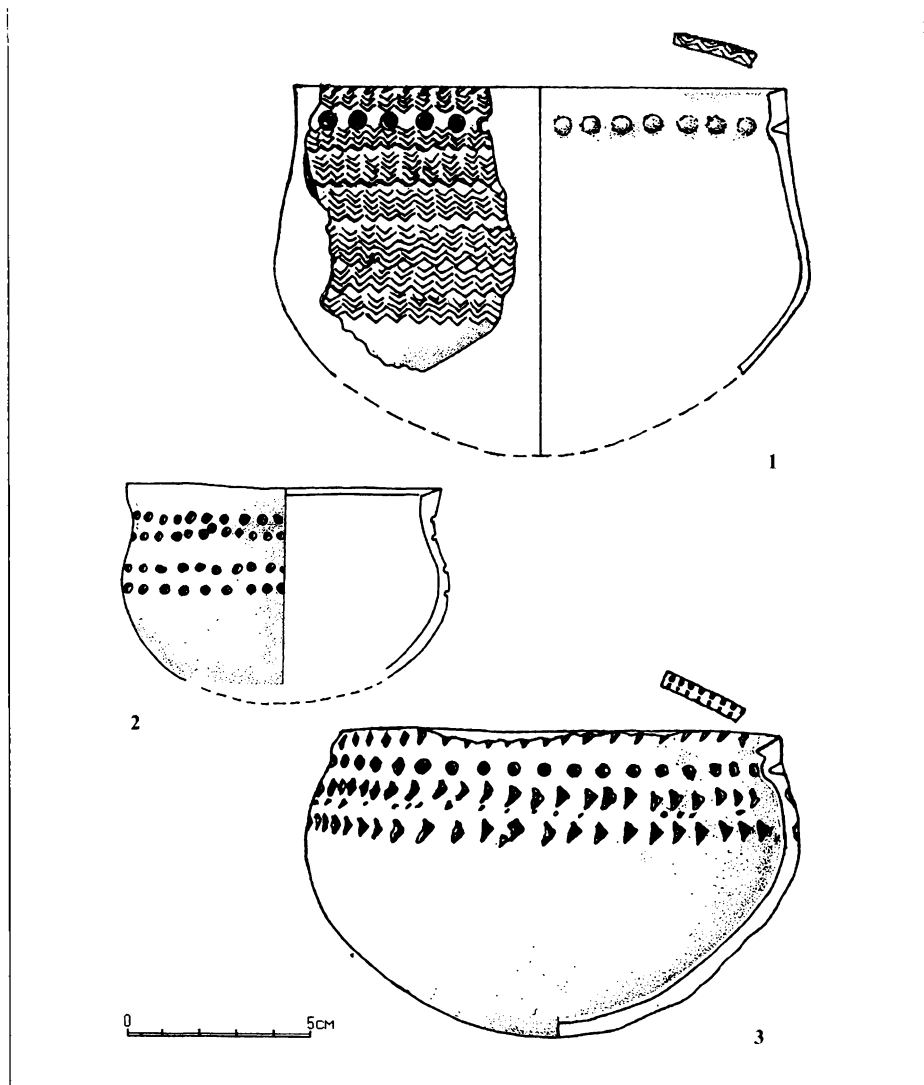

Рис. 7. Барсовский III могильник. Керамика (графические реконструкции):
 1 – развал сосуда на уровне древней поверхности близ погребения 1;
 2 – сосуд из погребения 1; 3 – сосуд из погребения 2

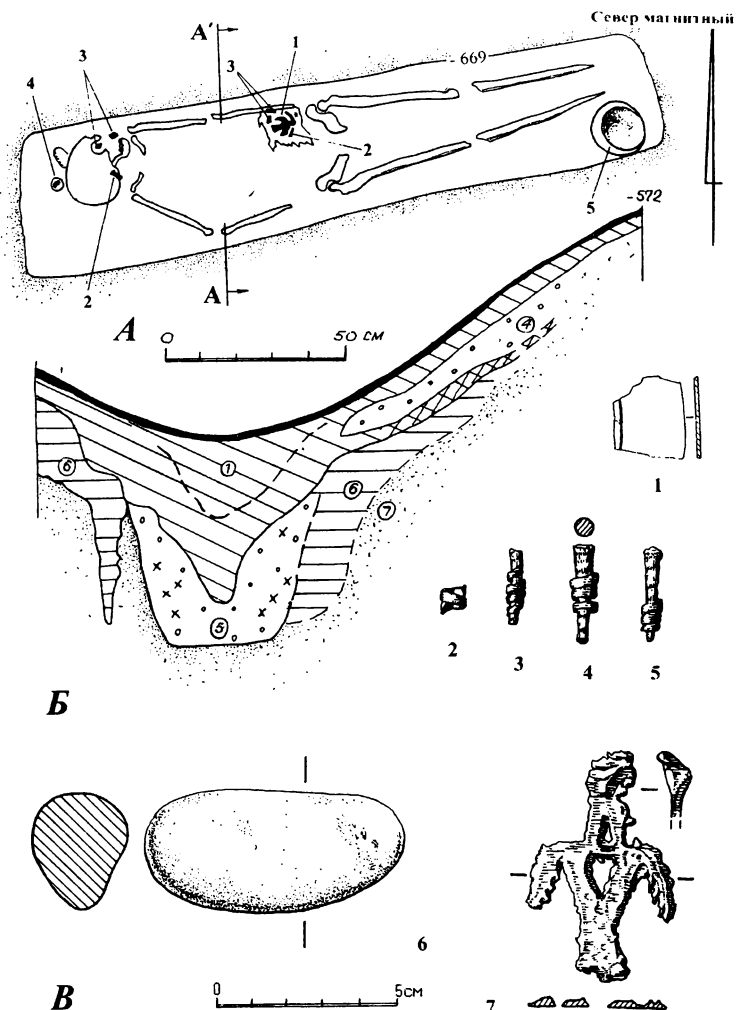

Рис. 8. Погребение 2. План (А) и профиль по линии А — А' (Б). Вещи из погребения (В). Находки на плане: 1 — бронзовая орнитоморфная подвеска; 2 — подвески из бронзовой литой проволоки; 3 — обломки бронзового зеркала (3 шт.); 4 — каменные грузила (2 шт.); 5 — глиняный сосуд. Нумерация слоев: см. рис. 1
 Вещи: 1, 2, 7 — бронза; 3-5 — бронза, дерево; 6 — камень

ЛИТЕРАТУРА

- Бельтикова Г.В. 2002. Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб.
- Борзунов В.А. 1999. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. № 4. М.
- Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. 1989. Раскопки городищ Барсов городок I/3 и I/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Борзунов В.А., Зыков А.П. 2002. Кулайский Барсовский III могильник // Северный археологический Конгресс: Тез. докл. Екатеринбург – Ханты-Мансийск.
- Борзунов В.А., Стефанова Н.К. 2001. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут.
- Глушкова Т.Н. 2002. Анализ тканей из Барсовского III могильника // Северный археологический Конгресс. Тез. докл. Екатеринбург – Ханты-Мансийск.
- Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург.
- Елагин В.С., Молодин В.И. 1991. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск.
- Зыков А.П. 1993. Железные кинжалы Северо-Западной Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. 2001. Холмогорский клад: Коллекция древностей III-IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. 1999. Екатеринбург.
- Казанцева Т.Г., Чемякин Ю.П. 1999. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 1. Екатеринбург.
- Косинская Л.Л. 1998. Археологические памятники севера Западной Сибири. Сургут.
- Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. 1995. Екатеринбург.
- Стефанова Н.К., Борзунов В.А. 2002. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П. 1999. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Западной Сибири // Обские угры. Тобольск.
- Чемякин Ю.П. 2000. Святилище кулайской культуры на Барсовой горе // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. С-Пб.
- Чемякин Ю.П. 2002. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Степанова Г.А. 1994. Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой Горе // Сургут. Сибирь. Россия. Тез. докл. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. 2002. История изучения археологических памятников Барсовой Горы // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут.
- Чиндина Л.А. 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА БАРСОВ ГОРОДОК I/20

В 1988 г. автором статьи на городище раннего железного века Барсов Городок I/20 был открыт средневековый культовый комплекс, в раскопках которого принял участие научный сотрудник Института истории и археологии УрО АН СССР (ныне – РАН) А.П. Зыков, исследовавший на Барсовой Горе средневековые могильники¹.

Общая характеристика городища. Памятник находится в 1 км к востоку от п. Барсово Сургутского района ХМАО, у края песчаной коренной террасы Оби высотой 9,5 м. У подножия обрыва расположена протока Утопляя, постепенно разрушающая древнее поселение. В 1 км к северо-востоку от городища в Обь впадает речка Барцевка, давшая название всему урочищу. До известного средневекового Барсовского I могильника (Барсов Городок) по краю террасы, на запад-юго-запад около 2 км (рис. 1).

Памятник был открыт в конце XIX – начале XX вв. Об этом свидетельствуют старые траншеи, зафиксированные поперек бастионов городища (рис. 1 – Б). В 1925 г. в числе развалин 30-ти прочих «городков» он был картографирован топографами Н.Я. Павловым, К.А. Веревошкиным и А.С. Мерозидовым при участии охотоведа С.А. Кукулина. Первый план укрепления снят в 1972 г. В.В. Запарием, входившим в группу археологов УрГУ под руководством В.М. Морозова. Тогда же на городище был заложен разведочный шурф. Впоследствии составлены новые, более точные чертежи памятника. Городище неоднократно исследовалось уральскими археологами (Н.В. Федорова, 1978 г.; Г.В. Бельтикова, 1986–1987 гг.; В.А. Борзунов, 1988 г., 1991 г.). В начале 1990-х гг. сохранившаяся площадь памятника составляла около 2070 кв. м, площадь кулайского городища – 1620 м², а всех раскопов (I-V) – 920 кв. м. Памятник многослойный, разновременный. Кулайское городище с двумя бастионными выступами и тремя входами, датирующееся концом I тыс. до н. э., возведено на руинах более ранних поселков – белоярского селища (VIII/VII-IV вв. до н. э.) и укрепления калинкинской культуры (VI-IV вв. до н. э.). Еще в кулайское время, в I – начале III вв. н. э., территория заброшенного городища использовалась в качестве могильника и культового места. Об этом свидетельствует бронзовая зооорнитоморфная бляшка, обнаруженная на месте южного входа в укрепление, а также погребение и уникальный «клад» вещей на городищенской площадке (Борзунов, Бельтикова, 1989, с. 139; Чемякин, 2000, с. 228, рис. 6 – 8; Бельтикова, 2002, с. 203–206). Поздней керамики при раскопках не обнаружено. Исключение составляет обломок зеленогорского сосуда, по которому средневековый комплекс был ошибочно датирован В.М. Морозовым VI-VII вв. н. э. Следями позднейших культовых действий являются найденные в заплывшем рву кости лошади.

Вокруг городища Барсов Городок I/20 расположены многочисленные древние поселения, в том числе с объектами эпохи средневековья. В 1978 г. при раскопках соседнего городища Барсов Городок I/21 Н.В. Федорова обнаружила позднюю кучиминскую керамику, датирующуюся VIII-IX вв.

Интересующий нас комплекс находился на дне глубокого (1,25–1,6 м) кулайского ступенчатого рва, примыкавшего к западному бастиону (рис. 2, 3). Хорошая сохранность остатков эпохи средневековья, в том числе изделий из органики, объясняется тем, что они были законсервированы ортштейном – темно-коричневым ожелезненным песком, по плотности сходным с рафинадом.

Публикации средневекового комплекса. Информация о находках, входивших в состав данного объекта, неоднократно публиковалась в научных и научно-популярных изданиях (Федорова и др., 1991, с. 135; Морозов, 1993, с. 103; Древний город на Оби, 1994, с. 12, 63–64; Чемякин, Шатунов, 2001, с. 20; Зыков, Федорова, 2001, с. 60–61; Карачаров, 2002, с. 28–30, рис. 5), кстати сказать, иногда без ведома автора раскопок. Сообщения о комплексе, в основном, лаконичные, так как работы посвящены

Выражаю искреннюю признательность А.П. Зыкову за помощь в исследовании комплекса и консультации при подготовке этой статьи.

иной проблематике – характеристике того или иного археологического памятника, культурно-хронологического этапа либо вообще древней истории Сургутского Приобья.

В ряде статей и монографий можно найти иллюстрации нашего комплекса. Рисунки варьируют от схематичных (Морозов, 1993, рис. 1 – 10) до детальных и сравнительно точных (Карачаров, 2002, рис. 5). Правда, в последнем случае основа «куклы», на которую была прикреплена деревянная личина с бронзовыми подвесками, была скопирована с опубликованной фотографии (ср.: Древний город на Оби, 1994, с. 12, 63). Этот же снимок повторен в проспекте «Барсова Гора», однако при печати слайд был перевернут (Чемякин, Шатунов, 2001, с. 20). Вряд ли следует пользоваться рисунком, опубликованным в книге, посвященной Холмогорскому «кладу». Дело в том, что он является копией недостаточно верного рисунка Л.А. Виноградовой (рис. 4 – 1). Кроме того, «усы» на личине изображены не тройными, а двойными валиками (Зыков, Федорова, 2001, рис. 17 – *верхний*). На всех рисунках материя ошибочно изображена как мех. На чертежах и фотографиях различается расположение подвесок и центральной фигуры. Судя по отпечатку личины на матерчатой основе «куклы» и полевым наблюдениям, более правильно предметы скомпонованы К.Г. Карачаровым (рис. 4 – Б).

Трактовка и датировка самого объекта также существенно отличаются друг от друга. Определенную путаницу в описание находок внес и сам автор. В кратком сообщении, опубликованном до написания отчета о раскопках, было отмечено, что в состав комплекса входили «... небольшая подпрямоугольная яма, рядом с которой «захоронена» деревянная личина воина с усами в остроконечном шлеме (10,6 см) и положенные в мешочек (?) две бронзовые височные подвески» (Борзунов, Бельтикова, 1989, с. 139). Этой информацией воспользовались авторы монографии «Древний город на Оби» (1994), которые отметили, что все предметы лежали в меховой «сумочке», составляя «жертвенный комплект». Та же меховая сумочка упоминается в коллективной работе уральских археологов «Сургутское Приобье в эпоху средневековья» (Федорова и др., 1991, с. 135) и статье В.М. Морозова (1993, с. 106). Сам же объект, как уже упоминалось, первоначально был отнесен к зеленогорским древностям VI-VII вв. н. э. (Федорова и др., 1991, с. 135; Морозов, 1993, с. 103, 106; Древний город на Оби, 1994, с. 64) и лишь впоследствии – к VIII-IX вв., т. е. к кучиминскому этапу (Карачаров, 2002, с. 30).

К большому сожалению, ни в одной из статей не были охарактеризованы условия открытия комплекса и не представлен его чертеж. Автор самой полной сводки синхронных культовых комплексов с антропоморфными личинами из окрестностей Сургута даже заявил, что «обстоятельства находки не позволили проследить точное положение куклы и сопровождавших ее предметов, оно было смоделировано по их отпечаткам на кукле» (Карачаров, 2002, с. 28). При этом, реконструируя «куклу», К.Г. Карачаров использовал только деревянную личину и металлические предметы. «Остатки меховой сумочки (даже если она и была), – по его словам, – не сохранились» (Карачаров, 2002, с. 29). Как некое откровение прозвучала установленная археологом дата средневекового объекта, хотя она была предложена мною и А.П. Зыковым еще в 1989 г. (Борзунов, 1989, с. 55). Что же касается самой «куклы», то весь ее комплект, включая основу из материи и органики, находится в специальном отделении хранилища ПНИАЛ УрГУ (шифры находок: 1759/1673-1677).

Вероятно, такие разночтения не возникли, если бы специалисты по эпохе средневековья использовали первоисточники – полевую документацию и отчет о раскопках городища Барсов Городок 1/20 (см.: Борзунов, 1989). Безусловно, некоторые фрагменты нашего первого описания проигрывают более поздним кабинетным «реконструкциям». Тем не менее, в отчете представлены данные о комплексе, зафиксированные в полевых условиях, а также авторский взгляд на его интерпретацию и хронологию. Расхождения в описании и трактовке объекта, равно как и в ситуации его открытия, вынудили меня обратиться к несвойственной для моих изысканий средневековой проблематике. В основу характеристики объекта был положен текст отчета, дополненный некоторыми наблюдениями, не зафиксированными в нем. Предметы культового комплекса проанализированы повторно. При рассмотрении деталей «куклы» использовался бинокулярный микроскоп.

Открытие и общая характеристика средневекового комплекса. Последний был обнаружен неожиданно – близ западного бастиона, на уч. а-б/6. Дело в том, что заплывший оборонительный ров был заполнен мягким пепельно-серым подзолом, перекрытым лесной подстилкой. Ниже следовали плотные коричневые ортзанды, переходившие в «шоколадные» ортштейны (рис. 3 – Б). Находок в канаве было немного. При зачистке очередного горизонта в нижней части рва, на глубине 61 см от поверхности (-199 см от условного «0»), лопатой срезан кусочек органической массы с бронзовой птицевидной подвеской. При этом у подвески было повреждено основание и конец одного «крыла». Органика имела темно-коричневый цвет и первоначально была принята за кожу. После этого расчистка проводилась, в основном, ножами.

Рядом с этой находкой, на глубине 62 (-200) см проступили очертания подпрямоугольной ямы, ориентированной широтно – под углом 45° к оси рва (рис. 3 – А). Размеры вскрытой части углубления

составляли 105 x 54 см; его северный конец оставался в стенке между раскопами II и III. После разборки бровки было установлено, что на территорию раскопа II (1986-1987 гг.) яма не выходила, а ее общая длина на дне не превышала 110 см. Почти точно по контурам канавы прослеживался тонкий (3-5 см) слой оподзоленной супеси с угольками, образующий в плане правильный прямоугольник. Его размеры, зафиксированные в конце работ, – 100 x 54 см. Было очевидно, что это остатки гроба или деревянной рамы, располагавшихся на дне «могилы». Стенки ямы в придонной части крутые, практически вертикальные. Дно «могилы» плоское, прослеживалось на уровне -213 см (рис. 3 – Б). Оконтуренная деревом нижняя часть углубления высотой 13-18 см была заполнена сероватой супесью с редкими угольками. В яме, между ее центром и восточной стенкой, на глубине 62-65 (-200–203) см расчищено небольшое (20 x 7 см) углистое «пятно». В нем и около него найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики. Верхние уровни ямы при раскопках зафиксировать не удалось. Они полностью были разъедены ортзандом и обесцвечены светло-серым подзолом. По этой причине общую глубину ямы можно установить лишь приблизительно: 60-70 см.

За пределами деревянной рамы, у западной стенки ямы, на глубине 61-64 (-199–203) см *in situ* найден предмет, состоявший из набитого мхом матерчатого «мешочка», деревянной личины, двух бронзовых подвесок и обломка бронзового кольца (рис. 3 – А, 4). Как мы уже упоминали, при раскопках одна из подвесок была срезана и зафиксирована чуть в стороне от основного предмета. «Мешочек» находился сверху, под ним лежала вторая подвеска и деревянная фигурка лицевой частью вниз. Песок, на который была положена фигурка, первоначально был мягкий. В результате вымывания из вышележащего подзола окислов железа он постепенно затвердел и превратился в ортзанд, в котором сохранился четкий отпечаток личины. При извлечении предмета из слоя «нос» фигурки был слегка поврежден. Личина лежала параллельно яме и ориентирована на юг. Под давлением грунта «мешочек» с органикой сплюснулся и превратился в плотную «лепешку» толщиной 1,5-1,8 см. В плане она близка к овалу. Размеры сохранившейся части изделия – 9,8-10,3 x 7,5 см. Внутри органической массы прослеживаются остатки гибкого прута, по краям выходящего наружу. На поверхности «лепешки» виден отпечаток обратной стороны личины.

С обеих сторон предмета даже невооруженным глазом (но очень четко под микроскопом), прослеживаются остатки ткани. Они сохранились практически на всей поверхности изделия². Плотность ткани по одному направлению – основе или утку – 7 нитей на 1 см, плотность по другому направлению не определена. Возможно, ткань имела полотняное переплетение. Судя по отпечаткам рубчика, она была типа репса. На обратной стороне «спекшейся» массы, поверх материи, прослеживается небольшой (3 x 3 см) кусочек шкуры, положенной мехом к предмету. Мех пушистый – молодого оленя. На «лицевой» стороне «лепешки» – у ее верхнего края и около основания личины – фиксируются остатки веревочек и ниток. Они изготовлены из пучков сухожильных нитей, практически не крученых. На некоторых нитках имеются узелки. У верхнего края «мешка» к материи были пришиты кусочки серебряной фольги (рис. 4).

Найденный предмет специалисты интерпретируют как остатки антропоморфной «куклы-иттарма», использовавшейся в культовых действиях. Первая реконструкция нашей находки была предложена А.П. Зыковым (Борзунов, 1989, с. 54-55), вторая – К.Г. Карачаровым (2002, с. 29). Обе версии сходны. С некоторыми коррективами их можно принять и нам.

Каркас «куклы» плоский, размерами 13 x 7 см, изготовлен из двух тонких (4-5 мм) не ошкуренных прутьев. В плане он напоминает парашют. Концы длинного (30-32 см) прута были связаны, второй прутик привязан в распорку³. Затем эта конструкция была обложена с обеих сторон мхом (по виду он соответствует сфагнуму) и обернута куском материи. На обратной стороне «куклы» конец тряпки был «прихвачен» ниткой. Серебряной фольги вокруг прутьев (как полагал К.Г. Карачаров) не зафиксировано. Кусочки ее находились поверх ткани и частично были пришиты нитками. Возможно, остатками той же фольги является белесый «налет», сохранившийся на ткани по контуру личины (рис. 4).

Объемный овальный в плане «мешочек», вероятно, изображал голову человека. Его лицо было обозначено деревянной фигуркой – личиной воина в шлеме, пришитой к матерчатой оболочке «куклы». Личина закреплена продольно и таким образом, что наконечник втулки шлема выступал на 1-2 мм над верхней частью основы. За втулку шлема заведены и пришиты к краю овала пучки волос (возможно, человеческих, изображавшие косы «богатыря») и наконечники веревочки. На концах веревочек по обе стороны от фигурки закреплены две бронзовые орнитоморфные подвески. Положение бронзового колечка,

² По просьбе автора предварительный анализ остатков материи, нитей и меха любезно выполнен старшим научным сотрудником Института истории и археологии УрО РАН, к. и. н. Н.А. Алексашенко.

³ К сожалению, остатки «мешочка» с органикой еще не разрезались, поэтому о наличии поперечной распорки мы можем только догадываться.

сломанного при раскопках, установить не удалось. Из-за большой толщины проволоки оно не входит в отверстия на птицевидных подвесках. Возможно, колечко было надето на одну из веревочек.

Фигурка вырезана из деревянной дощечки (с лицевой стороны – выпуклой, с обратной – плоской) толщиной 1 см. Личина изготовлена тщательно, на обеих ее сторонах прослеживаются следы работы напильником. Изделие представляет собой изображение лица человека с рельефно переданным заостренным подбородком. Глаза и рот изображены овальными (точнее, миндалевидными) глубокими линиями. Тройными узкими рельефными валиками, идущими от верхней губы вниз, обозначены усы или своеобразная боевая раскраска воина. Его голову венчает низкий сферо-конический шлем с накоником и высокой плюмажной втулкой. На конце втулки – стреловидное утолщение с неглубокой поперечной чертой. Вниз от втулки по тулье шлема с обеих сторон спускаются три валика – имитация накладных кос. В нижней части шлема выделены надбровные дуги. Внизу личина завершается штырем, конец которого был сломан при раскопках. Размер сохранившейся части фигурки – 10,1 x 3,4 см, в том числе, головы в шлеме – 6,6 x 3,4 см.

Бронзовые подвески по форме и размерам сходны (рис. 4). Они небольшие – 4,6 x 0,8-4,3 см, отличаются в плоских односторонних формочках. Внешняя поверхность украшений выпуклая, полированная, обратная является грубым негативом лицевой стороны. Изделия представляют собой стилизованные изображения птиц и близки к так называемым «птицевидным идолам». В верхней части фигурки на месте головы – прямоугольная пластина с округлым отверстием (петля), завершающаяся внизу двумя параллельными поперечными валиками. В центральной части подвески обозначены распахнутые крылья, орнаментированные пояском мелких «перлов» и выпуклых прямоугольников на углубленном фоне. Нижняя часть имеет вид треугольной пластины. На ней рельефом выделен раздвоенный хвост (как у ласточки), а в основании имеется поперечный треугольного сечения валик, ниже которого фиксируются следы литника. У правой подвески в центре «хвостовой» части – треугольная прорезь, что сближает ее с предметами, выполненными в стиле «ажурного» литья. В петле той же фигурки сохранилось кольцо диаметром 8 мм из веревочки, концы которой связаны узелком и обрезаны. Веревочка была сплетена из нескольких прядей тонких сухожильных нитей. Современная ее толщина 1,2 мм, но первоначально она была толще.

Датировка комплекса, его аналоги и интерпретация. Несмотря на расхождение в деталях, специалисты интерпретируют подобные комплексы одинаково: ритуальные захоронения. Сами умершие в этих случаях изображались в виде человекоподобных «кукол». Следует подчеркнуть, что это были погребения и изображения конкретных, явно не рядовых людей, точнее представителей правящего сословия – «князей», более мелких вождей и воинской элиты. Культовые предметы с деревянными и бронзовыми изображениями лиц людей в шлемах известны в западносибирской тайге⁴. Обычно их изготавливали по случаю болезни или смерти «богатыря» и «дружинника». Погребались они либо самостоятельно, либо вместе с усопшим или, через некоторое время, с одним из его родственников; практиковались и перезахоронения. Куклы хоронились по одиночке или по несколько штук, не только на общих кладбищах, но и в стороне от них. Личины символизировали лица умерших, погребения кукол в миниатюре копировали обычные могилы, иногда такие захоронения дополнялись соответствующим инвентарем – оружием, украшениями, глиняной и металлической посудой (Зыков, Федорова, 2001, с. 54-63; Карачаров, 2002, с. 44-49). Птицевидные подвески символизировали душу умершего человека или одну из ее ипостасей. По представлениям обских угров и их соседей, душа человека после его смерти уходила в загробный мир в антропоморфном облике или улетаала в виде птицы (Чижова, 1987, с. 125).

Открытый нами культовый комплекс, имеющий явное сходство с погребальным обрядом населения Сургутского Приобья эпохи средневековья (Федорова и др., 1991, с. 134-142; Очерки культурогенеза ..., 1994, с. 277-289; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42-59; Борзунов, Стефанов, 1999, с. 240-244; Борзунов, 2003, с. 137-164), отличался рядом деталей. Он находился далеко от известных могильников, в оборонительном рву заброшенного древнего городка. Это отличает его от большинства захоронений «кукол»-иттарма, но сближает с могилой мальчика-«воина» кулайского времени, обнаруженной во рву белоярского городища Барсов Городок I/3⁵, а также с воинскими погребениями IX – начала X вв. обнаруженных автором во рвах того же городища (Борзунов, 1986; Борзунов,

⁴ Средневековые личины, ростовые фигурки воинов в шлемах, остроголовые человеческие фигуры, нацарапанные на металлических изделиях раннего железного века, а также изваяния менквов – традиционных персонажей мансийского фольклора XIX – начала XX вв., – являются порождением воинского культа, существовавшего у обских угров на протяжении последних двух тысячелетий (ср.: Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 81).

⁵ См. также статью В. А. Борзунов и А. П. Зыкова о Барсовском III могильнике в данном сборнике.

Бельтикова, 1989, с. 137)⁶. Погребение № 118 – одиночное, № 119 – коллективное. В первом захоронен взрослый мужчина с большим боевым ножом, бронзовым культовым литьем и поясом с бронзовыми накладками. Более интересно второе погребение. Покойные – три мужчины и женщина – были положены в глубокую прямоугольную яму (2,1 x 1,7-1,97 x 0,6-1 м), стенки которой укреплены рамой из досок. Они лежали вытянуто на спине, вплотную друг к другу, головами на северо-запад. По меркам населения тайги покойные отличались большим ростом – около 170 см. Среди сопровождающего инвентаря выделяются две бронзовые ажурные пластины с изображениями воинов или божеств (всадник в шлеме и на коне; мужчина с короной на голове, в геральдической позе – с кинжалами в поднятых руках). Каждая из них была сломана на половинки, положенные с одним из покойных (ср.: Зыков и др., 1994, с. 82, 83, 133, 134, №№ 64а, 73). С погребениями связаны следы поминальных тризн – воткнутые в грунт около могил 7 стрел с железными наконечниками, 7 железных ножей и скрамасакс. Связь погребений с оружием и «куклы» воина с оборонительным рвом является бесспорным проявлением воинского культа.

В состав культового комплекса городища Барсов Городок I/20 входила глубокая «могильная» яма, ориентированная в широтном направлении. На дно ее был поставлен, а затем сожжен деревянный ящик без дна. Остатки «куклы» находились в яме, но за пределами деревянной рамы. «Кукла» лежала личиной вниз, «головой» на юг и была закрыта куском шкуры. Обычно «куклы» помещались в центре ям, выстланных берестой, под берестяным «покрывалом», головами на юг. Также – головами на юг и юго-восток – хоронили обычных покойников. В погребальном обряде обских угров нередко фиксируются следы «огненного» культа – частичные и полные трупосожжения, угли в могилах, створенные плахи обшивки погребальных камер, ящиков, берестяных полотнищ, а также надмогильных «домиков» – «кат-сурам-насы» («юрта покойника»).

По сходным деревянным и бронзовым личинам исследованный нами культовый комплекс специалисты сейчас датируют кучминским периодом, точнее VIII-IX вв., иногда, до начала X в. (Карачаров, 2002, с. 26-50; Зыков, Федорова, 2002, с. 61-62). Подобные изображения встречаются в VIII-IX вв. и в Прикамье (Оборин, 1976, рис. 55; Оборин, Чагин, 1988, илл. 131). Что касается пары орнитоморфных подвесок, то аналогии им пока не известны. Безусловно, прав К.Г. Карачаров, отметивший неуместность привлечения В.М. Морозовым в качестве аналогов им предметов из могильника Рёлка (Карачаров, 2002, с. 29).

Фигурки, неудачно названные К.Г. Карачаровым «авиаморфными», вероятно, являлись деталями-привесками шумящих подвесок, широко распространенных в ломоватовское и родановское время в Прикамье. Об этом, в частности, свидетельствует замена головы птицы характерной петлей прямоугольной формы. Правда, от прикамских образцов наши украшения отличаются большей стилизацией, определенной грубостью исполнения и наличием не зашлифованного литника. Вполне вероятно, что эта пара привесок была изготовлена в Сургутском или Нижнем Приобье. Безусловно, их прототипами являлись бронзовые ажурные пластины ломоватовской культуры (VI-VIII вв.) и сменившей ее родановской (IX-XV вв.). Характерно, что в родановское время на смену реалистическим фигуркам людей, животных и птиц приходят крайне стилизованные изображения. Это коснулось многих категорий вещей, в том числе «шумящих» подвесок (Оборин, 1976, с. 15-16; Оборин, Чагин, 1988, с. 37-38).

Наши фигурки схематично изображают летящих птиц. Этот сюжет появился в искусстве Прикамья в эпоху бронзы и материализован в бронзовой пластике в гляденовское время и более поздние эпохи (Оборин, 1976, 12-31, рис. 1, 2, 5, 8-11, 12 а; Оборин, Чагин, 1988, с. 24, 37, рис. 37, илл. 1, 2, 4-13, 18-20; Агафонова и др., 1995, с. 54). Между тем, оформление «хвостовой» части барсовских привесок необычно: фигурки птиц с раздвоенными хвостами для пермского стиля нехарактерны. Это изображение очень напоминает основание многочисленных антропоморфных фигур с широко расставленными ногами, стоящих на животных, пресмыкающихся или фантастических существах (ср.: Оборин, 1976, рис. 52, 53; 59, 62, 63-70; Оборин, Чагин, 1988, с. 43-44, 49, 175-176, рис. 87-91, 106-109, 122, 134-145). Данная пластика укладывается в рамки ломоватовского и начала родановского периодов, что не противоречит предложенной ранее дате – VIII-IX вв. с акцентом на последний век.

⁶ Эти погребения относились к известному Барсовскому I могильнику (Барсов городок), южная окраина которого заходила на городище VII-IV вв. до н. э.

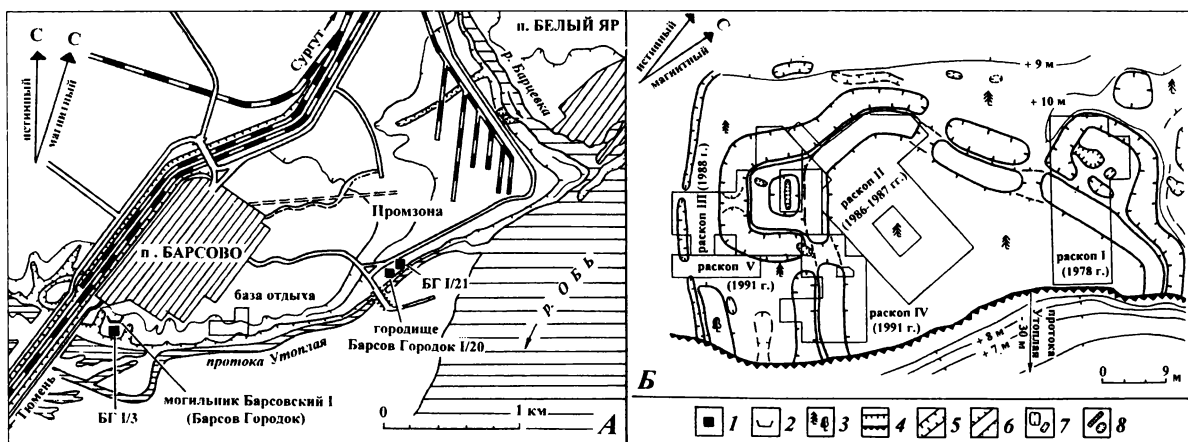

Рис. 1. Окрестности поселка Барсово (А) и план городища Барсов Городок I/20 (Б):
 1 – городище; 2 – могилики; 3 – лес; 4 – край коренной террасы; 5 – ров; 6 – вал; 7 – впадины, ямы;
 8 – старые траншеи, современные ямы

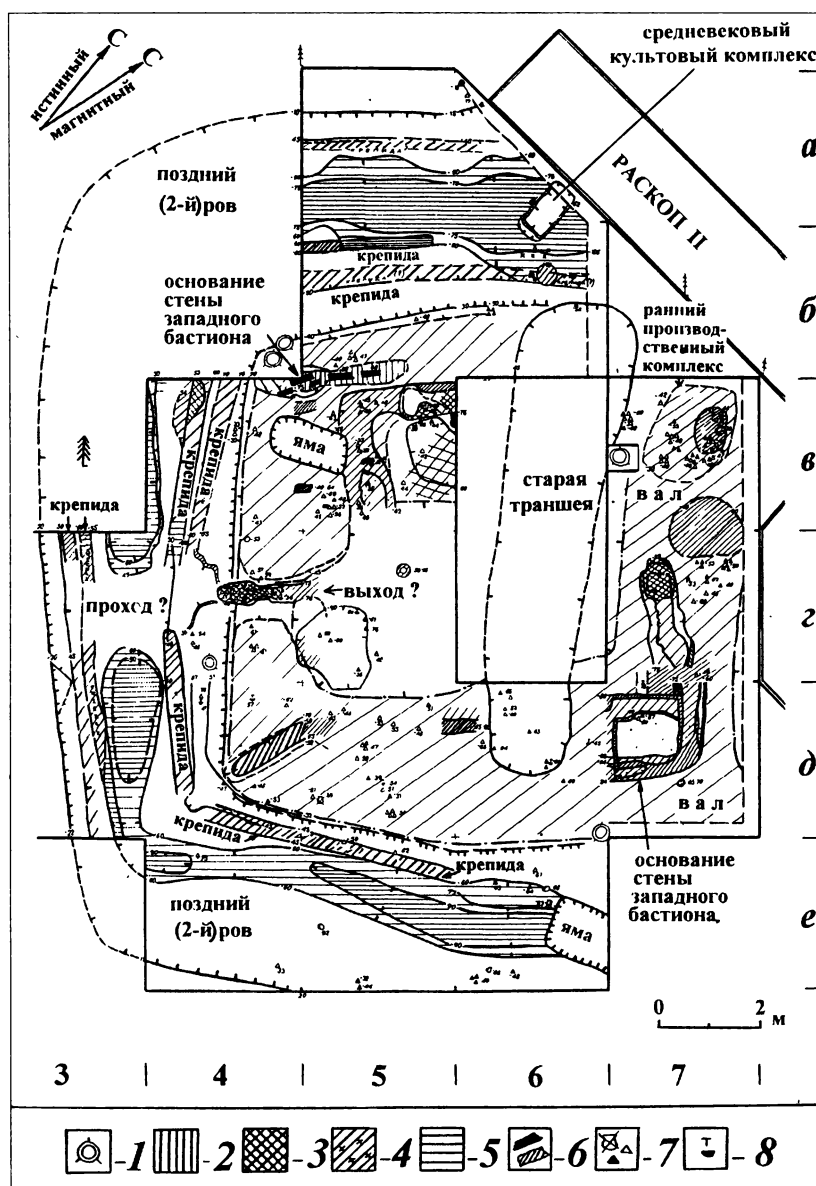

Рис. 2. Городище Барсов Городок I/20. Раскоп III. Западный бастион. Местонахождение средневекового культурного комплекса: 1 – пень; 2 – прокол; 3 – коричневая супесь с органикой; 4 – углистая супесь; 5 – орзанд, оршштейн; 6 – обугленное дерево; 7 – керамика; 8 – тигель

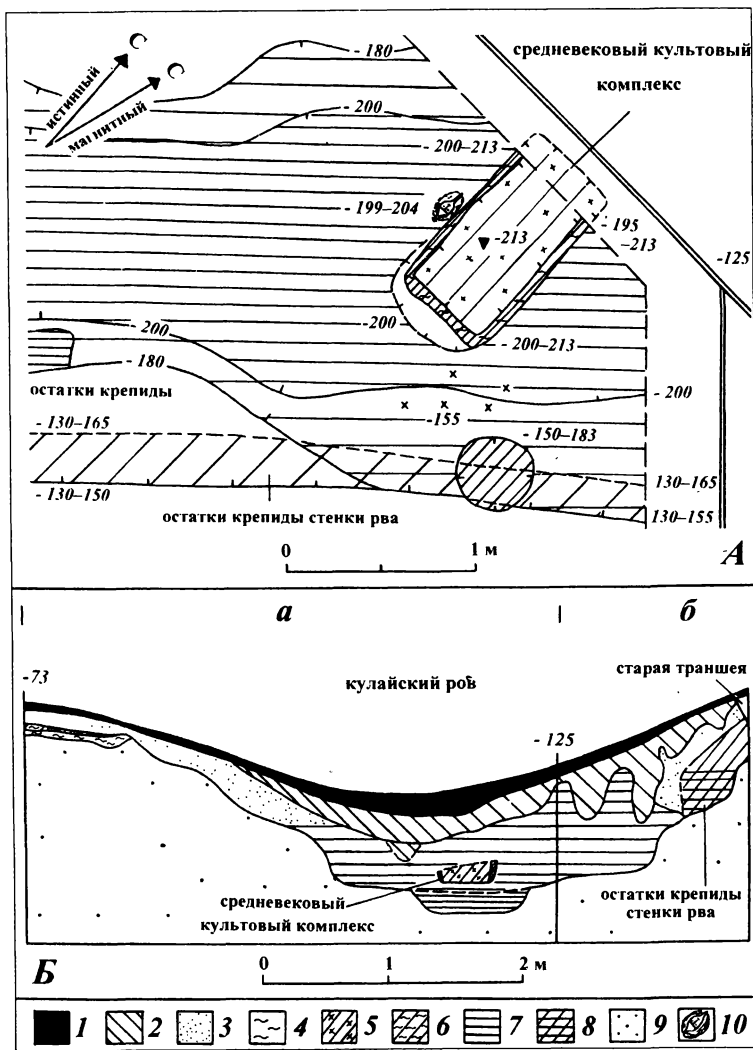

Рис. 3. Городище Барсов Городок I/20. План (А) и разрез (Б) средневекового культового комплекса: 1 – лесная подстилка (мох, гумус, опад); 2 – пепельно-серый подзол; 3 – переотложенный темно-желтый песок; 4 – погребенный подзол (древняя почва); 5 – углистая супесь, угли; 6 – оподзоленная углистая супесь; 7 – ортзанд, ортштейн; 8 – углистый песок в ортзанде; 9 – материковый светло-желтый песок; 10 – остатки «куклы»

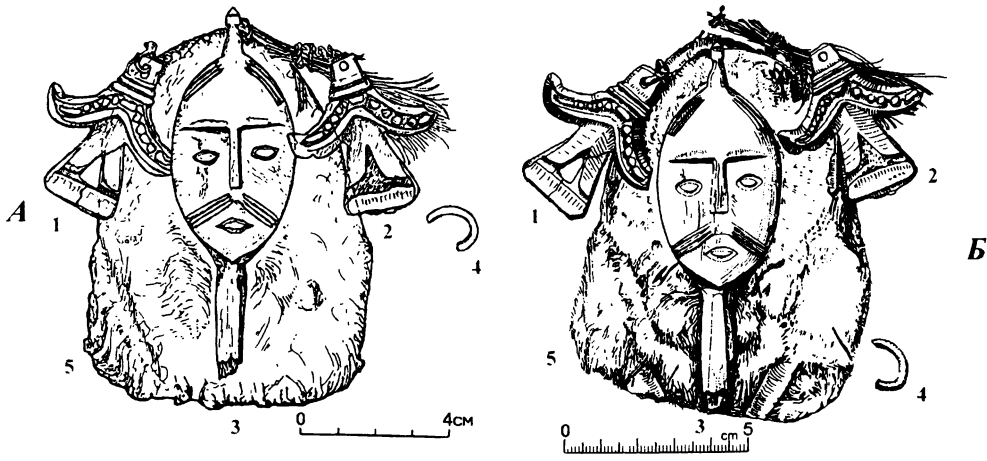

Рис. 4. «Кукла» из средневекового культового комплекса городища Барсов Городок I/20. Рисунки Л. А. Виноградовой (А) и К. Г. Карачарова (Б): 1, 2 – орнитоморфные подвески (бронза, литье); 3 – личина (дерево, резьба); 4 – обломок кольца (бронза, литье); 5 – основа «куклы» (материя, ивовый прут, мох-сфагнум, нитки, волосы, серебряная фольга)

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонова Н.Н., Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 1995. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. Пермь.
- Бельтикова Г.В. 2002. Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб.
- Борзунов В.А. 1986. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской и Свердловской областях. Свердловск. Архив ИА РАН. Р-1. № 12406; Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 432.
- Борзунов В.А. 1989. Отчет об исследованиях археологических памятников в зоне строительства Сургутской трубной базы в 1988 году. Свердловск. Архив ИА РАН. Р-1. № 13202; Архив КА УрГУ. Ф. II. Д. 463.
- Борзунов В.А. 2003. Могильник Моховая 45 – новый памятник позднего средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск – Ханты-Мансийск.
- Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. 1989. Раскопки городищ Барсов городок 1/3 и 1/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Борзунов В.А., Стефанов В.И. 1999. Могильники «Бардакова княжества» // Интеграция археологических и этнографических исследований. М. – Омск.
- Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. 1986. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX вв.). Новосибирск.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. 2001. Холмогорский клад: Коллекция древностей III-IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург.
- Карачаров К.Г. 2002. Антропоморфные куклы с лицами VIII-IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург.
- Морозов В.М. 1993. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Оборин В.А. 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Свердловск.
- Чемякин Ю.П. 2000. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. 2001. Барсова Гора: Вчера. Сегодня. Завтра. (Пер. на англ.: С.В. Шарапова, Н.В. Шатунов). Екатеринбург.
- Чижова Л.В. 1987. Культовое литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	–	Академия наук
АО	–	Археологические открытия
БНЦ	–	Башкирский научный центр
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ИА	–	Институт археологии
ИИиА	–	Институт истории и археологии
ИИЦ	–	Информационно-издательский центр
ИКНПЦ	–	Историко-культурный научно-производственный центр
КА	–	Кабинет археологии
КНЦ	–	Коми научный центр
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МУ	–	Муниципальное учреждение
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ПНИАЛ	–	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
РА	–	Российская археология
РАН	–	Российская академия наук
РИО	–	Редакционно-издательский отдел
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СО	–	Сибирское отделение
СурГУ	–	Сургутский государственный университет
СЭ	–	Советская этнография
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УрО	–	Уральское отделение
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
ЭО	–	Этнографическое обозрение

НАШИ АВТОРЫ

Алексащенко Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Арефьев Виктор Александрович – научный сотрудник Муниципального учреждения Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», г. Нефтеюганск.

Борзунов Виктор Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ПНИАЛ УрГУ, г. Екатеринбург.

Викторова Валентина Дометьяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Зыков Алексей Павлович – научный сотрудник отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Карачаров Константин Геннадьевич – научный сотрудник отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Кернер Валентина Фридриховна – научный сотрудник отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Колмакова Вера Викторовна – инженер Уральского государственного политехнического университета, г. Екатеринбург.

Панина Светлана Николаевна – зав. Отделом археологии Свердловского областного краеведческого музея, г. Екатеринбург.

Петрин Валерий Трофимович – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Екатеринбург.

Сериков Юрий Борисович – доктор исторических наук, профессор Нижнетагильского педагогического института, г. Екатеринбург.

Усачева Ирина Витальевна – научный сотрудник Тюменского краеведческого музея, г. Тюмень.

Федорова Анна Юрьевна – технолог, агентство Арт Медия, г. Екатеринбург.

Федорова Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Широков Владимир Николаевич – научный сотрудник отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Шорин Александр Федорович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург.

M.W. Rowe – Texas A&M University, Department of Chemistry, USA.

J.R. Southon – Center for Accelerator Mass Spectrometry, Lawrence Livermore National Laboratory, Livermore, USA.

K.L. Steelman – Texas A&M University, Department of Chemistry, USA.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексащенко Н.А., Кернер В.Ф. Принцип «предметно-практической деятельности» и «образ жизни»	3
Викторова В.Д. Перелистывая страницы жизни.....	5
Викторова В.Д., Колмакова В.В., Федорова А.Ю. И разные народы побывали здесь.....	9
Чемякин Ю.П. Изображения медведей на кулайских сосудах с Барсовой Горы.....	21
Алексащенко Н.А. «Журавлик» с Усть-Полуя.....	29
Арефьев В.А., Карачаров К.Г. Всадник на медведе.....	31
Федорова Н.В. «Рогатый медведь»	35
Панина С. Н. Лоси и медведи в «Жилище Сокола».....	41
Кернер В.Ф. Медведь в обрядах перехода	49
Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнatieвская пещера – первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков.....	67
Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая).....	73
Петрин В.Т., Усачева И.В. Антропоморфная скульптура эпохи неолита с Южного Урала	83
Шорин А.Ф. Кокшаровский холм – новый тип культовых комплексов Северной Евразии.....	87
Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в сургутском приобье	103
Борзунов В.А. Средневековый культовый комплекс с городища Барсов Городок 1/20	113

Научное издание

ОБРАЗЫ И САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДРЕВНИХ ЭПОХ

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Технический редактор: Е.В. Мирошкина

Дизайн: С.Н. Панина, Е.В. Кузьмина

Компьютерная верстка: И.С. Ленский

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 95 3000 – книги, брошюры.

Подписано в печать 26.09.2003.
Формат 60х90/8. Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 16. Тираж 300. Заказ № 130.

Издательство «АКВА-ПРЕСС»
Лицензия ИД № 02173 от 28.06.2002
г. Екатеринбург, ул. Шейнкмана 32а
тел.: +7 (3432) 63-75-13, 76-34-70
e-mail: aquapress@mail.ru

